
ДАНБАР
Эдвард
Сент-Обин
Кавер-версия «Короля Лира»
Уильяма Шекспира в исполнении
литературного аристократа

Данбар
Эдвард Сент-Обин

Аннотация
Эдвард Сент-Обин. Данбар
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
Благодарности

Аннотация

Некогда могущественный владелец огромной корпорации Генри Данбар теряет контроль над реальностью. Его здоровье ухудшается, и он передает управление двум старшим дочерям, которые только того и ждали. Упрятав папашу в частную клинику, они замышляют хитроумный план, позволивший бы им обогатиться, оставив отца не у дел. Но Данбар, почуяв неладное, сам планирует побег из клиники, чтобы вернуть себе прежнюю власть и изменить свое решение в пользу младшей дочери, Флоренс.

Эдвард Сент-Обин Данбар

© О. Алякринский, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Кейт

1

— Сегодня мы без таблеток, — прошептал Данбар.

— Без таблеток, без балеток, без жилеток, — запел Питер. — Никаких таблеток! Вчера, — продолжал он заговорщицким шепотом, — мы размазывали слюни по лацканам наших махровых халатов, а сегодня мы без таблеток! Мы их выплюнули и транквилизировали наши цветуёчки в горшках! Если те свеженькие лилии, которые вам присылают каждый день…

— Стоит мне только подумать, откуда они берутся… — зарычал Данбар.

— Спокойно, старичок!

— Они украли мою империю, а теперь присылают мне вонючие лилии!

— Да бросьте! Неужели у вас была империя? — произнес Питер тоном взволнованной хостес из борделя. — Вы должны встретиться с Гэвином из палаты тридцать три, он здесь инкогнито, но его настоящее имя, — Питер понизил голос, — *Александр Македонский*!

— Не верю ни единому слову, — рявкнул Дан-

бар. — Он давным-давно умер!

— Что ж, — тут Питер заговорил с интонациями психиатра с Харли-стрит[1], — если эти взволнованные лилии страдали от шизофренических наклонностей… наклонностей, замечу я особо, отчасти характерных для шизоидной стадии, а не для ярко выраженного заболевания, их симптомы можно будет купировать, сведя до минимума фатальное побочное действие. — Он подался вперед и прошептал: — Вот куда я бросил свои смертоносные таблетки — в вазу с лилиями!

— Да будет тебе известно, что у меня и правда была империя, — сообщил Данбар. — Разве я не рассказывал тебе историю о том, как ее у меня украли?

— Много раз, старичок, много раз! — мечтательно протянул Питер.

Данбар рывком встал с кресла и, сделав пару неуверенных шагов, выпрямил спину и прищурился, глядя на яркий свет, бьющий сквозь пуленепробиваемое стекло его палаты премиум-класса.

— Я сказал Уилсону, что готов остаться независимым председателем совета директоров, — на-

[1] Примечания: 1

Лондонская улица, на которой располагаются кабинеты частнопрактикующих врачей.

чал рассказывать Данбар, — и при этом за мной должны сохранить самолет, свиту, собственность и все полагающиеся привилегии, но я сниму с себя основное бремя, — он обхватил вазу с лилиями и осторожно поставил ее на пол, — бремя управления «Трастом» на постоянной основе. С этого дня, объявил я ему, мир будет моей идеальной площадкой для забав и, в свое время, моим личным хосписом.

— О, это очень хорошо, — кивнул Питер. — «Мир — мой личный хоспис». Это что-то новенькое!

— «Но ведь «Траст» — это все, что у тебя есть!» — заявил мне Уилсон. — Углубляясь в свою повесть, Данбар пришел в еще большее возбуждение. — «Если ты намерен так поступить, возразил он, у тебя ничего не останется. Ты не можешь что-то отдать и в то же время продолжать этим владеть!»

— Это уязвимая позиция, — вставил Питер, — сказал Р. Д. Лэинг епископу[2].

— Позволь мне закончить рассказ, — прикрикнул Данбар. — Я объяснил Уилсону, что это всего лишь способ снизить налоговые выплаты и что

---

[2] Примечания: 2

Лэинг Р. Д. (1927–1989) — шотландский психиатр, автор популярных исследований человеческой психики. Конструкция «сказала (актриса) епископу» и производные от нее — популярный юмористический комментарий, аналогия в русском языке: «…сказала старушка, вылезая из-под трамвая».

мы сможем обойти налог на наследство, если просто отдадим девочкам компанию. Но Уилсон не согласился: «Лучше заплатить налог, чем лишать себя собственности!»

— Ух, как же нравится мне этот Уилсон! — заметил Питер. — Вас послушать, то к нему всегда следует прислушиваться, потому что ослушаться нельзя, а как прислушаешься — так сразу ясно: у него все таблетки привинчены как надо. То есть я хочу сказать, винтики в его головах привинчены как надо.

— У него только одна голова! — нервно возразил Данбар. — Он же не гидра. Мои дочери — вот те оказались гидрами.

— Только одна голова? — воскликнул Питер. — Какой скучный парень! Когда я в антидепрессии, у меня на плечах больше голов, чем шариков в котелке.

— Хорошо, хорошо! — Данбар уставился в потолок и загудел голосом Уилсона: — «Вы не можете хвататься за капканы власти, не имея никакой власти! Это просто… — Он осекся, пытаясь избежать слова, но в итоге позволил этому слову сорваться с языка: —…прекраснодушие!»

— Ага, прекраснодушие, малодушие и удушение, — проговорил Питер трагическим тремо-

ло, — сошествие, буква за буквой, в глубокую могилу. Как же легко мы, споткнувшись, катимся вниз по ступеням, подобно Фреду Астеру, размахивая косой, точно тростью!

— Господи всеблагий. — У Данбара побагровело лицо. — Перестань, пожалуйста, меня перебивать! Меня никто никогда не перебивал! Меня всегда смиренно слушали. Если же кто-то и раскрывал рот, то только чтобы польстить мне или сделать щедрое предложение. Но ты, ты…

— Лады, ребята! — заявил Питер, как будто обращаясь к разъяренной толпе. — Освободите трибуну для парня. Послушаем, что он нам имеет сказать!

— Я буду делать то, что, черт побери, хочу! — воскликнул Данбар. — Вот что я тогда сказал Уилсону. Я информирую тебя о своем решении, а не спрашиваю твоего совета. Просто исполняй!

И Данбар снова устремил взгляд к потолку.

— «Я не только твой адвокат, Генри, я еще и твой самый старый друг! Я говорю об этом из желания тебя обезопасить!» Ты слишком много возомнил о нашей дружбе, заорал я, нечего мне читать лекции о компании, которую я создал в одиночку! — Данбар воздел к потолку кулак и потряс им. — И тут я схватил яйцо Фаберже,

которое лежало на моем столе в гнезде из салфеток — это было уже третье за тот месяц! Как же однообразны эти русские со своими имперскими замашками! Кучка еврейских выскочек-клептократов, корчащих из себя великих князей Романовых. Зачем мне это «дурацкое русское барахло!» — так вскричав, я швырнул яйцо в камин, и жемчужины и осколки эмали рассыпались по золе. Как мои дочери это называют? «Побрякушки! Дурацкие русские побрякушки!» Уилсон и бровью не повел. Эти мои «инфантильные истерики» стали почти что повседневными, вызывая озабоченность у моей команды врачей. Понимаешь, — возбужденно обратился Данбар к Питеру, — я теперь могу читать его мысли. У меня открылся…

— Боюсь, у вас открылся психиатрический третий глаз! — изрек Питер тоном консультанта с Харли-стрит.

— Тьфу ты, перестань корчить из себя врача!

— А кого мне из себя корчить? — спросил Питер.

— Бога ради, будь самим собой!

— О, этому я еще не научился, Генри! Разрешите мне изображать кого-то попроще. Может, Джона Уэйна? — Питер не стал дожидаться отве-

та. — Пойдем-ка прочь из этого притона, Генри, дружище! — зарокотал он на манер звезды вестернов. — И уже завтра на закате мы завалимся в салун в Уиндермире и закажем по стаканчику, как оно и подобает двум крутым парням, которые крепко держатся в седле своей судьбы.

— Я должен дорассказать тебе свою историю, — жалобно взмолился Данбар. — И не дай мне бог сойти с ума!

— Видите ли, — продолжал Питер, не обращая внимания на приунывшего Данбара. — Аз есмь… или я был… или я бывало… кто знает, история ли я иль нет? Я — знаменитый комик, но я страдаю от депрессии, от комического недуга, от трагического недуга комика, или от исторического недуга трагического комика, или от фикции трагического недуга всех исторических комиков!

— Прошу тебя, — взмолился Данбар. — Ты меня совсем запутал.

— О, я в антидепрессии, в антидепрессии я, — запел Питер. Он спрыгнул со стула и подхватил Данбара под руку, приглашая его закружиться с ним в танце. — Я в такой антидепрессии, что стал маньяком! — Он вдруг остановился и выпустил руку Данбара. — Громко визжат шины! — продолжал он, имитируя закадровый голос

диктора. — Это водитель изо всех сил старается выровнять руль, когда его автомобиль повис на краю пропасти.

— Я видел твое многоликое лицо, — устало проговорил Данбар, — на многих экранах.

— О, я не претендую на уникальность! — заметил Питер с наигранной скромностью. — Я не один такой. Сказать по правде, в 1953 году, когда моя беспечная матушка извергла меня в эту юдоль страданий, в одной только телефонной книге Лондона уже значились двести тридцать и еще один Питер Уокер, так что я не просто не один такой, нас слишком много!

Данбар остановился как вкопанный посреди палаты.

— Но я отвлекся, старичок! — продолжал Питер весело. — Расскажите-ка мне про свою команду врачей!

— Моя команда врачей, — повторил Данбар, хватаясь за спасательный круг знакомого словосочетания, выскочившего из клубка его спутанных мыслей. — Да, да. Накануне того дня, когда я объявил Уилсону о своем решении, доктор Боб, мой личный терапевт, отвел Уилсона в сторону и сообщил, что я переживаю некие «незначительные церебральные явления». Но он добавил, что

«причин для излишнего беспокойства нет».

— А какие могут быть причины для излишнего беспокойства, — невольно поинтересовался Питер, — когда есть масса причин для далеко не лишнего беспокойства?

Данбар отмахнулся от него, как от надоедливой мухи.

— Но, — продолжал Данбар, — как считает мой златоуст-лекарь, этот позлащенный змий, этот двенадцатиликий дракон, который давно уже мог стать экспертом в своем деле, ибо его единственным пациентом был я, или твой покорный слуга, или, во всяком случае, не кто иной, как я, Генри Данбар, — заявил он, бия себя в грудь, — Генри Данбар!

— А разве вы не Генри Данбар, канадский медиамагнат? — спросил Питер, как могло показаться со стороны, сгорая от любопытства. — Один из богатейших в мире людей и, вероятно, самый могущественный в мире?

— Да, да, я самый, или я собственной персоной, по крайней мере, это мое имя! Моя грамматика прихрамывает, поскальзывается на некоторых мыслях, крутится, словно попав в водоворот. Так вот, как считает этот негодяй и предатель, мой личный терапевт, было бы лучше свести мои

истерики «к минимуму», чтобы моя свита на них не реагировала или, по крайней мере, не делала вид, что относится к ним слишком серьезно.

— Истерики будут доведены до максимума завтра днем, — возвестил Питер, — когда Ураган Генри понесется по Озерному краю. Невольным зрителям рекомендовано заползти в подвалы или приковать себя к утесам.

Данбар замахал руками, словно разгоняя тучи назойливых мух.

— Я… я… О чем это я? Ах да, после учиненной мной сценки ярости Уилсон остался невозмутим, решив, что это самое разумное. Тем временем я заметил яйцо. Его поверхность была выщерблена и помята, но внутри безделушка сделана из чистого золота и не могла разбиться вдребезги, на что я, пребывая в мрачном настроении, понадеялся. Я подбежал к яйцу и обрушил на сводившую меня с ума игрушку всю безжалостную мощь своей ступни, однако изделие оказалось куда более прочным, чем я думал: яйцо выскользнуло из-под моей подошвы, но я ухитрился схватиться за край камина, чтобы уберечь себя от постыдного падения на пол. Я заметил, как верный Уилсон привстал со стула, но вновь опустился на него. Мимолетный шок сбил волну обуявшей меня

ярости, но разбередил мою душу.

— «Я старею, Чарли», — сказал я Уилсону, подобрав с пола сувенирное яйцо и подавив в себе ощущение, которое не покидало меня с момента того глупейшего происшествия в Давосе, — ощущение постоянного страха снова споткнуться и упасть, потерять доверие к своему предательскому телу. «Я больше не хочу нести такую гигантскую ответственность, — сказал я, — а девочки позаботятся обо мне, их хлебом не корми — дай только похлопотать о своем стареньком папочке!»

— Коротше кофоря, — произнес Питер с сильным венским акцентом, — он префратил звоих дотшерей ф сфою мать, сказал Фрейд епископу на углу Хайматсштрассе и Вандерлуст.

— Я распахнул ближайшее ко мне окно, — упрямо продолжал Данбар, — и подбросил яйцо в воздух. «Пусть оно кому-то принесет счастье сегодня!» — вот что я сказал.

— «Если только оно не пробьет кому-то череп! — заметил Уилсон. — Человеческие головы куда более хрупкие, чем золото».

— О, да этот Уилсон мудрец! — вставил Питер.

— «Не сомневаюсь, мы бы уже услышали крик пострадавшего! — заверил я Уилсона, вер-

нувшись за свой стол. — Обычно люди лучше скрывают радость, чем страдание. — Вот с этими словами я предложил Уилсону подарок. — Возьми себе одно. У меня этих русских безделушек достаточно, чтобы приготовить фирменный омлет а-ля Фаберже». Я выдвинул ящик стола и бросил ему сверкающую игрушку. Уилсон, который на протяжении десятилетий играл в мяч со мной и моим семейством — начиная с того первого воскресного обеда, когда мы играли в саду в бейсбол, как самая обычная семья, как и подобает семье, играющей в самую обычную семью, — ловко его поймал и, взглянув на ажурный узор, выложенный крест-накрест мельчайшими бриллиантиками на розовой поверхности, молча кинул его на столик рядом со своим креслом, и яйцо, покатившись, застыло, покачиваясь, около его пустой кофейной чашки из мейсенского сервиза.

— Мне нравится эта живописная деталь, дорогой! — прокомментировал Питер, точно восторженный театральный режиссер. — Очень нравится!

— «Тебе во всяком случае стоит сохранить пакет акций, — посоветовал Уилсон, — но заявляю сразу: они вряд ли позволят тебе сохранить лай-

нер «Глобал-один». Частное лицо не может иметь собственный 747-й!» «Позволят? — загремел я, — что значит *позволят*? Да кто посмеет отказать Данбару в его желаниях? Кто посмеет отказать Данбару в его капризах?»

— Ну, разве что сам Данбар, — отозвался Питер. — Только у него для этого есть власть, или только что была власть, или когда-то была власть.

— Я сделаю это условием дарения. Клянусь Богом, все будет по-моему!

Стук в дверь заставил Данбара умолкнуть. Его глаза округлились: он стал похож на загнанного зверька.

— Быстро! — Питер, подпрыгнув, бросился к нему и зашептал: — Притворитесь, что вы приняли свои таблетки, но только не глотайте! Завтра, старичок, нам предстоит великое бегство, великий побег из тюрьмы!

— Да, да, — закивал Данбар. — Великое бегство… Войдите! — величественно воскликнул он.

Тихо напевая себе под нос тему из кинофильма «Миссия невыполнима», Питер подмигнул Данбару. Тот попытался было подмигнуть в ответ, но не смог этого сделать одним глазом, поэтому несколько раз мигнул обоими.

В палату вошли две сестры, толкая перед собой тележку. На тележке стояло множество стеклянных пузырьков и покачивался столбик пластиковых стаканчиков.

— Добрый вечер, джентльмены! — радушно произнесла сестра Робертс — та, что постарше. — Как вы сегодня?

— Не приходило ли вам в голову, сестра Робертс, — начал Питер, — что в душе каждого из нас может быть больше одной эмоции, не говоря уж о том, что у нас двоих их явно куда больше одной?

— Опять за старое, мистер Уокер, все зубоскалите! — посетовала сестра Робертс. — Мы ходили сегодня на собрание?

— Мы ходили на наше собрание. И я счастлив вам доложить, что мы испытали теплое чувство товарищества, будучи бок о бок с нашими товарищами по товариществу.

Сестра Малдун невольно хохотнула.

— Не потакай ему! — осуждающе вздохнув, одернула ее сестра Робертс. — Мы же не попытаемся снова сбежать в соседний паб, а?

— Да за кого вы меня принимаете?! — возмутился Питер.

— За буйного алкоголика! — саркастически

ответила сестра Робертс.

— Есть ли на свете какая-либо причина, по которой человек может покинуть сей печально знаменитый уголок красоты, — завопил Питер трагическим тремоло, — сей райский вертоград натуральных транквилизаторов, сию долину, по которой струится млеко человеческой доброты, точно шелковая река, врачуя взбаламученные души вашей состоятельной клиентуры?

— Хм, — пробормотала сестра Робертс. — За вами нужен глаз да глаз.

— Здесь, в замке Медоумид, — заявил Питер, обратившись в строгого коменданта-немца, — мы довели режим безопасности до девяноста девяти и девяти десятых процента. А почему не до ста процентов ровно? По одной-единственной причине — потому, ребята, что вы вытолкали одного из надзирающих офицеров за окно, и он всю ночь просидел снаружи и отморозил себе пальчик!

— Довольно молоть чепуху! — отрезала сестра Робертс. — А что эта ваза делает на полу? Сестра Малдун, верните ее на место. А затем, будьте любезны, проводите мистера Уокера обратно в его палату. Мистеру Данбару требуется дневной отдых. Пора попрощаться и оставить его в покое!

— До скорого, приятель! — бросил Джон Уэйн,

подмигнув Данбару на прощанье.

Данбар несколько раз зажмурился в ответ, давая понять, что все понял.

Оставшись наедине с Данбаром, сестра Робертс покатила тележку с лекарствами в спальню.

— Я считаю, что мистер Уокер оказывает на вас дурное влияние, — изрекла она. — Он заставляет вас нервничать!

— Да, — смиренно согласился Данбар. — Вы правы, сестра. Он немного навязчив. Иногда он меня пугает.

— Это неудивительно, дорогой! Сказать по правде, мне никогда не нравилось его шоу «Многоликий Питер Уокер» — я всегда сразу переключала канал. А вот Дэнни Кея[3] могла смотреть хоть каждый день! Это была куда более невинная эпоха. Или Дика Эмери[4] — о, он меня так смешил! — Сестра Робертс ловко взбила подушки для Данбара, пока он сидел на краю кровати — ни дать ни взять, сонный старик.

— Пора нам принимать наше дневное лекар-

---

[3] Примечания: 3

Кей Дэнни (1913–1987) — американский киноактер и певец, звезда мюзиклов 1940–1950-х годов.

[4] Примечания: 4

Эмери Дик (1915–1983) — британский комик, главный герой одноименного сериала (1963–1981).

ство! — Сестра Робертс выбрала два пузырька и взяла пластиковую чашку из столбика в углу тележки. — Вот тут у нас чудесные таблеточки — зеленая и коричневая, от которых нам будет тепло и приятно, — объяснила она нарочито простым языком, чтобы старый добрый Данбар смог ее понять, — а потом мы примем большую белую, которая избавит нас от бредовых идей, будто наши дочки нас разлюбили, хотя они платят за наше пребывание в чудесном санатории Медоумид, где мы находимся на заслуженном отдыхе после того, как мы много лет были очень-очень занятым и очень-очень важным человеком!

— Я знаю, что они меня любят, правда, — пробормотал Данбар, беря в руки чашечку с таблетками, — но у меня в голове что-то все перепуталось.

— Ну конечно! — закивала сестра Робертс. — Поэтому вы и здесь, дорогой! Мы вам поможем!

— У меня есть другая дочь… — начал Данбар.

— Другая дочь? — переспросила сестра Робертс. — Ох, дорогой, мне нужно будет обсудить с доктором Харрисом вашу дозировку.

Данбар сунул таблетки в рот и глотнул воды из стакана, который ему заботливо подала сестра Робертс. Одарив ее благодарной улыбкой, старик

прилег на кровать и, ни слова не говоря, закрыл глаза.

— Поспите-поспите! — промурлыкала сестра Робертс, выкатывая тележку из спальни. — Сладких снов!

Услышав, что дверь затворилась, Данбар тотчас открыл глаза. Он сел и выплюнул таблетки на ладонь, потом рывком поднялся с кровати и побрел обратно в гостиную.

— Чудовища, — пробурчал он, — стервятники, терзающие мое сердце и внутренности. — И он представил себе вздыбившиеся перья на головах стервятников, все в крови и ошметках мяса. Коварные, распутные стервы, совратившие его личного терапевта — врача, поставленного следить за состоянием организма Данбара, уполномоченного брать кровь и мочу Данбара на анализ, проверять его на рак простаты и просвечивать его нежную носоглотку, но не стоит и думать об этом, не стоит думать об этом… Совратив его личного терапевта и превратив в своего *очень личного* гинеколога, своего сутенера, трахаля, пенисоглавого змея!

Трясущимися пальцами он затолкал таблетки в узкое горлышко вазы.

— Думаете, вы сможете оскопить меня своими

химикатами, а? — продолжал Данбар. — Ну, тогда берегитесь, мои милые сучки, я возвращаюсь. Думаете, со мной покончено? Но я вам отомщу! Я… пока не знаю, что сделаю с вами… но я…

Слова еще не оформились, решение еще не пришло, но ярость продолжала клокотать в его душе, пока он не зарычал как волк, изготовившийся к прыжку, и это был глухой, медленно нарастающий рык пленника. Он занес вазу над головой, вознамерившись швырнуть ее в свое тюремное окно, но вдруг замер, не в силах ни разбить ее, ни поставить на стол, и его решимость действовать вдруг стала жертвой сшибки между всесилием и бессилием, обездвижившей его тело и душу.

2

— Но почему ты не хочешь сказать мне, где он? — спросила Флоренс. — Он же и мой отец!

— Дорогая, ну конечно, я скажу тебе, где он, — ответила Эбигейл. В ее хрипловатом голосе угадывался канадский выговор, щедро залакированный британским высшим образованием. Зажав телефонную трубку между ухом и плечом, она закурила сигарету. — Я просто не могу сейчас вспомнить название этого кошмарного заведения. Я попрошу кого-нибудь прислать его тебе электронной почтой чуть позже сегодня — обещаю!

— Уилсон поехал за Генри в Лондон, потому что он очень за него волновался, — продолжала Флоренс. — И был уволен, как только приехал. Это после сорока лет беззаветной преданности отцу…

— Да, знаю. Просто ужасно! — отозвалась Эбигейл, равнодушно глядя через окно спальни на залитые солнцем высотки Манхэттена. — Папа стал такой мстительный.

— Уилсон говорит, он еще никогда не видел

его таким расстроенным, — продолжала Флоренс. — Я слышала, он бросался на прохожих на Хемпстед-Хай-стрит после психиатрического освидетельствования, на которое ты его направила. Банкоматы зажевали все его карты, а когда он обнаружил, что его сотовый отключен от обслуживания, он так рассвирепел, что бросил его под колеса проезжавшего мимо автобуса. Я просто не понимаю, как такое могло произойти.

— Ну, ты же знаешь, какой он нетерпеливый!

— Я не это имею в виду. Я хочу сказать: как такое могло случиться, что его карты и его телефон…

— Дорогая, у него был самый настоящий припадок: полиция нашла его сидящим в дупле дерева на Хемпстед-Хит, он *сам с собой разговаривал*!

— Если бы всех, кто разговаривает сам с собой, сажали в психушку, на свободе не осталось бы никого, кто мог бы за ними присматривать!

— Ты начинаешь действовать мне на нервы! — воскликнула Эбигейл. — Доктор Боб, — продолжала она, с улыбкой обернувшись к нему, чтобы подчеркнуть драматическую иронию упоминания его имени, — констатировал, что у папы произошел довольно серьезный психический срыв!

Доктор Боб поднял вверх два больших пальца

в знак высокой оценки использования ею столь впечатляющей фразы.

— И теперь его поместили в лучшую и весьма комфортабельную психиатрическую клинику в Швейцарии, — добавила Эбигейл. — Вот только забыла ее название… вертится на кончике языка. Откровенно говоря, когда я увидела их сайт, мне самой захотелось туда попасть: это просто *райский уголок*! Извини, если я была раздражена, но дело в том, что мы любим папочку вовсе не меньше, чем ты! Ведь, по правде сказать, мы с ним общаемся куда дольше твоего, так что получается, мы любим его даже больше, чем ты, как говорится, в плане аккумулированного дохода! Но если серьезно, на рынках он до сих пор считается главой «Траста», и если в прессу просочатся слухи, что Генри Данбар свихнулся, все мы можем завтра проснуться и обнаружить, что наши акции обесценились на пару миллиардов долларов, а послезавтра — еще на пару миллиардов… Тут дело за малым — достаточно только слуха!

— Мне наплевать на котировки акций! Я просто хочу удостовериться, что он в порядке. А если он в беде, я хочу ему помочь!

— О, как это благородно! — усмехнулась Эбигейл. — Ну, кто-то из нас уже помогал ему управ-

лять «Данбар-Трастом», чем, если ты не заметила, он и занимался всю жизнь. Я знаю: ты предпочла не участвовать в этих «отвратительных игрищах в борьбе за власть» и решила стать художницей и растить своих детей в «здоровой среде». И боже тебя сохрани, обращать внимание на нечто столь низменное, как котировки акций — пока дивиденды от портфельных инвестиций ежемесячно капают на твой банковский счет.

— Хватит этих велеречивых слов, Эбби! Я просто хочу увидеть его, вот и все! — возмутилась Флоренс. — Пожалуйста, как можно скорее скинь мне адрес клиники по электронной почте.

— Конечно, дорогая! И не спорь со мной, это так… Хм, бросила трубку! — Эбигейл отключила телефон и со стуком положила трубку на прикроватный столик. — Боже, как меня нервирует эта девчонка! — пробормотала она и, легким движением плеч скинув халат на пол, улеглась в кровать. — Иногда мне кажется, я могла бы придушить ее голыми руками!

— Я бы не советовала, — возразила Меган. Она лежала слева от доктора Боба, на ее лице застыло пугающе скучающее выражение. — Найми профессионала.

— Думаешь, мы сможем вычесть это из налого-

облагаемой базы? — спросила Эбигейл. — Я имею в виду оплату услуг профессионала.

Меган, гордившаяся своим угрюмым нравом, позволила себе улыбнуться.

— Девушки! — с притворным ужасом воскликнул доктор Боб. — Речь же идет о вашей сестре!

— Сводной сестре! — поправила его Меган.

— Мы были бы просто счастливы, если бы ты сумел хирургическим путем удалить ту ее часть, которая не относится к Данбарам, а, Мег?

— Это похоже на вполне разумный компромисс, — кивнула Меган.

— У нее длинные ноги матери! — заметила Эбигейл.

— И глаза матери, — добавила Меган.

— В любом случае нам надо поводить ее за нос всего каких-то пять дней, до совещания в четверг, — рассудительно продолжала Эбигейл. — После которого мы заручимся поддержкой совета директоров. Пора лишить папу странной роли «независимого председателя совета директоров» — это же все равно как требовать доставку «немокрой воды»! Ненавижу эти его дурацкие распоряжения!

— А мне понравился твой имейл. — Меган внезапно оживилась. — «Ты разве не получила его

последнее распоряжение? ПАПОЧКА СОБРАЛСЯ ЖИТЬ ВЕЧНО»?

— Знаю, грешно смеяться, — ответила Эбигейл, — но у меня из головы не идет эта картина: он стоит на Хемпстед-Хай-стрит и вопит: «Исполняй! Просто исполняй!»

— Это символ его нынешнего эмоционального и интеллектуального состояния, — насупилась Меган. — Вопить: «Просто исполняй!» — и ты либо все делаешь, как ему хочется, либо тебя увольняют. А помнишь выражение его лица, когда мы ему сообщили, что «Глобал-один» не вылетит за ним в Лондон?

— Зачем тебе 747-й «боинг», спросила я его, — вспомнила Эбигейл. — Ты же можешь воспользоваться одним из «гольфстримов» — они куда уютнее! Я думала, у него прямо там инфаркт случится.

— «Гольфстрим»? — Изображая отца, Меган заскулила, как капризный ребенок. — «Да за кого ты меня принимаешь? За кого? Ты меня с кем-то путаешь? С каким-то обычным богачом?»

— Он вечно талдычил, что к бизнесу не следует относиться сентиментально, что мы делаем только то, что нам говорят, — продолжала обиженно Эбигейл. — И он уж точно не был сентиментален,

когда пришлось урезать мамочкину долю в ходе разбирательств об опеке над нами. Ну а теперь пусть наслаждается вкусом своих таблеток! И твоих таблеток! — добавила она, словно доктор Боб мог оскорбиться оттого, что никто не упомянул о его заслугах. — Что ты ему дал?

— Неспецифический растормаживающий препарат. Он должен был повысить его внушаемость и в целом обострить параноидальные реакции в тех случаях, когда он попадал в неблагоприятные условия, — стал объяснять доктор Боб, надеясь, что в комнате нет прослушивающих устройств.

— Какая досада, что он так быстро сдулся, — усмехнулась Меган. — Где же ваши внутренние ресурсы, Данбар? — издевательски вопросила она. — Ни денег, ни телефона, ни машины, ни свиты! Несколько неудобных вопросов нашего друга-психиатра, немного легких стимуляторов паранойи — только и всего, чтобы заставить его закатить истерику на Хемпстед-Хит и забиться с перепугу в трухлявое дерево.

— Ему еще повезло, что его нашли в том дупле, — заявила Эбигейл, точно няня, требующая от своего маленького воспитанника перестать жаловаться и ловить дары судьбы.

— Больше всего мне понравилось, как он уволил

своего самого преданного союзника, — сказала Меган. — Это же просто невероятно! Нам было бы ох как несладко, если бы пришлось самим избавляться от Уилсона. Но с превеликим сожалением выполнить последний здравый приказ отца и исключить его личного адвоката из совета директоров — об этом можно было только мечтать!

— Ну, должен сказать, — заметил доктор Боб, который ждал удобного момента, чтобы увести разговор от обсуждения невзгод своего бывшего пациента, — что я, наверное, самый счастливый человек на свете!

И он начал на своих бедрах выбивать ритм, а затем затянул прицепившуюся песенку из «Кабаре»:

– Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
Две дамы,
Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
Две дамы!
Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
И я – единственный мужчина, о да!

— Пожалуйста, перестань петь эту жуткую песню, — скривилась Меган. — Последнее, что нам нужно, так это музыкальная тема для нашего

импровизированного ménage à trois[5].

— Правильно! — заявила Эбигейл и сделала вид, будто намеревается загасить сигарету в воображаемой пепельнице на груди доктора Боба, но в последний момент одумалась и бросила окурок в настоящую пепельницу на прикроватном столике.

— Вы просто два сапога пара! — заметил доктор Боб. — Рядом с вами любой мужчина чувствует себя как на эшафоте!

— Но ты же не станешь отрицать, что тебе по нраву этот эшафот! — проговорила Эбигейл и, сжав двумя пальцами его правый сосок, с силой выкрутила.

Доктор Боб задохнулся и зажмурился.

— Сильнее! — шепнул он.

Меган вступила в игру и плотоядно куснула его в левую часть груди.

— Боже! — возопил доктор Боб. — Это уж слишком!

Меган, смеясь, взглянула на него.

— Боже! — повторил он и съежился на середине кровати, подальше от двух полумесяцев женских тел.

---

[5] Примечания: 5
Ménage à trois — любовь втроем (*фр.*).

— Слабак! — бросила Эбигейл.

— Извините, но я хочу пришить обратно откушенный сосок! — заявил доктор Боб. — Я не хочу стать единственным мужчиной в Америке с имплантом груди.

Подхватив саквояж, скорее похожий на роскошный атташе-кейс, доктор Боб ринулся в ванную, не удосужившись прикрыть наготу. Глядя в зеркало и пытаясь оценить нанесенный его груди ущерб, он заметил — сквозь странную голубоватую пелену перед глазами, исказившую его зрение (вот такой диковинный побочный эффект!), — что кожа лица побагровела под воздействием виагры. Его изнуряли неутолимые притязания похотливых сестер. Но больше всего страшил другой побочный эффект — приапизм.

Раскрыв кейс, он тотчас испытал столь необходимое ему сейчас чувство уверенности. В верхней части кейса, в специальном отделении, размещались несколькими рядами прижатые кожаными ремешками на застежках-липучках бутылочки с жидкими препаратами для инъекций и то, что ему требовалось сейчас, — препарат для анестезии откушенного соска перед пришиванием его на место. Он выудил из второго ряда бутылочку и поставил ее на край ванны. На лотке в нижней

части кейса лежал набор инструментов: скальпели, ретракторы, катетеры, хирургическая пила, стетоскоп, артериальные зажимы и так далее — каждый в своей обшитой алым бархатом нише. Он приподнял лоток, под которым оказалась еще одна большая ниша алого бархата, в которой покоились одинаковые пластиковые цилиндры оранжевого цвета — медикаменты. Он вытряхнул на ладонь две таблетки обезболивающего и проглотил их, а следом принял еще таблетку, чтобы подавить наркотический эффект болеутоляющего и сохранить ясность ума. Находясь рядом с сестричками Данбар, мужчина не должен терять бдительности!

Введя препарат в грудную мышцу, доктор Боб открыл в своем кейсе потайное отделение и достал оттуда хирургические очки-лупы со стеклами полумесяцем. Он включил гирлянду ламп вокруг зеркала над раковиной и начал пристально изучать рану на груди, ярко освещенную и сильно увеличенную. Ему предстояло провести на себе довольно-таки сложную операцию: одной рукой раздвинуть щипцами рану, а другой рукой, сжимая иголку с черной ниткой, ловко сшить ее края. Но навыки и опыт доктора Боба очень быстро дали желаемый результат: несколько ак-

куратных стежков, с торчащими по краям стежка едва заметными кончиками нитки.

У него из головы не шла Меган — какая же испорченная дрянь! Это ее, а не отца, следовало запрятать в психиатрическую больницу. Доктор Боб мог представить себе (смутно) свое будущее с Эбигейл, кроме разве что того, как она постареет и приобретет несколько странноватую манерность, типичную для девицы, чересчур впечатленной скучными привилегиями, полагавшимися ей в британской частной школе. Она, по большому счету, была аморальной, временами придерживалась традиционной морали, но чаще — по ситуации — отвергала вообще какую бы то ни было мораль, другими словами, была вполне нормальной, как и он сам. Меган же вела себя как законченная психопатка, чьи выходки следовало бы обуздать, заперев ее в лечебницу, оснащенную всем необходимым оборудованием для нейтрализации любых последствий ее выходок. В конце концов, он бы мог прекрасно обойтись без обеих. Но пока что он принял от них взятку в виде членства в совете директоров, с шести– или семимиллионным годовым доходом и опционом на акции в размере полутора процентов пакета Данбара. Таково было его воз-

награждение за заверенное им свидетельство того, что восьмидесятилетний старик, пребывающий в искусственно вызванном состоянии тревоги, более не способен управлять одной из сложнейших в мире бизнес-империй. Неплохая сделка. Он и так на протяжении последних двенадцати лет медленно наращивал свой пакет. Старик привык дарить ему акции в качестве рождественского бонуса, да и он сам инвестировал все свободные деньги в «Траст».

Стук в дверь заставил доктора Боба потянуться к рулончику пластыря — он инстинктивно почувствовал необходимость дополнительной защиты.

— Можно войти? — тихо, почти извиняющимся тоном, спросила Меган.

— Да, — ответил доктор Боб, поспешно отрезая большой кусок пластыря.

Меган вошла в ванную и поцеловала его в плечо.

— Прости, я знаю, что перегнула палку… — сказала она.

— Я тебя прощаю, — ответил доктор Боб.

Она провела кончиками пальцев по его ребрам, потом спустилась к бедру. И тут виагра внезапно подействовала.

— Здесь! — заявила Меган, взгромоздившись на мраморную столешницу и обвив ногами талию доктора Боба. — Возьми меня прямо здесь!

Доктор Боб отложил пластырь и обхватил ноги Меган чуть повыше коленей. Она прижала своими сильными бедрами обе его руки к мраморной поверхности и, не давая ему высвободиться, одним быстрым движением, точно стервятник, впилась острыми зубами в свежую рану на его груди.

— Попался! — крикнула она, залившись победным смехом.

Доктор Боб отпрянул назад и выдернул руки из ловушки.

— Ах ты сука полоумная! — заорал он.

— Никогда не говори со мной так! — строго заявила Меган. — Иначе я прикажу выпотрошить тебя, как рыбу!

Доктор Боб сосчитал до десяти, как он (всегда безрезультатно) советовал поступать Данбару в надежде, что это поможет ему обуздать его взрывной нрав.

— Извини, мне очень жаль! — сказал он.

— Надеюсь, что это так, — отрезала Меган, спрыгнув со столешницы и встав перед ним. Она схватила двумя пальцами кончик черной нитки,

торчащий из свежего шва, и резко дернула.

— Вот что тебя ждет, если будешь обзывать меня всякими непотребными словами!

— Я полностью этого заслуживаю, — смиренно сказал доктор Боб. Струйка крови потекла из раскрытой раны.

— Так, мои голубки! — Эбигейл просунула голову в приоткрытую дверь ванной. — Мне пора возвращаться к своему жалкому муженьку.

— А мне пора возвращаться к праху моего муженька, — заявила Меган и выскользнула мимо нее в холл, успев напоследок напомнить доктору Бобу, что он сегодня ужинает у них.

— Как я мог забыть! — уныло отозвался тот.

Разве он мог забыть? Теперь все трое были в одной связке, как сцепленные страховочным тросом альпинисты на ледяной щеке утеса под лучами закатного солнца.

3

— Кто я?

— Вы, несомненно, Генри Данбар, — сказала сестра Робертс, раздвигая шторы.

— Я спрашиваю не про имя, глупая женщина! — рявкнул Данбар. — Я спрашиваю: может ли кто-нибудь сказать, кто я на самом деле?

— Я не люблю, когда меня называют «глупой», благодарю покорно! — надулась сестра Робертс. — И если хотите знать, кто вы «на самом деле» сегодня утром, то я вам скажу: вы очень грубый старик, который должен попросить у сестры Робертс прощения!

— Я прошу у вас прощения, сестра Робертс! — послушно отозвался Данбар, поддавшись смутному ощущению, что сегодня должно случиться нечто очень важное и ему следует избегать всяких неприятностей.

— Так-то лучше, — смягчилась сестра Робертс. — Все мы просто люди, и у всех нас бывают дни, когда мы встаем утром не с той ноги, так ведь?

— Безусловно, так бывает! — согласился Дан-

бар. — Почти каждый день.

— Так, мы будем завтракать у себя в палате в одиночестве или соберемся с силами и пойдем в общую столовую, чтобы поболтать там с другими постояльцами? — поинтересовалась сестра Робертс.

— Мы соберемся с силами, — пообещал Данбар.

— Вот это мне нравится! — кивнула сестра Робертс и, навалившись на ручки бесполезного кресла-каталки Данбара, покатила ее по толстому ковру, а Данбар откинулся на спинку и одарил сестру жалобной улыбкой.

Опасаясь, что утренние таблетки начнут растворяться у него под языком, он притворно закашлялся и ухитрился выплюнуть таблетки в носовой платок. Он чувствовал себя куда бодрее без таблеток, но при этом ярость и возмущение клокотали в нем, как и прежде. По мере того, как в его мозгу начали быстрее вращаться шестеренки мыслей и желаний, он буквально ощущал, как они вырабатывают в нем все больше энергии. Но он понятия не имел, сумеет ли он их остановить прежде, чем они сорвутся с осей. Он не мог снова поддаться тому душевному страданию, которое обуяло его после визита к психиатру в Хемпсте-

де. Нет, пожалуйста, только не это тоскливое ощущение, что в его жизни больше нет ничего устойчивого и надежного, а почва под ногами кажется незавершенным пазлом, который вот-вот разбросает по сторонам злой и нетерпеливый ребенок — причем, что самое ужасное, этим ребенком был не кто иной, как он сам. Ведь больше некого было винить за коварство судьбы; и в конце концов, ужас в том, что это все было плодом работы его сознания.

— Сегодня никаких занятий на свежем воздухе, — объявила сестра Робертс. — Не пойму, зачем вы надели эти огромные ботинки. Разве нам не будет удобнее в тапочках?

— Только не это, — пробормотал Данбар. Он не мог вынести сковывающую власть безумия, но точно так же он не мог вынести и сковывающую власть психушки. Он нуждался в помощи Питера, чтобы сбежать отсюда. Если он не совершит побег сегодня, больше ему, вероятно, не представится такой возможности. Вероятно, он так и умрет здесь, а сестра Робертс будет ободряюще похлопывать его по руке, сидя с ним в палате, заваленной вонючими лилиями.

— Что вы сказали, дорогой?

Он должен себя сдерживать, он должен быть ге-

ниальным лицемером. Данбар, прославившийся своей прямотой, прославившийся своим твердым мнением обо всем на свете, прославившийся своими неожиданными слияниями и поглощениями, должен научиться лицемерить!

— Да! — сказал Данбар. — Сегодня останусь в помещении. Посижу у голубого камина.

— Какого еще голубого камина? — спросила сестра Робертс, чье ухо уловило в этой фразе нечто подозрительно порнографическое.

— У телевизора! — пояснил Данбар. — Он всегда кажется мне голубым пламенем, мерцающим в камине.

— А, вот оно что! — с облегчением произнесла сестра Робертс. — Это даже звучит успокаивающе!

— Именно — успокаивающе! — согласился Данбар. — Особенно если ты владеешь несколькими телевизионными каналами, а доходы от рекламы растут, потому что у твоего нового шоу потрясающий рейтинг!

— Хм, — пробормотала сестра Робертс, вкатывая Данбара в столовую. — Помните, что сказал доктор Харрис: нам больше не надо волноваться о бизнесе, он теперь в надежных руках, и все, что нам надо, — это чудесный долгий отдых!

Столовая располагалась в сельском доме викторианской постройки — центральном корпусе психиатрической лечебницы. Обои с рисунками в стиле Уильяма Морриса[6] были тщательно выполненной копией, но дубовые столы по большей части были подлинниками, правда, их размеры, огромные — под стать многодетным викторианским семьям, — все равно не соответствовали современным потребностям в помещении достаточно просторном, чтобы в нем могли расположиться престарелые и умирающие безумные пациенты. Длинная оранжерея позади угрюмой старинной залы служила не только продолжением общей столовой, но и всегда хорошо освещенной площадкой для оживленного общения, где размещались кресла и диваны, обитые тканями с яркими цветочными узорами, а исполинского размера листья и цветы служили зримым доказательством целебной силы природы. Среди мебели с тропическими узорами на обивке были расставлены бамбуковые столы со стеклянными столешницами — маленькие круглые стояли в ожидании стаканов с ман-

[6] Примечания: 6

Моррис Уильям (1834–1896) — британский художник, основатель классического дизайна обоев с цветочным узором, выпускающихся на его фабрике с 1861 года.

говым соком, а крупные прямоугольные были завалены кипами зачитанных журналов — такими обычно заполнены журнальные столики в приемных у дантистов. Летом двойные двери распахивались настежь — навстречу ароматам высокого разнотравья и полевых цветов на лугу, но сегодня покрытые дождевыми слезинками стекла подслеповато глядели на поле, испещренное молочно-белесыми лужами, рощицами прибитых стеблей и одинокими заплатками иссохшей травы. И в любое время года неровный абрис величественного озера, когда оно изредка проступало сквозь туман, дождь или снегопад, дополнял умиротворяющий сельский пейзаж.

Данбар оглядел зал, ища Питера Уокера и в то же время предусмотрительно стараясь не проявлять излишнего желания вступить в контакт со своим приятелем, которого сестра Робертс считала смутьяном, оказывающим весьма пагубное влияние на пациентов.

— И куда мы пойдем? — поинтересовалась сестра Робертс и сама же без запинки ответила на свой вопрос — на тот случай, если Данбар вдруг утратил дар речи: — Нам нравится сидеть за общим столом, правда? Потому что там всегда есть возможность завести новых знакомых.

Когда она тащила его к капкану, где завязывались случайные знакомства, — месту, которого Данбар до сих пор ухитрялся избегать, старик заметил Питера у дальнего входа в оранжерею, под зеленой вывеской со словами «Пожарный выход» и черным силуэтом бегущего человека, который, похоже, тоже пытался сбежать подальше от адской службы знакомств сестры Робертс.

— О, как вам повезло! — воскликнула сестра Робертс, едва ли не с негодованием по поводу свалившейся на него огромной удачи. — Я вижу свободное место около миссис Хэррод. — Она вкатила каталку в пустое пространство рядом с женщиной, чье лицо выражало вселенскую печаль.

— Я совсем потеряла память, — изрекла миссис Хэррод с ядовитой безапелляционностью, сопровождавшей все ее ставшие легендарными оскорбления, коими она всегда пересыпала свою речь. — Никогда не извиняйтесь и никогда не объясняйтесь! — добавила она с привычной запальчивостью.

— Да, вот для чего и нужны бухгалтеры! — рассеянно заметил Данбар.

— Беседа, — продолжала назидательно миссис Хэррод, — может быть индийским слоном или

африканским слоном, но никогда и тем и другим одновременно.

— Простите, — пробормотал Данбар, глядя, как сестра Робертс решительно устремилась к выходу, спеша на очередное фармацевтическое или сводническое мероприятие. — Я заметил своего приятеля. — Он встал, оттолкнув назад ненужное кресло-каталку.

— Я больше не испытываю радости от поездок в Лондон, — поведала миссис Хэррод. — Там я чувствую себя как будто за границей. — Она ухватила Данбара за локоть и спросила: — Я тут умру или сначала куда-то поеду?

— Н-не знаю… — ответил Данбар неуверенно, смущенный жестоким вопросом.

— Мой отец любил повторять, что ему было суждено стать дипломатом, — продолжала миссис Хэррод, вновь обретя обычную самоуверенность, — и добиваться того, чтобы его родители не спорили целыми днями.

Данбар вежливо отнял ее руку от своего локтя.

— А я уже бывала здесь? — вопросила миссис Хэррод с пронзительной тоской.

Данбар бросился от нее прочь, даже не пытаясь ответить.

— Питер! — позвал он, пробираясь между сто-

лами к пожарному выходу.

— А, старичок, вот и вы! — обернулся Питер и изготовился ткнуть Данбара кулаком в плечо.

— Мы тут умрем или сначала куда-то поедем? — спросил тот.

— Мы сначала кое-куда поедем, — сообщил Питер, незамедлительно входя в роль. — В паб в Уиндермире, или Грасмире, или Баттермире, или Миармире. Но я не буду вдаваться в подробности. Мое знание местной географии довольно шатко, но благодаря моему неукротимому желанию его углубить Вордсворт рядом со мной покажется ленивым домоседом. Захватим наши пальто и шарфы и обведем наших тюремщиков вокруг пальца — сбежим отсюда через кухню!

— Через кухню? — переспросил Данбар, едва поспевая за Питером, который быстрым шагом пересекал мощенный кафельной плиткой холл.

— Просто ведите себя естественно, — заметил Питер с шутовской ажитацией, но при этом оставаясь с каменным лицом, отчего Данбар сразу занервничал.

Они нашли свои пальто на пронумерованных крючках общей вешалки. Огромное черное пальто Данбара, слишком тяжелое, чтобы он смог его перебросить через руку, с двумя рядами пуговиц

и меховым воротником, резко контрастировало с короткой непромокаемой курткой Питера на гортексной подкладке и на молнии. Пока Данбар накручивал шарф — несколько ярдов кремового кашемира, — Питер быстро обмотал свою шею клетчатой «арафаткой».

— Наш путь лежит через кухню, — театрально продекламировал Питер. — Гэрри, сей гений универсального соуса, уснащающего каждое наше блюдо, будь то рыба или птица, без разницы, не говоря уж о крем-супе, в котором, при слепой дегустации, никто не отличит горошек ни от моркови, ни от порея, — так вот, мой досточтимый друг Гэрри дозволяет мне выскальзывать сквозь кухню наружу и выкуривать запретную сигарету. Просто ведите себя естественно! — взволнованно шепнул он.

— Прошу тебя, перестань это повторять, это меня нервирует! — заметил Данбар.

— А что меня нервирует, так это наличные! — сказал Питер. — Содержимое моего бумажника конфисковали — сие изъятие входило в мой курс лечения. Недолечения, — снова перешел на театральную декламацию Питер, — которое было замаскировано под лечение недуга.

— И у меня тоже нет наличных, — сообщил

Данбар, — и все мои карты аннулированы.

— Как! — испуганно вскричал Питер. — Но вы же мультимиллиардер! Я и не ждал, что у вас найдется капкан для кроликов, чтобы мы могли питаться дарами земли, или дельтаплан, чтобы мы могли улететь подальше от этого ада, с его лужей, притворяющейся озером, и приземлиться на мощеную улицу в приозерной деревушке, где полным-полно живописных пабов, но я очень рассчитывал на вашу наличность!

— Есть у меня одна карта, — признался Данбар с плохо скрываемым возбуждением. — О ней эти сучьи воровки понятия не имеют — она привязана к швейцарскому счету!

— О, швейцарский счет! — подпрыгнув, воскликнул Питер. — И какой там лимит?

— Нет никакого лимита, — ответил Данбар, вдруг чего-то испугавшись.

— Безлимитный счет!

— Прошу тебя, перестань! — взмолился Данбар.

— Мы можем нанять лимузин, — мечтательно заявил Питер, обнимая Данбара и подводя его к кухонным дверям, — и уехать из этого национального парка ко всем чертям! Мы можем поехать в Лондон. Мы можем отправиться в Рим

и пить «негрони»[7] среди знаменитых на весь мир руин!

— Я не хочу никаких руин! — отрезал Данбар, и его голос обрел привычную властность. — Я хочу вернуть свою империю!

— Ну, конечно, хотите! — Все еще обнимая Данбара за плечо, Питер переступил порог кухни. — И вы ее получите!

— Привет, Питер! — воскликнул Гэрри.

— Маэстро! — просиял Питер и обратился к Данбару: — Встречайте Эскофье[8] Озерного края!

— Пришел подымить? — поинтересовался Гэрри, соскребая со сковороды на серебряное блюдо дрожащие кирпичики омлета.

— Пытаюсь покончить с пагубной привычкой, но привычка покончит со мной быстрее! — отозвался Питер.

— Ну, тогда ладно, — заметил Гэрри. — Но сначала изобрази Орсона Уэллса!

— Орсона Уэллса? — переспросил Питер, идеально копируя манеру речи своего персона-

---

[7] Примечания: 7

Коктейль на основе джина и красного мартини. Рецепт приписывается французскому генералу Паскалю-Оливье де Негрони.

[8] Примечания: 8

Эскофье Жан-Огюст (1846–1935) — знаменитый французский ресторатор и кулинар.

жа. — Я не понимаю, что вы имеете в виду! — Он сделал два нетвердых шага назад, огляделся по сторонам, словно полагал, что великий актер где-то рядом, потом тяжело привалился к столу из нержавеющей стали.

— Только не спрашивай, что я хочу поесть, — продолжал он, имитируя характерные интонации орсон-уэллсовского Отелло, в которых мастерски соединились нежность любви и жажда мести. — Ведь тебе известно, что мне предписано есть! — Он сделал паузу и крикнул, вложив в крик всю горечь своего горя: — Рыбу на гриле![9]

— Рыбу на гриле, — усмехнулся Гэрри. — Он всегда знает, чем меня уесть!

— Орсону не разрешили бы насладиться одним из твоих восхитительных соусов, — заметил Питер, — потому что он сидел на диете. Это была цитата из его разговора с официантом ресторана в Лос-Анджелесе, где он обедал с Гором Видалом.

— Выходит, это кусок истории! — заметил Гэрри.

— Я расскажу тебе маленький секрет, Гэрри:

---

[9] Примечания: 9

Дословное изложение сценки в лос-анджелесском ресторане, описанной в эссе американского писателя Гора Видала «Вспоминая Орсона Уэллса», которое было опубликовано в еженедельнике «Нью-Йорк ревью оф букс» 1 июня 1989 года.

все является историей! И в тот момент, когда ты это поймешь, ты тоже станешь историей. Сей знаменитый самозванец — «настоящее» — исчезает в когнитивном провале. Осторожно: провал! — крикнул Питер, точно кондуктор, предупреждающий пассажиров, что двери поезда закрываются.

— Прошу, не говори так! — взмолился Данбар, опершись о столешницу.

— Ну ладно, — сказал Гэрри, — выйди покури, а когда вернешься, изобрази мне Леонардо ди Каприо!

— Да ты прямо обложил меня налогом! — нахмурился Питер, подталкивая растерянного Данбара к выходу.

— Такова цена успеха, не так ли, Питер? — заметил Гэрри.

— По рукам! — выкрикнул Питер, повернув дверную ручку.

— Смотри, как бы он не обманул тебя, — предупредил Данбар, — не стоит платить налог по средней ставке больше семи процентов, если ты организуешь компанию.

— Возможно, — согласился Питер, доверху застегивая молнию куртки, когда волна холодного воздуха на пороге кухни задула тепло обратно в

кухню. — Но я хочу, чтобы осталось больше семи процентов лечебницы, когда я дезорганизую всю нашу гоп-компанию — например, в результате автокатастрофы.

— У нас есть надежный водитель? — спросил Данбар, встревоженный наглядной картиной изувеченного тела, которая возникла в его воображении при слове «автокатастрофа». Он представил себе свое окровавленное тело среди покореженного металла и осколков стекла и стоящей в отдалении бригады «Скорой помощи» — они рассматривали его налоговую декларацию и качали головами. Он внес недостаточно в Экскчекер[10], он не выполнил свою часть общественного договора, он пожадничал, и теперь они собирались оставить его здесь — истечь кровью до смерти.

Питер приложил палец к губам и нахмурился.

Данбар вдруг вспомнил, что им предстоит сделать. Он мысленно улетел далеко-далеко. И почему он упомянул водителя? А вдруг он все испортил? Он почувствовал себя дураком, полным дураком. Его мать так же хмурилась на него — только так она и могла добиться от него того,

---

[10] Примечания: 10

Экскчекер — орган (дословно «стол») взимания и учета налогов в средневековой Англии. Здесь ироничное название налогового ведомства.

что хотела. Он думал, что давно позабыл правило стыда, пока его недавние неурядицы не вскрыли старые штреки и штольни, давно заваленные обломками власти и богатства. И теперь взгляд Питера из-под нахмуренных бровей больно обжег его и заставил захотеть стать невидимым, как будто все прожитые им десятилетия, на протяжении которых он становился все более заметным, становился притчей во языцех, *тем самым* Генри Данбаром, были всего лишь помехой для куда более жгучего желания исчезнуть. Что же происходит? Как же он мог забыть себя? Его самоощущение оказалось таким хрупким и зависимым от внешних обстоятельств, что его «я» могло раствориться, как акварельный рисунок под дождем.

— Прости, прости! — взмолился он, следуя за Питером на воздух, опасаясь, что тот не позволит ему, старому дураку, пойти с ним. — Прости меня! Мне можно с тобой? Ты мне позволишь?

— Конечно, старичок, — ответил Питер. — Просто я не хочу, чтобы кто-нибудь вмешался в наши планы. В этом гулаге не любят, когда заключенные занижают свои доходы. Господи, ну и холодрыга. Нам бы не помешала машина с надежным водителем, но придется идти пешком.

Камбрия в декабре — это что-то… люди сюда слетаются стаями поглазеть на здешние бури с градом. Стоячие места остались только на пике Скафелл.

Оба прошли мимо гигантских разноцветных баков для мусора по направлению к лесной тропинке, по которой можно было сбежать практически незаметно для посторонних глаз: она начиналась чуть ниже подъездной дороги к психиатрической лечебнице, ответвляясь от узкого проулка. Выйдя со двора, они увидели припаркованный у стены квадроцикл с ключом в замке зажигания.

— О сколь могучи ваши мысли, о властительный! — воскликнул Питер с эпическими интонациями, подражая закадровому голосу рассказчика. — Вначале была Мысля, и Мысля была Данбар, и Данбар замыслил машину, и вот возникла машина, и увидел Данбар, что это хорошо!

— Неужели я на самом деле это сделал? — не поверил Данбар, залезая на сиденье рядом с Питером. — А что бы случилось, если бы я придумал нечто плохое?

— Не парьтесь, Генри, это же не идеальная система: вы, к примеру, не явили миру надежного водителя. Никто еще не обвинял меня в

том, что я могу считаться таковым, особенно если я превышу лимит потребления алкоголя, а я искренне надеюсь, что сегодня чуть попозже смогу превысить этот лимит по крайней мере двадцатикратно.

Мотор взревел, квадроцикл рванулся с места и помчался к лесу. Пока они тряслись по узкой ухабистой тропе, Питер, превратившись в автомобильного зануду, с мальчишеским энтузиазмом сыпал технической информацией, стараясь перекрыть рев двигателя, но Данбар его не слушал. Он размышлял о своих исключительных способностях. Он всегда подозревал, что обладает ими, но теперь, одной лишь силой мысли материализовав то самое средство передвижения, которое им требовалось для преодоления этой безжизненной пустыни, он впервые в этом убедился. Он ощутил, как волна судьбы, точно электрический разряд, пронзила его тело от темени до пят. Он закрыл глаза и насладился мгновением полной безмятежности. Он все вернет, и теперь, когда к нему вернулись былые силы, он накажет мерзких дочерей и оставит Флоренс свою империю. Он всегда знал, что ему следует любить всех детей одинаково, но не мог скрыть того факта, что именно Флоренс восхищала и радовала

его больше других. Она унаследовала красоту матери, равно как и ее обезоруживающее обаяние. Просто молча слушая отца, Флоренс одним своим присутствием могла помочь ему высвободиться из пут необузданного темперамента, в которые он сам себя раз за разом загонял. Она никогда не прибегала к этому эффекту осознанно: это всегда происходило естественно — так при определенной температуре тает лед. Помимо ее добродетелей, он любил Флоренс просто потому, что она была дочерью Кэтрин, а Кэтрин была любовью всей его жизни, любовью, или, во всяком случае, образом любви, которую обессмертил ее уход, обезопасив эту любовь от увядания и привыкания, от повседневных сил, превращающих восхищение в терпимость, а терпимость — в раздражение. И теперь, в момент ясного осмысления последних событий, он осознал, что после гибели Кэтрин в автокатастрофе он потянулся к Флоренс слишком настойчиво, и это, возможно, и подстегнуло ее жажду независимости и ее решение не иметь ничего общего с его бизнесом. Но тогда он воспринял это лишь как ее отречение и как вторую личную утрату, в чем его убеждали другие дочери, которые всегда осуждали его фаворитизм и, не жалея усилий, пытались потрафить ему,

имитируя его беспощадность и властность. Это они убедили его лишить Флоренс ее пакета акций и передать этот пакет им, лояльным дочерям, уважающим его достижения и намеренным продолжить его дело. Каким же он оказался слепцом! В каком-то смысле только теперь он ясно увидел, что Флоренс — единственная, в ком проявились его упрямство и его гордость. Она просто ушла и ни разу не усомнилась в своем выборе.

С удивлением почувствовав, что квадроцикл замедлил ход, Данбар открыл глаза и увидел миссис Хэррод: она стояла посреди тропы, у мшистого отрога серого утеса, и махала им рукой. Питер был вынужден остановиться.

— Это такси? — спросила миссис Хэррод, приблизившись к водителю.

— Урсула, — обратился к ней Питер, — куда вам нужно?

— Я хочу добраться домой.

— И мы туда же! — воскликнул Питер. — У вас есть чем заплатить за проезд?

— У меня есть заначка, — ответила миссис Хэррод, доставая из кармана пальто мятый конверт. Питер отсчитал три пятидесятифунтовых купюры.

— Без сдачи! — заявил он, засовывая конверт в

карман пиджака. — Запрыгивайте!

— Мы не можем ее взять, — прошептал Данбар. — Она же сумасшедшая!

— Генри, Генри, — укоризненно покачал головой Питер, — мы находимся в той части света, что знаменита своими «маленькими, безымянными, всеми позабытыми деяниями доброты и любви». Во всяком случае, коли вы собрались плыть на корабле дураков, нехватка пассажиров вам не грозит!

— Но у нас явно нехватка мест! — возразил Данбар, неохотно сдвигаясь поближе к водителю.

— А! — воскликнул Питер. — Вот и указатель!

И он кивнул на дорожный указатель, где было написано: «Пламдейл (только для верховой езды)».

— Учитывая проходимость нашего малыша, — сказал Питер, — мы совладаем с этой тропой для верховой езды, а наши тюремщики не смогут догнать нас, пустившись в погоню на неповоротливом конвое из обычных машин.

Когда квадроцикл снова с ревом понесся по лесной тропе, восторг Данбара внезапно и безвозвратно испарился. Он понял, что нет смысла надеяться на Питера, для которого их бегство всего лишь пьяная эскапада, и уж тем более нечего

надеяться на полоумную миссис Хэррод. Ему надо бежать в одиночку. Голые деревья с беспорядочно торчащими в разные стороны черными ветками представились ему схемой центральной нервной системы, охваченной неведомой болезнью — анатомическим эскизом людских страданий на фоне зимнего неба.

4

Флоренс засмотрелась на искрящиеся струи фонтана на пруду Центрального парка, и вместо того, чтобы восхититься их неукротимой энергией, она была заворожена силой притяжения, заставляющей потоки воды после краткого взлета тяжело падать вниз — так суровый отец пресекает вспышку радости ребенка строгим замечанием. Она раздвинула двери террасы и переступила порог гостиной. Она вышла на свежий воздух, чтобы спастись от жары, а теперь вернулась, спасаясь от холода. Скоро ей опять станет жарко. Ничего не помогало. Ничего не могло избавить ее от беспокойства. Не находя себе места после телефонного разговора с Эбигейл, она приехала в Нью-Йорк, чтобы напрямую спросить у сестер, где они спрятали отца. Но как только она приехала, обе сразу куда-то испарились, не перезванивали ей и не отвечали на ее электронные письма. Только Марк, презираемый и отвергнутый муж Эбигейл, остался в городе. Вчера она ему позвонила, но он понятия не имел, ни где Данбар, ни даже куда уехала Эбигейл.

— Они мне сообщили только, что Генри помещен в клинику где-то в Швейцарии, — сказала ему Флоренс.

— Ну, по крайней мере, можешь эту страну вычеркнуть, — заметил Марк и хрюкнул, желая издать нечто похожее на горький смешок. — Даже когда в этом нет необходимости, Эбби врет с особым вдохновением. Ты же знаешь: с ее точки зрения, говорить правду — значит проявлять слабость. А правда, грубо говоря, в том, что Генри либо в Швейцарии, либо нет, — но ложь потенциально бесконечна, поэтому она избавляет от того, чего эти девчонки боятся как огня: унылого однообразия.

— Наверное, ты прав.

— Не забывай, Фло, — воскликнул Марк, — как в детстве она ослабила постромки на твоей лошадке-качалке в надежде, что, когда ты сильно раскачаешься, ремешки лопнут, ты свалишься и свернешь себе шею.

— Ей тогда было непросто. Моя мать была с отцом, а ее мать…

— Вечно ты ее оправдываешь, — перебил Марк. — Я же с ней живу. Когда она в первый раз рассказала мне эту историю, я решил, она ждала, что я буду восхищен ее честностью или тем, как

она преодолела пагубу своего трудного детства, а сейчас мне ясно: она просто хвасталась ранними признаками своего превосходства.

— Тогда что тебя заставляет оставаться с ней? — спросила Флоренс.

— Страх. Покончить с нашим браком должна она! Если же инициатором стану я, она найдет способ меня уничтожить.

Флоренс не нашлась что ответить. Их беседа завершилась уклончивым обещанием Марка помочь ей, но так, чтобы «самому не оказаться в психушке».

Услышав слово «психушка», которое Марк использовал как советский эвфемизм для изощренного способа лишения свободы, Флоренс сразу пожалела, что обратилась к своему безвольному шурину. Исчезновение отца заставило ее осознать невыносимую мысль, что, если он умрет до их примирения, ей останутся лишь воспоминания об их отношениях, прибитых взаимным разочарованием и недовольством, подобно падающим вниз струям фонтана в парке. Еще год назад отец в ней души не чаял, заставляя ее верить, что, соревнуясь с сестрами за его благосклонность, соревнуясь с советом директоров, соревнуясь с его друзьями и просителями, с соро-

ка тысячами его сотрудников, она всегда будет побеждать, но стоило ей обронить, что она не хочет иметь ничего общего с семейным бизнесом и намерена уехать с Бенджамином и детьми в глушь Вайоминга и вести там «простую жизнь», Данбара обуял обычный для него приступ ярости — он вывел ее из совета директоров, вычеркнул ее имя из завещания и коварно исключил ее детей из числа благоприобретателей «Траста». Он счел ее равнодушие к бизнесу личным оскорблением, а также проявлением ее незрелости, которая со временем растворилась бы без следа в атмосфере самомнения, столь характерной для его организации, — то есть ощущения того, что история не только документируется, но и созидается его медиаимперией. Она понимала, что история — это нечто большее, чем веселая и тенденциозная версия новостей, но в основе ее отношений с Генри лежал вовсе не этот аргумент. Флоренс осознавала, что отец поступил с ней так жестоко, потому что ее независимость была им воспринята как отказ не только от его наследства, но и от своей роли быть для него живым напоминанием о матери. Она могла себе позволить быть независимой, главным образом, только потому, что была обожаемой дочерью,

но такой властный собственник, как ее отец, не мог счесть ее самостоятельность за комплимент и не мог обезопасить себя от ошибки принять стяжательство ее сестер за дочернюю любовь.

Флоренс было шестнадцать, когда умерла ее мать. Потом долгое время она ощущала, как ее существование ужималось вокруг пустоты, оставшейся после матери. В то же самое время значение смерти матери бесконтрольно расширялось, пока не вобрало в себя объяснения смены настроений преподавателей, вкуса пищи, цвета травы на газоне. Очень медленно, после года эмоционального паралича, позабытые воспоминания о матери начали возвращаться к ней в снах и в разговорах с людьми, которые помнили любимые словечки Кэтрин, ее интонации, ее жесты. Мать вновь ожила в душе дочери. С Генри такого никогда не было. Его жена превратилась в застывшего идола, и Флоренс досталась забота увековечить ее душевные качества, которые он обожал. Это было то, к чему так привык Генри Данбар: слияние и поглощение, передача полномочий и ребрендинг. Произошло слияние живой Флоренс с призраком Кэтрин, которая в результате ребрендинга превратилась в компаньона, лучшего друга, добросердечную

женщину и правопреемницу, чего так жаждала душа Данбара. И предпочтя мужа отцу, а своих детей — ближайшим кровным родственникам, она знала, как это выглядело в его глазах: как бессердечное разрушение последнего рубежа его обороны перед горьким осознанием того, что Кэтрин безвозвратно ушла. И зная темперамент отца, Флоренс даже не удивилась, что он решил обратить свое горе в ярость. Чего она не могла предвидеть, так это того, что он так долго будет противиться их примирению и что один из них скорее умрет, прежде чем они смогут достигнуть этого примирения. И даже когда отец метал громы и молнии и обзывал ее словами, которые она бы ему не простила никогда, если бы не считала эти вспышки гнева чем-то вроде приступов словесной эпилепсии, он отдавал себе отчет, что не может низвергнуть Флоренс в пропасть нищеты, коей она заслуживала. Хотя она и была, по меркам Данбара, нищенкой, денег у нее было довольно, чтобы не просить у него финансовой помощи. Она владела квартирой в Нью-Йорке, в которой сейчас находилась, она унаследовала деньги матери (которые, как он, проклиная свою бездумную щедрость, не уставал ей напоминать, она ему задолжала, как задолжала вообще все),

и к тому же она была бенефициаром смежного трастового фонда, который он создал для своих детей и которым, как заверил его Уилсон, он не мог распоряжаться, как не мог исключить из него Флоренс. Она беспрекословно и не требуя возмещения вернула отцу свой пакет акций, унизив его своим бескорыстием.

Флоренс раздвинула двери и снова вышла на террасу, отчасти поражаясь своей предсказуемости и отчасти гадая, в чем смысл предсказуемости ее поступков — уж не в том ли, чтобы доказать свою правоту? Она не спала почти всю ночь, дожидаясь, пока медлительная стрелка доползет до часа, когда можно будет позвонить Уилсону. Ему удалось защищать ее весь последний год, оставаясь при этом самым преданным союзником отца, но после увольнения Уилсон уехал вместе с женой и детьми в имение близ Тофино на острове Ванкувер, а там сейчас еще было слишком рано, и она могла разбудить весь дом своим телефонным звонком. И когда она подсчитывала, сколько ей еще придется ждать, телефон зазвонил, и на дисплее высветилось «Уилсон».

— Уилсон! А я как раз думала, не слишком рано для звонка вам!

— Я сам уже часа два как порываюсь тебе по-

звонить. Когда я узнал вчера вечером, что никто не знает о местонахождении Генри, всю ночь заснуть не мог.

— Вы можете предположить, где он?

— Я озаботил команду волонтеров, они сейчас обзванивают частные лечебницы и клиники в Европе и Северной Америке и спрашивают, нет ли у них пациента такого-то… Они называют не только его имя, но и псевдонимы, которые он обычно использовал, когда ложился на обследования инкогнито. Пока что — никаких результатов.

— Я могу чем-то помочь?

— У нас остается всего четыре дня до решающего заседания совета директоров. Я позвонил кое-кому — и такое впечатление, что твои сестры заручились большинством голосов. Многие члены совета — здравомыслящие люди, которых отбирал твой отец по моей рекомендации, но им показали ключевой документ, который я убеждал его не подписывать, передающий всю полноту власти Эбби и Меган, и теперь у них на руках медицинское заключение доктора Боба, с помощью которого они намерены обосновать его снятие с должности независимого председателя совета. Твои сестры хотят избавиться от него раз и навсегда. Он по-прежнему пользуется огромным

влиянием, одного его присутствия достаточно, чтобы совет действовал в угоду его желаниям, хотя формально он не обладает никакой юридической властью.

— Если он не в состоянии вести дела, должна быть доверенность. И я уверена, он бы выдал такую доверенность вам.

— Выдать-то он выдал, но доверенность действовала, пока я был штатным сотрудником. Но ведь твой отец меня уволил. Догадайся, кто меня заменил…

— Но разве мы не можем оспорить… — начала Флоренс.

— Ничего не выйдет, — перебил ее Уилсон. — Даже если мы вернем мне мои полномочия в рамках этой доверенности, твои сестры снова уволят меня через минуту после того, как совет директоров утвердит их положение в компании.

— Боже мой, такое впечатление, что они и осуществили этот переворот.

— Это просто невероятно! Никто не понимал суть власти лучше твоего отца. В течение сорока лет он сумел открыть свои представительства на всех континентах, и по крайней мере в последние двадцать ему было по силам выпятить, или придумать, или замять любую новость,

заполучить любого мирового лидера, кого ему хотелось, повлиять на исход выборов и уничтожать своих врагов. И вот в один прекрасный день он проснулся, и ему, видите ли, захотелось поиграть в бирюльки вместо того, чтобы заниматься реальными вещами. Я был поражен: раньше его никогда не впечатляла подобная ерунда, но что бы ни лишило его чутья и зоркости, это не может служить оправданием его похищения и унижения и…

— И чего еще?

— Сам не знаю. Я не знаю, на что они способны, но я знаю, что никогда не видел твоего отца настолько напуганным, как в тот день в Хемпстеде. У него развилась паническая атака. Его пугало небо, его пугал свет, похоже, с ним случился приступ агорафобии — и это человек, который купил ранчо в Нью-Мексико площадью в миллион акров, потому что обожал смотреть на бескрайнее небо!

— Я себя чувствую так, словно меня среди ночи разбудила пожарная тревога, — произнесла Флоренс, — так, словно вся моя жизнь с Бенджамином была дорогой фантазией, которая увлекла меня, а тем временем мои сестры тайком присвоили себе «Траст» и похитили отца.

— Возможно, тебе пришла пора надеть доспехи Данбара!

— О, уж поверьте, они на мне, и я их не сниму, пока не освобожу его!

— В сложившейся ситуации я усматриваю одно слабое звено и одну очень маленькую возможность. Слабое звено — это Марк. У него сохранились остатки совести, но самое главное — он люто ненавидит Эбигейл. И он, возможно, готов рассказать любимой свояченице много такого, чего он никогда не расскажет бывшему адвокату главы семьи.

— Забудьте! Я ему уже звонила, он слишком ее боится.

— И все же стоило бы посвятить пару часов на беседу с ним — просто послушать, что он тебе расскажет. Возможно, он не станет действовать против Эбби напрямую, но я знаю: он в полном раздрае, и он может намекнуть тебе, как действовать.

— А что за маленькая возможность? — спросила Флоренс.

— Ты помнишь Джима Сейджа, пилота «Глобал-один»?

— Конечно, он же учил меня пилотировать самолет.

— Если они воспользовались лайнером, Джим должен знать, где они приземлились. Он, естественно, скажет тебе, только если ему не запретили это разглашать. Но они могли и не предусмотреть такой поворот. Отправляю тебе электронной почтой номер его мобильного.

— Ладно, позвоню ему после нашего разговора.

— Вечером я буду в Нью-Йорке. Я прилечу с Крисом. Генри всегда был заботливым крестным, и Крис хочет помочь. Через двадцать минут за нами прилетит гидроплан и заберет нас в Ванкувер. Пойду-ка соберу вещи — скоро уже надо быть на причале.

— Спасибо за все, Чарли. Вы же просто могли уйти на покой после того, как с вами обошлись…

— Об этом мне жена прожужжала все уши. Но я не готов остаток жизни сидеть на берегу, наблюдая за прибоем, а в перерывах ездить на экскурсии по объектам наследия ЮНЕСКО. Я буду сражаться, чтобы вернуть твоему отцу кресло руководителя и чтобы обеспечить достойную передачу власти в «Трасте» и защитить права сорока тысяч его сотрудников. И, если уж быть до конца честным, я не хочу, чтобы твои сестры победили.

Поговорив с Уилсоном, Флоренс поняла, что

простого хождения взад-вперед по террасе недостаточно. Ей надо выйти в парк и немного побегать, чтобы развеять тревогу и решить для себя, как глубоко ей стоит ввязаться в семейные политические баталии, от которых она решительно отказалась всего лишь год назад. Сейчас у нее, похоже, нет иного способа гарантировать безопасность отца, кроме как вступить в войну с сестрами, надавить на колеблющегося зятя и выработать веские аргументы, чтобы пошатнуть единодушие совета директоров. К тому же она сказала Уилсону правду: она уже надела на себя доспехи, она уже вступила в войну и окончательно смирилась с решением, которое глубоко впечаталось в ее душу, со стороны кажущуюся мягкой и податливой — так родившийся студеной зимой подземный ручеек после весеннего дождя пробивается сквозь склон зеленого холма и, продравшись наружу и набирая силу, способен своротить прочь со своего пути огромные валуны и выкорчевать из земли могучие деревья.

Беговые дорожки в парке, такие же немилосердно извилистые, как и лабиринт улиц, их окружающих, вызвали у Флоренс раздражение, которое ее друзья и родные сочли бы ей несвойственным. Эти змеящиеся тропы словно увещева-

ли ее, что она на отдыхе, что легкий бег трусцой должен ее успокаивать и отвлекать от забот, в отличие от тупой практичности нахождения кратчайшего расстояния между двумя точками, но у нее не было ни малейшего желания отклоняться от прямого маршрута или расслабиться и получить удовольствие от бега: ей хотелось сразу попасть в нужную точку и предпринять некие действия, чтобы спасти отца. Она быстрым шагом пересекла газон, мысленно прочертив по траве собственную трассу, и, отыскав в телефоне имейл от Уилсона, набрала номер Джима Сейджа.

— Алло!

— Джим? Это Флоренс. Флоренс Данбар.

— Привет, Флоренс! Рад тебя слышать! — радушно произнес Джим. — Чем могу быть полезен? Ты все-таки решила научиться летать?

— Как ты догадался? — импровизируя, засмеялась Флоренс. — Я вчера так ужасно летела сюда. И сразу вспомнила, что ты мне рекомендовал получить лицензию пилота. Ты вообще сейчас свободен? Я в Нью-Йорке. Может, мы могли бы выбрать время?

— Я бы с радостью, Флоренс, но только я в Манчестере и не знаю, когда мы соберемся обратно. Твои сестры никогда не планируют заранее

маршрут полета, не то что мистер Данбар.

— В Манчестере? — переспросила Флоренс. — А что вы там делаете?

— Понятия не имею. Это не мое дело — забивать голову лишними вопросами, но могу сказать одно: погода тут чертовски унылая.

— Ладно, когда вернешься — давай полетаем! — предложила Флоренс, стремясь поскорее завершить беседу: она надеялась перехватить Уилсона до того, как он усядется в старый гидроплан.

— Договорились, — согласился Джим.

Она дала отбой и тут же набрала другой номер.

— Флоренс! — закричал Уилсон, перекрывая плеск воды. — Я в гидроплане!

— Манчестер! — выкрикнула Флоренс. — Я говорила с Джимом, и он назвал мне место посадки. Попроси своих волонтеров сосредоточиться на Англии, особенно на больницах ближе к Манчестеру, а не к Лондону.

— Сделаю, — отозвался Уилсон. — Ты молодец! Сейчас пилот запустит двигатель. Крис передает тебе привет!

— Ему от меня тоже! — ответила Флоренс, улыбнувшись в первый раз за последние несколько дней.

5

Между отелем «Кингз-Хед» и берегом озера Миаруотер раскинулась зеленая лужайка с водруженным посередине флагштоком. Данбар сидел у эркерного окна в отельном пабе, и ему казалось, что веревка на флагштоке еле удерживает перекрученное полотнище флага — крест Святого Георгия, истерзанный свистящим береговым ветром, который попутно трепал черные воды озера, нервно взбивая белогривые волны и бросая их на камни узкого пляжа у подножия отеля. Провисшие секции тяжелой черной цепи между толстых белых столбов, вытянувшихся вдоль внешнего рубежа лужайки, словно повторяли цветовую черно-белую гамму бурного озера, а заодно и нетронутого «Гиннесса» перед ним на столике. От озера до окна и от окна до озера, и цепь посередине, на которой он легко представил самого себя: вот он пытается перелезть через нее, спотыкается и падает вперед на камни; и его бесценные, ни на что не годные мозги расплескиваются; волны жадно их смывают; ручейки его крови цвета креста на флаге, перекрученном и

трепещущем под порывами ветра.

Данбар судорожно вцепился в края столика, ища опоры. Слишком много пугающего сходства между одним и другим. Ему надо постараться удержать вещи на надлежащих местах: озеро в озере, пиво в стакане, кровь в жилах…

— Еще по стаканчику! — с энтузиазмом предложил Питер, вскакивая из-за столика.

Хотя миссис Хэррод только отпила глоточек своего имбирного вина, а Данбар даже не притронулся к своему «Гиннессу», Питер уже давно осушил пинту «Гиннесса» и выпил три двойных виски, которые он сразу заказал по прибытии сюда, сделав вид, будто заказывает на троих.

Излучая шарм, он поспешил к бару.

— Нам, пожалуйста, еще три двойных «Феймос грауз» и две пинты «Гиннесса». А дама все еще занята своим имбирным вином.

Он также заказал несколько видов сэндвичей и, положив на барную стойку пятидесятифунтовую банкноту, стал нежно ее поглаживать, дабы подчеркнуть готовность оплатить свой дерзкий заказ, но также из почти неосознанного нежелания расставаться с деньгами. Это была вторая пятидесятка миссис Хэррод — оставалась еще одна. С первой сотни ему причиталась, конечно,

какая-то сдача, но он хотел подначить Данбара проверить в деле свою швейцарскую кредитку. Если же карточка не сработает, придется махнуть рукой на своих спутников и постараться найти поблизости винную лавку вместо того, чтобы просаживать деньги в барах. Его душа алкала радостей пития, ибо он достиг нужной кондиции, чтобы изящно пройти сквозь период отключки сознания, дать несколько спонтанных одноактных представлений перед изумленной публикой и необъяснимым образом, ничего не соображая, очнуться в каком-то неизвестном городе, в какой-то непонятной комнате, если и не обретя свободу, то по крайней мере потеряв какие бы то ни было ориентиры.

— Я вам сейчас все принесу, сэр, — сказал бармен.

— Могу прихватить виски, — любезно предложил Питер.

Вернувшись за столик, он слил три порции виски в один большой стакан.

— Я всегда терпеть не мог британскую систему мер, — сообщил Питер. — Если нам удастся проникнуть в Волшебный мир Беатрис Поттер[11],

[11] Примечания: 11

Сказочный мир, сочиненный английской детской писательницей Беатрис Поттер (1846–1933).

до которого, как мне известно, отсюда рукой подать, мы сможем, наверное, увидеть миленький наперсточек, соответствующий первоначальному объему «порции», которая и была выбрана в качестве нужного количества виски для новорожденного бельчонка или для бережливой мышки-сони.

— Ой, я обожаю Беатрис Поттер, — призналась миссис Хэррод. — Давайте проникнем туда!

— Вот то, что я называю стаканчиком виски! — объявил Питер голосом Джона Уэйна, подняв объемистый стакан и залпом осушив его до дна. Он поставил пустой стакан на столик, не выразив ни удовольствия, ни разочарования.

— Вам не кажется, что вон тот холм похож на рождественский пудинг? — поинтересовалась миссис Хэррод, указав на круглоголовую гору на противоположном берегу озера. — И такая же сахарная глазурь на верхушке!

— Довольно! — прикрикнул Данбар, встревоженный внезапным примером сходства, предложенным миссис Хэррод.

— Вы правы, — вмешался Питер, — с этой ржавой порослью зимнего папоротника и снежной крошкой. У вас, бесспорно, наметан глаз на гигантские пудинги, Урсула! Вам об этом кто-ни-

будь говорил?

— Никогда! — застенчиво потупилась миссис Хэррод.

— Но это чистая правда! — заметил Питер.

— А теперь выслушайте меня! — напористо проговорил Данбар, стараясь скрыть тревогу показным негодованием. — Мы не пойдем в музей проклятой Беатрис Поттер, и мы не будем карабкаться на вершину рождественского пудинга! Мы найдем машину и отправимся в Лондон — пора взять ситуацию под контроль!

— Лучше не скажешь, старичок! — с жаром согласился Питер. — Позвольте я заберу у вас это, пока пиво не стало теплым и противным на вкус! — С этими словами он выудил из пальцев Данбара стакан и выдул ровно половину. — Сейчас подадут свежее пиво, так что пора отправить эту порцию по назначению. — Он вылил остатки пинты «Гиннесса» себе в рот, театрально причмокивая. — А теперь неплохо бы выяснить, работает ли ваша швейцарская чудо-карта, чтобы сделать таксисту предложение, от которого он не сможет отказаться.

— Не упоминай о моей карте при посторонних! — зашипел Данбар, перегнувшись через столик. — Это секретный счет!

— Урсула сможет сохранить ваш секрет в секрете! — пообещал Питер.

— Какой секрет? — встрепенулась миссис Хэррод. — О чем мы говорили?

Питер самодовольно улыбнулся Данбару, но старик не успокоился.

— Между прочим, Урсула, — заметил Питер, — не пора ли освежить вашу заначку? Мы с Генри сейчас пойдем к банкомату, возможно, мы смогли бы снять немного наличности и для вас.

— Мне больше не позволяют иметь карту, потому что я не могу запомнить пин-код.

— Звери! — воскликнул Питер. — Бездушные чудовища!

— Значит, ваши дочери тоже забрали кредитные карты? — спросил Данбар.

— Нет, это сделал мой банк, — ответила миссис Хэррод. — Но я думаю, они поступили разумно: бог знает, что бы я начудачила, если бы у меня оставалась хоть одна.

Когда прибыли сэндвичи и пиво, Питер испытал искушение заказать еще виски, но пересилил себя и поинтересовался у бармена, где ближайший банкомат.

Оба набросились на еду и в мгновение ока все смолотили.

— Я в последнее время в Лондон не езжу, — призналась миссис Хэррод. — Там я чувствую себя как будто за границей.

— В таком случае вы будете рады узнать, что мы не собираемся тащить вас в Лондон сегодня, — сухо заметил Данбар.

Питер присел рядом с миссис Хэррод и взял ее за руку.

— Теперь, Урсула, вы отвечаете за оборону крепости, а мы пойдем на поиски наличных. Мы скоро вернемся.

— А где мы находимся? — спросила миссис Хэррод.

— Паб «Кингз-Хед», — сообщил Данбар. — Мы в отеле «Кингз-Хед».

— Вы будете? — Питер указал на стакан Данбара.

— Нет, пей! — нетерпеливо отрезал Данбар. — Я вижу, тебе это нравится!

— Ах, меня мучит невероятная жажда, — произнес Питер с сильным ирландским акцентом. — Моя взбаламученная душа объята пламенем, и в этом печальном мире есть только одно средство, способное его потушить.

— Бедняга! — воскликнула миссис Хэррод. — Вам требуется помощь профессионала!

— Спасибо доктору Гиннессу, — заметил Питер, весело подмигивая миссис Хэррод, — я чувствую себя уже намного лучше, благодарю от всей души!

На Хай-стрит в Пламдейле был один-единственный банк — им пришлось пройти от «Кингз-Хеда» пару сотен ярдов по склону холма и свернуть за поворот. Один банкомат был внутри и один снаружи, на тротуаре.

— Давайте зайдем в банк, — предложил Питер, — там теплее.

— У них там могут быть камеры видеонаблюдения, — встревожился Данбар.

— Вы думаете, ваши дочки смотрят канал банка «Норзерн рок»?

— Именно этого я и опасаюсь! — ответил Данбар.

— Понятно. Ладно. Тогда останемся на непросматриваемой улице, не обращая внимания на пронизывающий ветер и черные тучи, спорящие, кто из них первым обрушит на нас потоки дождя.

Завернувшись в теплое пальто с меховым воротником, Данбар был невосприимчив к метеорологическим угрозам. Достав из бумажника карту швейцарского банка, он, похоже, впал в

некий транс. Он засунул карту в щель с такой церемонностью, какой раньше Питер в нем не замечал. Старик слегка ссутулился, когда вводил свой пин-код и выбирал разные опции на дисплее, закрыв его плечом от любопытного взгляда Питера, и только после того, как на его запрос выдать пятьсот фунтов банкомат ответил шуршанием банкнот, отсчитываемых механическим кассиром, он выпрямился и приосанился: он вновь вернул себе неотъемлемое право распоряжаться деньгами — право, о котором они оба мечтали и с которым только он один — в глазах всего мира, равно как и в своем собственном восприятии, — был неразрывно связан. Эта сцена напомнила Питеру вид языка пламени, врывающегося из горелки под воздушным шаром в сморщенную скукоженную ткань, которая постепенно надувается, расправляется и наконец устремляется ввысь, подхватив за собой привязанную гондолу с пассажирами.

— Успешно! — объявил Данбар, вынимая хрустящие банкноты из стальной пасти банкомата.

— Отлично! — Питер захлопал в ладоши и подпрыгнул несколько раз, словно сам превратился в воздушный шар, только что нарисовавшийся в его воображении. — Попытайте счастья еще

разок! Отсюда до Лондона триста миль. Никто не знает, сколько запросит прокатная фирма за столь дальнюю поездку на лимузине!

— От двух до трех фунтов за милю, — не раздумывая, ответил Данбар.

— Ну вот видите! Нам нужна сумма вдвое большая! Этих денег хватит только до Бирмингема!

— Я заплачу картой, — заявил Данбар. — Ежедневно с нее можно снять… — Он задумался.

— Безлимитная! Безлимитная! — напомнил Питер.

Данбар прикрыл веки, чтобы отогнать нахлынувшие на него образы, но они лишь укрупнились: трос оборвался, и астронавт, оторвавшийся от космического корабля, кувыркаясь, провалился в холодную тьму, где вокруг были лишь звезды, такие далекие, что они, верно, уже прекратили существование, когда их тусклый свет долетел до его скафандра. Когда корабль растаял вдали, все направления спутались, гравитации больше нет, как нет осязаемой поверхности или осмысленного ориентира, а есть лишь пустая сфера бесконечного космоса: сорок одна тысяча двести пятьдесят три квадратных градуса индифферентности.

Он ощутил, как рука Питера обняла его за пле-

чо и ласково подтолкнула обратно к банкомату. Шокированный своим адским видением, не в силах сопротивляться, он машинально повторил все манипуляции с клавишами, чтобы получить вторую порцию наличных, и даже не попытался остановить Питера, когда тот выудил из лотка вторую пачку двадцаток и быстро засунул их себе в боковой карман брюк.

— Не беспокойтесь, старичок, деньги у меня, — заявил Питер, ведя Данбара по улице. — Мы готовы к поездке. Мы сейчас вернемся в отель и закажем лучший лимузин, который может предложить нам Пламдейл. Это может быть автомобиль с баром, с просторным салоном и маленьким бассейном, а может, это будет мобильная баня, но в любом случае, наш путь лежит в славный город Лондон, город большого дыма, столицу мира!

Когда они свернули за поворот, Питер резко выбросил вперед руку и ткнул обескураженного Данбара в грудь.

— Назад! Назад! — скомандовал Питер. — Я увидел фургон из Медоумида перед входом в «Кингз-Хед». Они наверняка сейчас пытают водой бедную Урсулу, пытаясь выяснить, что ей о нас известно. Принимая во внимание ее про-

блемы с памятью, мы могли бы чувствовать себя в безопасности — но вот незадача: мы же сами спросили у бармена про ближайший банкомат. Посему торопитесь, бога ради!

И Питер помчался по тротуару мимо предательского банка и забежал в первый же переулок. Данбар поспешил за ним, но стоило им свернуть за угол и оказаться на Миаруотер-лейн, он взмолился сбавить скорость.

— Ладно, — ответил Питер, — не торопитесь, но держите путь все время к озеру, по склону холма. Машина тут не проедет, там дальше тупик, а я пойду вперед и посмотрю, можно ли выбраться отсюда пехом. Если нас сцапают, это будет настоящий праздник для сестры Робертс, которая выпустит в нас стрелы с транквилизаторами через раскрытое окно фургона.

— Прошу тебя, не говори так! — взмолился Данбар. — Это слишком наглядно.

— Не беспокойтесь, старичок, — успокоил его Питер. — Мы найдем выход. Может быть, нам придется вернуться обратно в «Кингз-Хед» по мелководью, тогда мы снимем пару номеров на ночь. Им не придет в голову искать нас там, коль скоро они уже один раз ушли оттуда несолоно хлебавши.

Прежде чем Данбар успел высказать разумные сомнения по поводу этого плана, Питер сделал спринтерский рывок по переулку, отправившись на поисковую миссию. Ни у кого из них не было мобильного. Телефон Данбара погиб под колесами лондонского автобуса. А Питер, после всех его упорных попыток бегства, был насильно лишен своего с условием, что ему разрешат остаться в Медоумиде, что, в свою очередь, было условием продолжения сериала «Многоликий Питер Уокер». Если бы у Данбара был телефон, он бы сразу вызвал такси. Он даже точно запомнил свое местонахождение: на Миаруотер-лейн в Пламдейле. Он, может быть, и не быстрый, но практичный и сильный, как бык. Он всегда проводил часть зимы в Канаде, бегая кросс на лыжах, а часть лета — в Канаде, делая дальние заплывы в собственном озере, которое было куда больше, чем озеро, виднеющееся в конце переулка.

— Генри! Сюда! — крикнул Питер, выбежав из небольших ворот справа от Данбара. — Быстро! Нам надо скрыться из виду до того, как наши тюремщики объявятся в этом переулке.

Данбар бросился в ворота и потрусил по тропинке следом за своим торжествующим приятелем.

— Все просто великолепно! — восклицал Пи-

тер. — Я тут нашел большую пластиковую карту местности на столбе: мы сейчас находимся на общественной тропе, окаймляющей озеро. Нас тут никогда не найдут. Тропа бежит по лесу, и у нее масса боковых ответвлений. Если двигаться в направлении гор, нас точно заметят, но если у противоположного края озера мы взберемся вверх к перевалу, мы окажемся в соседней долине.

Данбар коротко хрюкнул, выразив согласие. Широко шагая, он поймал ритм, позволивший ему сберечь силы, и не позволял себе отвлекаться на раздумья вслух и от своей цели: добраться до Лондона и вернуть себе контроль над «Трастом». Его тело обрело здоровье, которое в последнее время покинуло остальные части его существа. Он ощущал упрямую собранность мышц и предельную сосредоточенность ума, обретенную благодаря целеустремленности. Вот что ему требовалось, чтобы преодолеть чувство… чего? Но об этом не надо думать! — ибо тогда уж не остановишься. Он не должен об этом думать, но надо же думать о чем-то, чтобы знать, о чем ты не думаешь! Всю свою жизнь он концентрировался, как может сказать обыватель, сосредотачивался, а склонный к психологии скажет: фиксировался

на чем-то одном: на сделке, на слиянии, иногда на женщине — не задумываясь почему; просто это казалось неизбежным, непреодолимым, самоочевидным, но теперь-то он понял почему. Он был как пес, прыгающий в воду за палкой, или как ястреб, камнем падающий с неба, чтобы схватить когтями воробышка, потому что альтернативой всегда была стремительно надвигающаяся пустота без направлений, без точки назначения. О боже, он не хотел об этом думать! Разве он не сказал, что не желает об этом думать? Почему никто не обращает внимания на его указания? Все его четыре секретарши не сидят на месте, небось, делают маникюр, а он вынужден орать в телефон, и никто его не слышит: «Я не желаю об этом думать, вы поняли меня?»

— На том берегу озера есть автостоянка, — сообщил Питер. — Кто его знает — может, там и телефон-автомат стоит? Во время моих несанкционированных отлучек из Медоумида я обнаружил, что простой народец, обитающий в этой озерной глуши, еще не навострился посягать на целостность телефонов-автоматов, так что тут еще остались работающие телефоны и — представьте! — они принимают монетки!

Питер побренчал мелочью в кармане, чтобы

показать Данбару, что он предусмотрел такую прекрасную возможность.

— Хорошо, — кивнул Данбар. — Телефон или перевал, я готов ко всему. Мы это сделаем!

И он зашагал вперед, словно желая растоптать любые сомнения. Было в его тоне нечто решительное, что поставило последнюю точку в их разговоре. Оба молча двинулись вдоль озера. Теперь, когда ветер дул не в лицо, а в спину, Данбар вгляделся сквозь стволы и ветки и заметил, что хотя на этот укрытый от посторонних глаз участок берега не набегают яростные волны, как там, у отеля, но вода сплошь покрыта мелкою рябью, кругами расходящейся от бурных водоворотов, что закручивались чуть дальше на глубине. Внезапно с тропы открылся вид на черный, испещренный серебристыми пятнами пляж, что заставило его невольно остановиться: там и сям виднелись огромные валуны, разбросанные в идеальном беспорядке, как в японском саду камней. Вдали на другом берегу голая бронзовая гора с прожилками снега на склонах ближе к вершине купалась в тенях от быстро бегущих облаков. Подумать только! Как на этом чудесном островке покоя, чей приятный сельский пейзаж он видел раньше — как правило, из окон несущихся ли-

музинов, возвращаясь в Лондон с конференции ли в одном из домашних графств[12], или после уикенда в Чекерсе[13], или из скромного сельского имения в Бакингемшире, могла возникнуть столь чарующая и неприветливая пустыня? Поймав себя на том, что его мысли как будто застыли, а внимание приковано к искрящейся ряби на волнующейся водной глади, он с трудом перевел взгляд от лесной вырубки к тропе под ногами и сосредоточился на терапевтической размеренности ходьбы. Шагая вперед, он ощутил, как отступила тревога, освобождая в душе местечко для тоски по Флоренс. Эта тоска, как и тревога, оказалась почти всепоглощающей, но не настолько же осязаемо гнетущей. Его жажда примирения с дочерью была настолько сильна, что если бы она сейчас очутилась здесь, он был готов упасть перед ней на колени и молить о прощении. Почему он в таком состоянии? Или, быть может, стоит задать вопрос по-другому: почему он не был всегда в таком состоянии? Почему

---

[12] Примечания: 12

Домашние графства — шесть прилегающих к Лондону графств на юго-востоке Англии.

[13] Примечания: 13

Чекерс — официальная загородная резиденция премьер-министра Великобритании в графстве Бакингемшир.

жизнь не казалась ему всегда столь тревожной и столь горькой? Следующие полчаса он обдумывал вопрос, нашел ли он наконец естественное состояние души, или же, напротив, отдалился от своей истинной природы. Он не смог прийти ни к какому выводу, пока Питер не прервал его размышления.

— Я бы не отказался выпить!

— Ты уже принял довольно, — укоризненно заметил Данбар.

— Довольно! — возмутился Питер. — Что это еще за стандарт? Я хочу быть преданным Международному трибуналу в Гааге за недовольное принятие спиртного!

— Это и есть автостоянка? — спросил Данбар, заметив открытую площадку за деревьями.

— Автостоянка! Да, это она! — воодушевился Питер. — Побегу вперед и поищу телефон-автомат.

— Погоди! — крикнул Данбар, но Питер уже дал стрекача.

Данбар нашел своего спутника рядом с информационным центром пустой автостоянки. Вид у него был горестный.

— Телефон сломан, — сообщил Питер.

— Тогда нам надо найти перевал! — сказал

Данбар, не позволяя тому впасть в уныние.

— Вряд ли я смогу, старичок, — признался Питер. — Там надо все время подниматься вверх по склону, к заснеженной вершине горы, словом, держаться в сторону Наттинга. Посмотрите на карту! Думаю, нам лучше вернуться в «Кингз-Хед».

С этими словами он показал Данбару брошюру, взятую со стойки в информационном центре, и провел пальцем по тропе между холмов.

— Это по меньшей мере пять часов ходу, и прежде чем мы туда дойдем, уже стемнеет!

— У меня есть фонарь и швейцарский армейский нож! — возразил Данбар.

— Вам определенно нравится все швейцарское! Но буду с вами предельно откровенен: я не смогу пройти так много, не выпив. Давайте я вызову такси и встречу вас в Наттинге.

— Нет! Если вернешься, они тебя схватят!

— Вы не понимаете…

— Все я понимаю! В своей жизни я встречал немало пьяниц. Ты должен делать что должно, но я думаю, ты совершаешь большую ошибку. Как бы там ни было, — Данбар вытащил шерстяную шапочку из кармана пальто и нахлобучил себе на голову, — спасибо, что вытащил меня оттуда. Без

тебя я бы не смог. Кстати, можешь оставить себе деньги, которые ты у меня спер, они позволят тебе всегда опережать их на шаг.

— Хороший вы человек, Генри Данбар! Гораздо лучше, чем я ожидал, — прочувствованно сказал Питер, обняв старика и звонко хлопнув его по спине.

Данбар поднял меховой воротник пальто и, больше ни слова не говоря, направился к тропинке, что начиналась от дальней кромки автостоянки.

6

Вынужденные сдерживать эмоции в присутствии сотрудников в самолете, Эбигейл и Меган заселились в королевский люкс одного из лучших манчестерских отелей и пригласили доктора Боба к себе на ланч. Он решил проигнорировать риск быть застигнутым за важным телефонным разговором, заранее зная, что после ланча сестрам наверняка потребуется десерт в виде греховных утех в повышенных дозах, дабы стимулировать их пресыщенные аппетиты. Его тело, уже испещренное множеством знаков страсти — укусов и порезов, пожелтевших синяков и совсем недавно появившегося тонкого шва на груди, — жаждало возмездия, в то время как его совесть, слегка уязвленная совершенным им предательством в отношении бывшего пациента, находила свое отмщение в предвкушении несколько извращенного удовольствия предать теперь и дочерей Данбара.

Повесив снаружи на дверь табличку «Не беспокоить», что в данном конкретном отеле значило «Думаю, я могу уделить внимание самому себе»,

доктор Боб уселся за письменный стол и достал одноразовый мобильник с заранее оплаченным временем: он не сомневался, что его собственный телефон взломан кем-то из ретивых ассистентов Эбигейл. Он давно запомнил наизусть прямой номер Стива Когниченти — чтобы не оставлять в электронной телефонной книжке следов тайных контактов с харизматичным и хвастливым президентом «Юнайтед коммьюникейшнз». «Юником», как все ее называли, была единственной медиакорпорацией, превосходившей по размеру «Данбар-Траст». Все знали, что расположенные всего в двух кварталах друг от друга в Нью-Йорке, штаб-квартиры обеих компаний зеркально отражались в затемненных окнах верхних этажей этих небоскребов на Шестой авеню. И их киностудии в Голливуде располагались в точно такой же досадной близости, что и головные офисы, но, несмотря на то что в течение многих лет «Юником» и «Данбар-Траст» гонялись за одной и той же добычей, состязаясь друг с другом за право владеть телевизионными станциями, кинозвездами и разоряющимися местными газетенками, ни та ни другая еще не отважилась пойти в атаку с открытым забралом, понимая, что любая неудача того или иного коммерческого предложения

о покупке таит слишком большой риск и грозит каждой из них самоуничтожением.

Восемь утра в воскресенье — слишком рано, чтобы звонить кому бы то ни было, но Стив сам сообщил доктору Бобу то, что давным-давно было известно миллионам читателей «Уолл-стрит джорнэл», «Файнэншл таймс» и журнала «Форчун»: каждое воскресенье именно в это время Когниченти завершает длительный курс ежедневных упражнений в спортзале, совмещая их с диктовкой имейлов и меморандумов и чтением бегущей строки деловых новостей агентства «Блумберг» в нижней части установленного перед его велотренажером 3D-симулятора виртуальной гонки «Тур де Франс». В это время он принимал звонки от немногих счастливцев, обладавших одним из его личных номеров, и сам начинал обзвон просыпающейся планеты. Его указания высокопоставленным управленцам и редакторам «Юником» следовали за траекторией восходящего солнца. Подвластные его лучам полуденные часы в Азии перетекали в подвластные его лучам утренние часы в Европе, и пока сияющее светило проплывало над Манхэттеном, завиральные идеи, родившиеся на Восточном побережье, на Западном побережье превращались

в перспективные планы, а активы, оптимизированные в ходе одного разговора, становились потенциально максимизированными в ходе другого. Иногда, по мере приближения ужина, просто так, со скуки, Когниченти мог снова позвонить в свое азиатское представительство и прервать коллективное занятие йогой или оторвать менеджеров от первой за день чашки кофе, чтобы отчитать за отсутствие каких-либо результатов со вчерашнего дня.

— Это ты, Боб! — воскликнул Стив таким тоном, точно был счастлив услышать голос лучшего друга после мучительно долгой размолвки.

— Я не разбудил? — поинтересовался доктор Боб.

— Какое там разбудил! Я уже давно на ногах! — Стив обычно спал с берушами, искусно выполнявшими также функцию наушников, из которых текли ободрительные увещевания, едва слышные, но производитель гарантировал всем потребителям эффективность этих подсознательных инъекций чувства непобедимости и безграничного превосходства. — Тренирую свою самооценку во время сна… Ты заслуживаешь самого щедрого вознаграждения, какое только жизнь может тебе предложить! — Поначалу

Когниченти скептически отнесся к бравурной инструкции к последнему рождественскому подарку своей последней жены, но теперь с трудом мог себе представить ночной сон без аудиоберуш «СилаСна». Из всех величайших ошибок природы сон всегда поражал его как самая возмутительная и куда труднее поддающаяся объяснению, чем альтруизм: три часа или, в случае абсолютно потерянного времени, восемь часов, в течение которых невозможно делать деньги! Даже если инвестиции за ночь расцветали пышным цветом, этот финансовый успех базировался на принятых ранее решениях; а так — ничего новенького, ничего дерзкого, ничего воистину агрессивного нельзя было сделать, томясь в застенках вынужденного бездействия. По крайней мере, вооруженный «СилойСна», он знал, что выстраивает себе непробиваемое «я» для Додж-Сити[14] бесконечного соперничества и сенсационных новостей.

— Что у тебя есть для меня? — спросил Стив.

— Ну, — начал доктор Боб, — я подтвердил, что они могут рассчитывать на пятнадцатипроцент-

[14] Примечания: 14

Город в штате Канзас, «герой» одноименного вестерна (1939). Символ преступности, беззакония и «войны всех против всех» в эпоху освоения западных территорий США в XIX веке.

ную премию сверх рыночной цены. «Игл-Рок», их семейный фонд, внесет предложение о покупке частных пакетов «Данбар-Траст» в четверг утром, сразу после того, как совет директоров проголосует за предложение.

— Только пятнадцать процентов?

Стив изъяснялся короткими фразами, между которыми в трубке слышалось его шумное, с легким присвистом, дыхание, что было простительно для человека, который выскочил на горный отрезок трассы «Тур де Франс» и, нажимая на педали, ехал вверх по крутому склону Пиренеев.

— Мне нужно слышать, как проходит совещание в режиме реального времени! Используем микрофон твоего ноутбука!

— Возможно, они смогут подняться еще на три процента! — продолжал доктор Боб. — Но это потолок. И еще одно: они хотят сместить Данбара с поста независимого председателя.

— Что? Они намереваются это сделать без его благословения? Их сторонники, похоже, очень в себе уверены!

— Они заручились поддержкой Дика Байлда — он все и провернет!

— Старый партнер Виктора, — заметил Стив. —

Насколько он близок с Меган? Он был, по сути, единственный другом ее мужа, так?

— Так, но я не думаю, что наша веселая вдова включила его в свору своих любовников, — с сомнением заметил доктор Боб.

— Возможно, ты ошибаешься, — возразил Стив.

— В любом случае я останусь членом совета директоров и…

— Ну, я не сомневаюсь, для них это будет обалденным облегчением! — саркастически произнес Стив, ловко одолев крутой вираж на виртуальном горном подъеме. — Но мне кажется, ты не понимаешь: я плачу за информацию! Мне нужно нечто существенное! Что может огорчить их до потери сна?

— Китай! — выпалил доктор Боб, испугавшись внезапной смены интонации Стива.

— Это еще почему? Оттого, что они потеряли спутниковый контракт с Жу? Тендер выиграл «Юником»! Ты что же думаешь, я не в курсе? Я же все это и организовал, и теперь весь рынок кричит о том, что Данбар обкакался в Китае!

— Нет, нет, ты не понимаешь! Жу дал им солидную компенсацию! Он не хочет, чтобы кто-то из вас затаил обиду на Китай. Последние бирже-

вые данные просто сумасшедшие, но девочки потеряли сон из-за опасения, что вот-вот придут хорошие новости и котировки акций взлетят до небес прежде, чем они закроют сделку.

— Вот это уже что-то! — обрадовался Стив. — А как они поступят со стариком?

— В настоящий момент я в Манчестере…

— Манчестер? Какой у нас год на дворе? 1850-й? — усмехнулся Стив. — Зачем кому-то в наши дни ехать в Манчестер?

— Данбар помещен в психиатрическую лечебницу тут неподалеку, — уклончиво ответил доктор Боб. — Мы хотим перевести его в более надежное место.

— В то, что находится в шести футах под землей? — искренне расхохотался Стив — и его смех не был ни зловещим, ни шутливым. — Ну нет! — произнес он так, будто не одобрял чей-то неудачный план. — Я люблю старика Данбара. Он построил великую империю — вот почему я и хочу ее захватить. Но ты уж постарайся, черт побери, чтобы на нем это никоим образом не отразилось, ты меня понял, Боб?

— Сделаю, — ответил доктор Боб и для придания себе большей убежденности вытряхнул на ладонь таблетку психостимулятора и запил ее

глотком воды. — Единственная помеха — это младшая дочь Флоренс, которая сейчас его разыскивает.

— Какой нам от нее вред?

— Она может вернуть Данбара в игру перед большим совещанием.

— И каков план?

— Мы собираемся переправить его в Австрию, в клинику с очень надежной охраной — не сравнить с благообразной британской психушкой, где он в настоящий момент находится.

— Не слишком ли бросается в глаза корпоративный лайнер? — со знанием дела спросил Стив.

— Именно поэтому мы для отвода глаз оставляем «Глобал-один» в Манчестере и собираемся лететь на чартерном самолете из Ливерпуля. Даже если Флоренс обнаружит лайнер отца, это не приблизит ее к нему ни на дюйм!

— А у нее есть акции?

— Нет, их передали другим дочерям после того, как они с Данбаром разругались.

— И она его ищет? Что это? Преданность обиженной дочки? Нечто вроде стокгольмского синдрома?

— Может, и так. Но в ее случае, думаю, она просто любит папу.

— Считаешь, она хороший человек? Это твое объяснение? А что ты думаешь по поводу…

— Извини, что перебиваю, Стив, но тут от Эбби пришла эсэмэска на мой другой телефон: она пишет, что срочно хочет меня видеть.

— Я вижу, они держат тебя на коротком поводке!

— Ты даже не представляешь, на каком! — отозвался доктор Боб.

— Держись, мой друг! Это же только до вечера четверга!

Доктор Боб дал отбой, зная, что если он не появится через минуту, Эбби сама за ним придет. Его сердце бешено забилось, тело пронзили тысячи иголочек, во рту пересохло, и кожу на голове одолел зуд. Он стал развалиной: его тело превратилось в клубок неконтролируемых симптомов и жутких побочных эффектов. Длинный проход по коридору к королевскому люксу напомнил ему книгу, которую он и в последнее время читал ради забавы: «Жестокие и необычные наказания» — так называлось это издание. В главе, которую он прочитал во время полета, описывалось, как во времена короля Якова изменников после удушения на виселице кастрировали и потрошили, вырезая внутренности, пока те еще

были живы, после чего, вероятно, с неспешной педантичностью раздирали на куски. Сейчас, когда он пребывал в хрупком, почти истерическом, состоянии полного изнурения и его веки были словно покрыты изнутри полосками наждачной бумаги, многоцветный хаотичный узор на ковровой дорожке под ногами, призванный скрыть пятна и выглядящий так, будто этот несчастный ковер претерпел все мыслимые мучения задолго до того, как покинуть ковровую фабрику, казался ему досками эшафота, замызганными следами изощренных пыток. Доктор Боб на мгновение прислонился к стене и невольно издал приглушенный всхлип. Он размышлял о казни сэра Эверарда Дигби[15], который после того, как палач вырвал у него из груди сердце и высоко воздел над головой с криком: «Се сердце изменника!» — умудрился прохрипеть: «Ты лжешь!»

Доктор Боб бессильно соскользнул вниз по стене. Где же чувство гордости за успешно осуществленный обман, где чувство восторга от внезапно обретенного преимущества? Сейчас больше, чем когда-либо прежде, ему нужно было нащупать связь с этим хладнокровным ублюд-

[15] Примечания: 15

Дигби Эверард (1578–1606) — английский католик, казненный за участие в Пороховом заговоре.

ком, притаившимся в самой сердцевине его естества, а вместо этого он лишь проливал слезы по поводу давным-давно погибшего непокорного и несгибаемого католического мученика, словно оплакивал нечто, чего сам не мог достичь: опыта самопожертвования ради убеждений, ради общества, ради идеала…

Он ударил кулаком по стене со странной, словно чужой яростью, не рожденной внутри, но словно навязанной извне. В отсутствие кого-то, в отношении которого он мог бы проявить жестокость, ему пришлось ограничиться костяшками собственных пальцев. Боль пронзила его и выбила из жалкого душевного состояния, и, выпрямившись во весь рост и снова зашагав по коридору, он вспомнил, что к вечеру четверга станет невероятно богат, и богатство принесет ему независимость, и все это случится не благодаря нудной тяжкой работе и не благодаря аморальному благу внезапного наследства, но лишь благодаря уму, хитрости, харизме и преодолению рабской морали, которая удерживает в узде менее значительных людей. Денежное вознаграждение от Когниченти, которое тот переведет на его счет в швейцарский банк на следующий день, ожидаемое удвоение цены его

пакета акций «Данбар-Траста» после поглощения, вкупе с зарплатой, о которой он предусмотрительно договорился с девчонками Данбар до того, как всадить им нож в спину, позволит ему вести жизнь, по крайней мере, неотличимую от той жизни, к которой он уже привык, будучи личным врачом в свите у миллиардеров. Доходность его собственных инвестиций будет невысока, но, не имея детей и не имея намерения продлевать свою жизнь дольше, чем ему позволят его способности держать под контролем любую жизненную ситуацию, в которой ему суждено оказаться, он не возражал против того, чтобы промотать весь свой капитал и оставить после себя кучу долгов.

К тому моменту, как двойные двери в конце коридора распахнулись перед ним, он сумел придать своей походке уверенную легкость.

— Где ты пропадал, черт возьми! — недовольно бросила Меган.

— Не стоит так кипятиться! — улыбнулся доктор Боб. — Я вижу, ты сгораешь от нетерпения. Береги себя, иначе в один прекрасный день, — он сделал паузу и вдруг громко щелкнул пальцами прямо перед ее глазами, — ты свалишься замертво от инфаркта или от инсульта.

Ему удалось напугать и опечалить Меган. Как

же легко она поддается внушению! Эти девчонки Данбар — такие самодовольные, властолюбивые и крутые, но их крутизна — это не сила, а властолюбие — не власть, и их самодовольство — всего лишь незаслуженная гордыня, порожденная незаработанным богатством.

— Ты мне угрожаешь? — прошипела Меган.

— Бог ты мой, да нет же! Разве есть безумец, способный на такое? — воскликнул доктор Боб с обезоруживающей улыбкой. — Я просто говорю, что ты представляешь угрозу для самой себя, если живешь в состоянии постоянного нетерпения! Я же твой врач, Мег, и я знаю: ничего нет хорошего в том, что ты подвергаешь себя такому стрессу! — продолжал он, фамильярно положив руку ей на плечо и благоразумно сообразив, что ему не стоит выказывать слишком очевидную враждебность и строптивость до конца текущей недели.

— Дело в том, что мы сейчас вступили в кризисный период, так что, полагаю, да, я утратила душевный покой! — соизволила заметить она. — Папа сбежал из той дурацкой лечебницы. Как только мы его найдем, мы их засудим и разорим подчистую!

— Не сомневаюсь! — закивал доктор Боб, следуя за ней в гостиную. Он умолк, как только заметил

Эбигейл: та расхаживала по комнате, прижимая к уху мобильный телефон.

— Я вас предупреждаю! — грозно говорила Эбигейл в ответ на слова собеседника. — Мы прибудем на место в пять часов. И если к этому времени моего отца не окажется в палате, вы очень скоро прочитаете в прессе массу статей о Медоумиде, которые заставят вас понять, что такое плохая реклама.

Она швырнула телефон на софу и издала недовольный рык. Доктор Боб не отнесся серьезно к угрозе, которую только что услышал. За все годы, проведенные рядом с Данбаром, он не раз становился свидетелем того, как старик, впадая в гнев, клялся разрушить чью-то репутацию, но при этом никогда не слышал, чтобы тот кому-то угрожал напрямую. Угроза должна быть невысказанной, но неминуемой. Когда озвучиваешь угрозу в нескольких гневных фразах, как только что сделала Эбигейл, это выглядит мелкотравчато, к тому же Эбби еще и допустила фатальную ошибку, намекнув, что средства массовой информации, которыми она владеет, являются инструментом ее мстительных капризов. Правда в том, что сейчас его долг — разрушить ее планы, хотя бы ради того, чтобы спасти прессу

половины мира от столь прихотливых методов управления новостями. И хотя к концу недели все будет выглядеть так, словно он внес свою лепту в разрушение империи Данбара, на самом деле он сохранял ее от дальнейшей деградации, оберегая от недостойных наследниц. В глазах потомков он, возможно, будет выглядеть спасителем, но в ближайшей перспективе ему никто не скажет спасибо.

— Уму непостижимо! — воскликнула Эбигейл. — Отца никто не видел после завтрака, и они, твою мать, понятия не имеют, находится он на территории лечебницы или нет.

— Он, конечно, в неплохой физической форме для своего возраста, но не мог же он уйти далеко — без денег, без телефона! — рассудительно заметил доктор Боб.

— Он вообще не должен был никуда уходить! — отрезала Эбигейл. — Предполагалось, что все пройдет без сучка и задоринки — и без огласки.

— Вот почему стоит воздержаться от публикации гневных статей о Медоумиде, чей персонал недоглядел за твоим знаменитым отцом.

— Я просто хотела поставить их на уши, — отрезала Эбигейл.

— Пустая угроза есть признак слабости! — за-

метил доктор Боб.

— Перестань щеголять детсадовскими цитатами из Макиавелли! — фыркнула Эбигейл. — Не забывай, кто ты такой!

— И кто мы! — добавила Меган, радуясь возможности поддеть негодяя-лекаря, который только что попытался напугать ее своими дурацкими советами.

В свете своего недавнего разговора со Стивом Когниченти, доктор Боб уже был готов влепить им обеим пощечины или, хуже того, пуститься рассуждать, как они неправы, но вместо этого решил воспользоваться неизрасходованными резервами лицемерия, чтобы еще несколько дней изображать полнейшее смирение.

— Прошу прощения! Разумеется, вы овладели всеми премудростями науки применения власти, которые я даже не могу надеяться когда-либо выучить. Это знание — часть вашей ДНК, как гласит модное сегодня выражение, сколь бы бессмысленно оно ни звучало.

— Встречаемся в вестибюле отеля через сорок пять минут! — Эбби повернулась спиной к получившему от нее взбучку клеврету и, не говоря больше ни слова, удалилась.

— Замечательно! — пробурчал доктор Боб,

улыбнувшись на сей раз без всякого притворства. Поспать времени не будет, но, по крайней мере, у него есть повод поверить в существование ангелов-хранителей.

7

Тропинка, по которой шагал Данбар, тянулась параллельно ручью, протекавшему в середине холма. Убаюкивающий шум воды помогал заглушить тревожное жужжание его перепутанных мыслей. Каждый шаг и каждый вздох требовал от него отдельного усилия, и он делал краткую передышку, когда обе его ноги твердо упирались в землю, а затем вновь пускался в путь. Дальше подъем был довольно крутой, и непонятно, какие препятствия там его поджидали, но ему ничего не оставалось, как продолжать упрямо, шаг за шагом, идти, подчиняясь упорному желанию двигаться вперед, что он привык делать всю свою сознательную жизнь. Он всегда был нацелен в будущее, распространяя свой бизнес на новые континенты и привнося новые технологии в свой бизнес — не потому, что он понимал их до мельчайших деталей или сам получал удовольствие, пользуясь ими, но потому что от них исходил дух новизны. И хотя он до сих пор находился во власти этой упрямой привычки, именно сейчас его уверенность было так легко пошатнуть, и он

пытался обуздать азарт предвкушения, уткнувшись глазами в тропинку под ногами, словно уже сгустилась тьма, и его вожатым в этой тьме был фонарь, чей тусклый сноп света бил на несколько ярдов вперед.

Услыхав неподалеку журчание воды, он позволил себе поднять взгляд и увидел, что впереди тропинка пересекает русло ручья и ему придется перебраться по самодельному мостику из плоских валунов. Он снова опустил голову и ускорил шаг, но на сей раз понял, что чем меньше он глазел по сторонам, тем труднее ему было продвигаться: серые валуны по краям тропы были покрыты кляксами белого и ядовито-зеленого лишайника, а там, где вода собралась в расщелинах и трещинах, образовались темные островки бархатистого мха. А на изломах камней на самой тропе виднелись ржаво-красные прожилки и иногда посверкивали кристаллы. Ему, словно ребенку на морском берегу, захотелось поднять гладкий камешек с вкраплением белого минерала на его поверхности, но он понимал, что похвастаться этим сокровищем будет некому.

Когда старик достиг ручья, он перестал чувствовать себя в безопасности из-за того, что шагал, внимательно глядя под ноги; наоборот,

окружающий пейзаж, словно засасывал его в головокружительный вихрь отдельных деталей — в микроскопический мир, для которого вовсе и не требовался микроскоп, чтобы его разглядеть: где каждый кустик лишайника превращался в причудливо окрашенный лес спор, чьи стволы густо торчали из каменистой планеты, на которой они росли. Испытав неведомую ранее тревогу оттого, что его разум стал так легко поддаваться самовнушению, он решил передохнуть на каменном переходе посреди ручья, чувствуя необходимость найти нужный баланс между восхищением причудливым миром под ногами и принятием того, что до сих пор казалось труднейшей задачей — столкновением с бездной своего одиночества в этой пустынной глуши.

Он твердо стоял на плоских камнях, наблюдая за потоком, и представлял, как кристальная вода, разливаясь меж серых валунов перед ним и образуя пенящееся озерцо, протекает также и сквозь его взбаламученную душу и смывает все сомнения и ужас, грозившие торжествовать победу над ним. Сбегающий по горному склону ручей представился ему надрезом, и это сравнение сразу породило безумное ощущение, будто над ним занесен хирургический скальпель и

вот-вот резанет по самой середине его торса. Он поспешно отвел взгляд от воды и оглядел безмятежные просторы Миаруотера, но при виде оставшейся далеко позади автостоянки, где они расстались с Питером, на него нахлынуло чувство горестного отчаяния, которому он также не желал предаваться. Когда же наконец он осмелился взглянуть вверх, то увидел в небе рваное покрывало из тонких облачков, а еще выше — бездонную синеву, озаренную ярким светом. Облака будто табуном неслись прямо на него, зажатые высокими холмами по обеим сторонам озера, и дальше к перевалу за его спиной, отчего он почувствовал себя загнанным в западню — в точке схождения боковинок буквы V. И эту пугающую иллюзию сопровождало невесть почему возникшее чувство вины, словно рваные облака были осколками бесценной бело-синей вазы, которую ему доверили, а он ее, как последний дурак, уронил и разбил, и теперь ему надо срочно склеить осколки до прихода хозяина.

— Прошу, не дай мне сойти с ума, — прошептал Данбар и потом, после паузы, попытался подавить смущение. Кого он просит проявить к нему милосердие? Он с преувеличенной галантностью склонился над ручьем, в надежде, что эта шутов-

ская формальность принесет ему хоть какое-то облегчение, но его мольба была слишком серьезной, чтобы обратить ее в шутку.

— Прошу, прошу, прошу, не дай мне сойти с ума! — умолял он, больше уже не имея намерения шутить о чем бы то ни было и давая обещание больше не шутить так никогда, если только он сможет избавиться от этого мучительного ощущения.

В отчаянии он несколько раз обернулся, стараясь не потерять равновесия на влажных камнях и прикидывая, долго ли ему еще предстоит карабкаться вверх по склону до перевала. И все время повторял как заведенный: «Прошу, прошу, прошу!», надеясь, что его мольба имитирует стремительный ток ручья и сможет, как и этот ручей, вылиться в нечто величественное и умиротворенное.

На ту часть горного склона, где он сейчас стоял, уже упала тень, и хотя солнце еще освещало горный перевал, там все было завалено снегом. На некоторых облаках играли отблески заходящего солнца. И по мере того, как солнечный свет сквозь загрязненный воздух пробивался ближе к земле, он менял цвет — от голубого до красного края спектра. Вот что собой представляет любой

закат: просто торжество грязи и праха. Возможно, его внуки будут жить под неизменно красным небом, потому что умирающая природа, точно свисающий вниз головой зверь с перерезанным горлом, истекла кровью на небесную твердь.

— Грязь и прах, — глухо прорычал Данбар, обрадовавшись, что нашел, пускай и ненадолго, на что излить свой гнев.

Он быстрым шагом пересек ручей, словно был уверен, что скорость передвижения сможет отогнать прочь пугающие мысли. Эта его самонадеянная фантазия тотчас сменилась ощущением собственной дряхлости, а затем в его воображении нарисовался образ человека, объятого огнем, старающегося сбить пламя, перейдя на бег, отчего огонь разгорался пуще прежнего. Тем не менее он не сдавался, даже несмотря не непрестанные атаки воспаленного воображения: он должен добраться до перевала засветло, чтобы разглядеть конфигурацию долины и найти место для ночлега. Сгущались сумерки, становилось холоднее, но все равно, не обращая внимания на самочувствие, он должен продолжать идти вверх, иначе он умрет, он и впрямь умрет, а не просто, как раньше, будет думать, что умирает, пока доктор Боб не возьмет у него несколько ана-

лизов и не убедит, что смертельной опасности нет, или не похвалит в очередной раз его физическую форму, или не выдаст ему пилюлю из своей таблетницы.

Вспомнив доктора Боба, Данбар невольно остановился, опасаясь, что его сердце не выдержит взрывоопасного сочетания быстрой ходьбы в гору и немой ярости. Его дочери, его плоть и кровь, и человек, нанятый, чтобы содействовать его плоти и крови, вступили в заговор против него. Для него их измена была особенно горькой, поскольку преданность всегда была фирменной особенностью его поразительного взлета к успеху. Как Наполеон, который производил своих сержантов в маршалы, а потом даровал им особняки на улицах-лучах, расходившихся от Триумфальной арки, он забрал Уилсона и остальных из своей первой команды и вместе с ними поднялся от провинциального процветания, наступившего после покупки им «Виннипег эдвертайзер», до непревзойденного политического влияния во всех значимых сферах — до глобальной власти, которую у него отнимают его дочери и его врач, ставшие недугами его плоти и крови. И как бы он мог исцелить себя, кроме как вскрыв себе вены в этом ручье и выпустив свои недуги вместе с

кровью? Он ощутил тяжкую сталь швейцарского армейского ножа в кармане пальто и представил себя коленопреклоненным посреди ручья, со струями крови, вытекающими из вспоротых запястий и смешивающихся с кристально чистой водой ручья, текущего вниз. Зверь, забитый на закате. Круговерть мыслей и образов, образ Кэтрин, погибшей в автокатастрофе, мрачное сходство между тем, что реально произошло, и тем, что он себе вообразил: это все были мысли и образы, сражающиеся за обладание его душой. И дело не в том, что события прошлого, такие как смерть Кэтрин, казались нереальными, но в том, скорее, что каждая мысль казалась предельно реальной. Возможно, вот в чем объяснение тому, почему вселенная расширяется: потому что все мысли реальны и все больше и больше людей рождают все больше и больше мыслей, постепенно раздвигая вовне пределы искривленного пространства.

— Прошу, прошу, прошу, — рыдал он, — прошу! Больше никаких великих идей!

Ему захотелось бухнуться на колени, как это делают молящиеся, компенсируя унижение смирением, но он ощутил еще более сильное желание идти вперед, вырваться из тисков катастрофического настроя, поразившего его душу

на этом клочке суши посреди водного потока. Если он встанет здесь на колени, то лишь глубже погрузится в грязь и прах, поэтому он продолжил восхождение, время от времени устремляя взор вверх, чтобы увидеть редкие пучки солнечного света, освещающие заснеженные склоны горы. Солнце теперь освещало только самую вершину, и очень скоро должно было закатиться за окоем горизонта.

Он вспомнил суждение одного журналиста из конкурирующей корпорации: оно все еще ныло во лбу, словно старая рана от шрапнели, одна из тех дурацких фраз, которые якобы имели целью дать краткую оценку его карьере, хотя и отнюдь не элегантную, но запомнившуюся ему из-за ее несправедливости: «Дешевые долги и деградирующие стандарты». Это и неправильно, и неправда. А как же тяжкий труд и преданность, не говоря уж о хладнокровии, отваге и обаянии? Почему же никто не польстил ему, не ободрил его — когда он так в этом нуждался! Он хорошо знал, каково это — нежиться в ауре пустых восхвалений, а теперь вот даже Питер покинул его. Он очень быстро привык к тому, что Питер вечно отвлекал его, развлекал его, заботился о нем. Он был аудиторией Питера, а Питер был его ауди-

торией, при том, что ни тот ни другой не были способны выслушать друг друга в полном, то есть обычном, смысле слова, а все из-за немыслимых запросов, рожденных их собственными мыслями и впечатлениями. И все же было приятно думать, что рядом есть хоть кто-то, просто кто-то другой, с кем установились *взаимоотношения*, наверное, так это можно назвать.

А в этом краю можно найти не так-то много живых существ для установления взаимоотношений. Вороны предпочли не забираться так высоко в сгустившемся мраке, и даже знаменитые своей выносливостью хердвики — это местная порода овец с темной жесткой шерстью, в которых Питер неплохо разбирался после своих многочисленных визитов в Медоумид («слишком многочисленных, чтобы все их перечислить», как он любил повторять) — не решились составить компанию Данбару в его пешем походе через перевал по скрипучему снегу.

Когда тропинка вышла на плато, он остановился, пораженный неожиданно открывшейся картиной. Ручей вытекал, как выяснилось, из небольшого круглого озерца перед последним крутым склоном. Слева от тропы, у ближайшего края озерца, раскинулся красивый пляжик

— запорошенная снегом площадка для отдыха и для размышлений, словно созданная природой для одиноких путников. Вся водная гладь была покрыта тонкой и мутноватой корочкой льда — исключение составляла лишь впадинка, откуда бил глубинный родник: там темнело пятно незамерзшей воды. А на дальнем берегу от самой кромки воды круто вздымался изогнутый откос, издалека напоминавший шаманский головной убор на челе озера. Вид был пронзительно красивый, даже слишком, точно неведомый режиссер специально задумал эти декорации для изысканной сцены смерти, в которой, возможно, именно Данбару и отводилась главная роль, поскольку на многие мили вокруг кроме него не было ни души. Объятый суеверным страхом, он поспешил вперед — так беременная крестится, идя мимо кладбищенской стены, — стараясь шагать настолько быстро, насколько позволяли скользкие от снега камни. Тропа огибала озерцо и вбегала на перевал, который теперь был полностью погружен во мрак. Только самая верхушка горы за перевалом еще слабо освещалась всполохами холодного золотистого света.

Но даже в таком красивом месте он не мог спастись от заразы мрачных мыслей и постоян-

ных страхов. И в том заключалось его наказание — иного объяснения быть не могло, — за многочисленные случаи собственного вероломства. Каким же он был лицемером, гневаясь на дочерей и врача! Кто, как не он, предавал обожаемую жену, имея по любовнице в каждом городе, где располагалось его представительство, кто, как не он, лгал о своем семейном положении, чтобы спровоцировать женщин, не желавших запятнать себя прелюбодеянием, и кто, как не он, так мстительно обошелся с Флоренс, обрубив все связи с ней, отторгнув ее от себя и прокляв ее только за то, что она осмелилась иметь собственные суждения. Его преступления куда хуже, чем преступления Меган или Эбигейл, не говоря уж о докторе Бобе. Он предал людей, которых любил больше всего на свете, его дочери, можно предположить, имели моральное право его ненавидеть, а бедняга доктор Боб оказался обычным слабохарактерным соглашателем, который воспользовался удобной для себя возможностью. В других обстоятельствах, на экономическом саммите в Сан-Вэлли или в беседе с министром финансов, он, возможно, назвал бы совершенное им «предприятием» или «инициативой». Кто, как не он, разгневанный отец и раздраженный

пациент, лучше других понимал всю нездоровую природу предательства, и вот теперь праведная судьба влачила его к самоубийственному эшафоту из камня и льда. И не понадобится никакой шаман в головном уборе из перьев, чтобы вырвать у него из груди его коварное сердце, когда оно само уже было готово взорваться под бременем собственной вины и горя.

Дрожа от страха и изо всех сил стремясь поскорее оставить за спиной проклятое озерцо, Данбар на последнем участке подъема к перевалу шагнул в глубокий снег. Ничья нога еще не ступала здесь после последнего снегопада. И он понятия не имел, где находится тропа, скрытая под снежными дюнами. Ему осталось просто выбирать более или менее прямой маршрут да надеяться, что снег, в который он проваливался по колено, убережет его от острых камней и невидимых впадин, что, как ему чудилось, коварно поджидали его на каждом шагу.

И хотя он предусмотрительно заправил брюки в сапоги, снег очень скоро образовал мокрые кольца вокруг лодыжек и облепил нижние части штанин. Когда же он добрался до верхней точки перевала, его ноги ниже колен совсем закоченели, а торс вспотел от напряжения, сердце бешено

колотилось, и в ушах звенело от пульсирующей крови. Когда его взору открылась глубокая чаша долины под горой, он поразился ее безжизненной пустоте, кое-где испещренной крест-накрест нитками каменной изгороди, но нигде не было видно ни деревца, ни озерца, ни какого-то укрытия от нависшего сверху неба. В какой стороне Наттинг? А где указатель на Наттинг? Уже совсем стемнело, и только от снежного покрова исходило таинственное сияние. Этот последний отблеск дневного света давал ему слабое утешение, потому что единственное, что он ему сулил, — смерть от обморожения. Он в последний раз взглянул на долину, которую, выбиваясь из сил, преодолел за этот день. Данбар старался побыстрее уйти от нее подальше в надежде оказаться в безопасном месте; а теперь, глядя на оставшийся позади городок и лесную автостоянку, подумал, что безопасное место было как раз там, откуда он ушел. Брюхатая черная туча, набрякшая от дождя, града и снега, сменила рваные подсвеченные снизу облака, которые он наблюдал в небе, форсируя горный ручей. Туча сейчас распласталась где-то над «Кингз-Хедом», на дальнем берегу озера, но она от него не отставала и очень скоро прольет холодным дождем свой мстительный гнев на его

бедную старую голову. Возвращаться так же бессмысленно, как и спешить вперед, теперь самое главное — найти какое-то укрытие от непогоды, но укрытия нигде не было видно.

8

При других обстоятельствах и широченная кровать с балдахином, и витражные окна, и крошечные розочки на обоях в спальне в «Кингз-Хеде» очаровали бы Меган. Ведь, как и все люди, склонные к звериной жестокости, она сохранила в душе склонность к сентиментальности. Собаки и лошади не вызывали у нее энтузиазма, альпийские дирндли[16] оставляли ее равнодушной, но она таяла от умиления, оказываясь в сельских отелях английской глубинки. «Кингз-Хед» как раз соответствовал ее представлениям о непретенциозном райском уголке, вплоть до картонки на каминной полке с вежливой просьбой не разжигать огонь. Но пусть будет хоть такой фальшивый камин в отеле, стилизованном под «сельский дом», который никогда не функционировал в качестве настоящего сельского жилища. Сентиментальность давала ей краткое избавление от жестокой суровости, вообще свойственной ее натуре, — это был своего рода шанс скинуть туфли,

[16] Примечания: 16

Традиционное платье с облегающим лифом и широкой присборенной юбкой, распространенное в альпийских районах Европы.

пошевелить пальчиками ног и посмотреть какое-нибудь дурацкое шоу по телевизору, то есть стать как все люди — как она их себе представляла: безбрежное море однообразной пошлости за высокой стеной ее собственного порочного и волнующего мира.

Но что ее бесило больше всего в это беспокойное утро понедельника, когда дождь барабанил в витражи, ветер свистел в пустом камине, а отец бесследно пропал, так это то, что она даже не могла спокойно насладиться этим уголком английского уюта перед тем, как заточить старика в надежной лечебнице, затерянной в воистину неприступных горах Австрии, в кольце зубчатых пиков и скованных льдами перевалов, а не посреди этих низеньких, теснящихся гор с покатыми склонами, напоминающих свору спящих щенков, среди которых, это же ясно, так просто скрыться. Меган почувствовала себя обделенной заслуженным десертом. И решила воспользоваться техникой позитивной визуализации[17] и вызвать желаемую картину: папа, одурманенный седативами доктора Боба, с глупым восхищением наблюдает, как она намазывает расплавленное

[17] Примечания: 17

Метод аутотренинга, заключающийся в создании воображаемых ситуаций для формирования позитивного восприятия мира.

масло и клубничный джем на ноздреватый, как лунная поверхность, треугольник поджаренного тоста, в то время как невинные девушки Озерного края торопятся, падая с ног, поднести еще топленых сливок и крошечных сэндвичей, и их собственные клубнично-сливочные личики непроизвольно пунцовеют под ее оценивающим взглядом, интуитивно догадываясь, что у нее на уме, но, в силу своей непорочности, не зная этого точно. О господи, как же это несправедливо! Старый эгоист все испортил! Меган открыла глаза и рывком встала с кресла. Нельзя переутомляться! Доктор Боб, похоже, объявил сексуальную забастовку, а персонал отеля, насколько она смогла заметить, состоял из двух скучнейших официантов-поляков, австралийца-бармена и чопорной дамы-портье с короткими седыми волосами — да, тут далеко до картины «Святая Тринианка и Буше»[18], которую она себе позитивно навизуализировала. Для нее вечной проблемой с мужчинами было то, что мало кто из них умел играть на ее уровне и никто не мог на этом уровне

[18] Примечания: 18

Имеется в виду популярная серия английских кинокомедий про воспитанниц школы Святого Триниана для трудных подростков-девочек. Франсуа Буше (1703–1770) — французский художник, мастер живописи рококо, прославился, в частности, яркими портретами придворных дам.

удержаться. Ей нравилось, когда мужчина полностью ей подчинялся, то есть, по большому счету, явно был ее рабом, и все это только для того, чтобы она могла исполнять столь любимую ею роль смущенной девственницы, которая заглядывала ему в глаза и с тревогой спрашивала: «Я все правильно делаю?», а тем временем умело овладевала им, пуская в дело руки, ноги и рот. Ей нравилось шептать: «У меня это впервые в жизни!», а самой в это время принимать позу, в которой уже бывала тысячу раз раньше, нервно сдвигая ляжки. При любой возможности она морщилась, вздыхала и закусывала губы, словно ей причинял боль напавший на нее грубый мужлан, но она не осмеливалась жаловаться. Она сразу давала отставку тем мужчинам, которые в разгар процесса останавливались и участливо осведомлялись, все ли нормально, те же, кто показывал себя молодцом в первую неделю этих повторяющихся актов дефлорации и инициаций в мир плотских утех, получали доступ в самые потайные уголки ее подземелья извращенных пыток и любви. В ее представлении, физическая боль была тем золотым стандартом, который определял ценность бумажных ассигнаций любви. Боль можно было измерить, а вот любовь нередко

даже не имела точного местонахождения. И в таком случае почему бы постепенно не обменять нечто, что не лучше пустой сплетни, на нечто куда более осязаемое? Почему не превратить нестойкую эмоцию, вечно балансирующую на грани прямо противоположного чувства, в воспроизводимое ощущение? Она решила стереть с лица земли этот чертов Медоумид, когда представится удобная возможность. Доктор Харрис и эта жалкая медсестра, которая последняя видела Данбара, не рассыпались в раболепных извинениях, как того ожидали Меган и Эбигейл. Они, конечно, извинились, но вовсе не стремились создать впечатление, будто Марианская впадина слишком мелка для того, чтобы утопить в ней свой позор и чтобы, когда Данбар будет найден, они оба не раздумывая бросились в нее в знак символической компенсации за причиненный ими ущерб; более того, после третьего взрыва дочернего возмущения доктор Харрис стал повторять, что в их заведении не тюремный режим и что, с медицинской точки зрения, состояние Данбара было неверно ему описано доктором Бобом и его хемстедским коллегой. Иными словами, главврач начал хамить. Вчера днем она сидела у него в кабинете, разглядывая увесистое пресс-

папье на письменном столе, и представляла, как она дубасит им доктора по его мерзкой британской башке, «причиняя максимальный ущерб», как выражаются в боевиках, отдавая приказ о ликвидации неугодного субъекта. А потом еще встряла медсестра со слоноподобными ногами, заявив, что «не надо нам читать нотации», что они прекрасно отдают себе отчет в серьезности ситуации и что они уже вернули в лечебницу двух пациентов, с кем Данбар совершил побег, и от одного из них, не страдающего старческим слабоумием, узнали, что Данбар намеревался доехать на попутных машинах до Кокермаута. По ее словам, клиника уже направила двух своих сотрудников в Кокермаут. Она заверила, что тамошнюю полицию поставили в известность о случившемся, особо попросив не придавать это гласности. Заявление о том, что папа якобы стоял и голосовал на дороге, во всем этом монологе прозвучало очень фальшиво, и Меган потребовала встречи с очевидцем, который оказался известным телевизионным комиком Питером Уокером. Он не предпринял ни малейшей попытки скрыть истинную природу своей болезни.

— У меня жуткие проблемы с алкоголем, — заявил он, как только вошел в кабинет доктора

Харриса, и горько зарыдал. — Я прикончил все свои запасы! — С этими словами он хлопнул себя по ляжкам и зашелся в кашле вперемежку со смехом. — Старый конь борозды не испортит!

Они с Эбби настояли на том, чтобы его отпустили с ними на прогулку по территории лечебницы, и он вывалил им свой горячечный отчет о приключениях с Данбаром. После чего они пошли на хитрость и тайком уговорили его вернуться вместе с ними в «Кингз-Хед», посулив ему столько алкоголя, сколько в него влезет, — так они надеялись получить над ним полную власть и выведать, что же на самом деле произошло. Когда они добрались до угла в Пламдейле, где, как божился Питер, они с Данбаром и расстались, — при этом он не преминул коварно ввернуть такую подробность: ему *показалось*, что он видел, как старик залез в серебристый «воксхолл-астру», — уже начало смеркаться, и буря, бушевавшая далеко за городком, приблизилась к отелю. В воскресную ночь, да еще в разгар зимы, «Кингз-Хед» располагал массой пустующих номеров, поэтому они сняли три лучших люкса для себя и еще четыре «классических» номера для двух охранников, шофера и Питера, не обращая внимания на эсэмэски и звонки на голосовую почту

из Медоумида: там интересовались, не видели ли они пропавшего Питера.

За ужином Питеру выдали столько виски, сколько он пожелал, а еще налили микстуры из саквояжа доктора Боба, от которой он наверняка бы отказался, если бы ему дали выбрать между виски и микстурой или если бы он узнал, что там намешано. Почувствовав расслабляющий эффект зелья, выпитого им без его ведома, Питер еще быстрее принялся один за другим опрокидывать в глотку стаканчики виски. И чем более возбужденным он становился, тем с большим возбуждением старался потрафить своим новым знакомым.

— Тем, кому известно, — произнес он чуть заплетающимся языком, решив изобразить Джека Николсона, — хорошо *известно*, что ваш отец — это ч*еловечище*! Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Не совсем, — раздраженно бросила Эбби.

— С учетом того, что он *человечище*, — заметил доктор Боб, стараясь понимающей улыбкой сгладить враждебность Эбби, — нам не терпится узнать, где он находится! Если его застигла буря, он в эту самую минуту невероятно страдает, а никому из нас этого не хочется. Вы понимаете,

что я хочу сказать?

— Да, — пробормотал Питер, уже не будучи уверен, что дочери Данбара хуже, чем буря, и сильно расстроившись при мысли, что жизнь его друга, возможно, в опасности.

— Потому что если вы не вполне уверены, что видели, как он сел в серебристый автомобиль, — продолжал доктор Боб тоном, проникнутым таким трепетным состраданием, превзойти которое было просто невозможно, — и если у вас есть еще некие соображения о том, где бы он мог находиться, я бы с превеликим удовольствием их выслушал, чтобы мы могли протянуть ему руку помощи и обеспечить его полную безопасность.

— Что-то я странно себя чувствую, — известил Питер. Такой прямоты никто из присутствующих от него не ожидал. — И я говорю, как некто…

— …кто отлично знает, о чем он говорит, — закончил за него доктор Боб, с коротким задушевным смешком уловившего суть дела специалиста. — Когда нужно поговорить о странностях, *вы человечище*!

— Я… *человечище*! — нервничая, повторил Питер комплимент.

— Хотите таблетку валиума? — поинтересовался доктор Боб.

— О да, да, да! — воскликнул Питер. — Я очень хочу таблетку валиума!

— Могу вам дать одну. Я же врач, — сообщил доктор Боб. — Я знаю, вам надо хорошенько выспаться ночью. Вам нужен «невинный сон, распускающий клубок заботы»[19].

— О да, мне *нужно* распустить этот клубок заботы, — кивнул Питер. — Очень нужно!

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказал доктор Боб и подхватил стоящий около стула саквояж. — И я дам вам то, что вам нужно, и если вы вспомните, где еще можно поискать Генри, просто скажите мне.

— Наттинг! — пробормотал Питер.

— Ничего — это не ответ! Вы должны дать нам хоть какую-то информацию, если хотите получить свой валиум![20] — злобно вскрикнула Эбби.

— Вряд ли он имел в виду «ничего», — заметил доктор Боб, поспешив смягчить ущерб привычной терпеливостью врача. — Это населенный пункт, не так ли?

— Ну да, — кивнул Питер. — Нат-тинг.

---

[19] Примечания: 19

Шекспир. Макбет. Акт 2. Сцена 2. — Перевод М. Лозинского.

[20] Примечания: 20

Эбби решила, что Питер произнес «nutting» — искаженное «nothing», т. е. «ничего» (*англ.*).

Надо воздавать по заслугам всем, кто этого заслуживает: доктор Боб умудрился выудить из Питера все, что требовалось. Меган смотрела, как он работает, с чувством, граничащим с восхищением. У нее, строго говоря, никто и никогда не вызывал восхищения — эта эмоция казалась ей отчаянной мерой для отчаявшихся людей, вроде сдачи крови в банк крови, то есть не тем, в чем можно было бы уличить кого-нибудь, занимающего в жизни такое же завидное положение, как она. И все же именно в такие мгновения невнятного «почти что» восхищения она ненавидела саму мысль, что ей приходится с кем-то делить доктора Боба. Ее и Эбби всегда объединяла какая-то общая страсть, они всегда действовали как одна команда, будь то вражда с одноклассницей в пансионе или предстоящее голосование на ежегодном собрании акционеров, но сейчас Меган хотела, чтобы доктор Боб принадлежал только ей одной. В конце концов она же вдова, и хотя брак Эбби — полный фарс, у той не было намерения выходить за кого-то еще. Иногда, когда Эбби буквально сводила ее с ума, Меган подумывала сделать предложение доктору Бобу. Но в итоге, правда, всегда давала задний ход: не могла же она так просто забыть о многолетнем творческом

тандеме с сестренкой. Один из шедевров раннего периода их сотрудничества, — она до сих пор изумлялась тому, как *организованно* они действовали в ту далекую пору, — была история со старшеклассницей в пансионе, которая, как всем было известно, тайком сделала аборт в летние каникулы. Они с Эбби тогда не пожалели сил и денег, чтобы, вернувшись в пансион, несостоявшаяся мамашка обнаружила в своей комнате массу детских вещей: миленькую старомодную люльку с подвешенными над ней погремушками, набор пеленок, дорогущие кремы для ухода за кожей новорожденного, отсос для грудного молока, стопку симпатичных комбинезончиков и вязаных свитерочков и кучу резиновых игрушек-пищалок, торчащих из-под подушки или свисающих с книжной полки — они в буквальном смысле *скупили* весь ассортимент ближайшего магазина «Мазеркэар». Но радость от этой злой шутки длилась недолго: потому что с той девчонкой, кого просто грех было не подвергнуть такому издевательству, настолько она была ранимая и нежная, случился нервный припадок, и ее тут же отправили домой, и больше она в пансион не вернулась. А на общем собрании на следующий день директриса пансиона пообещала «найти

виновных» в «этом вопиющем акте жестокости», но когда она таки нашла виновных в лице двух девочек Данбар, те совершенно неожиданно перешли в контратаку. Эбигейл заявила, что они в семье вели весьма замкнутую жизнь, и до сих пор они слыхом не слыхивали об этих абортах. Да, до них дошли слухи, что кто-то из старших девочек забеременел, и они, естественно, решили, что ей будет приятно получить такие чудесные подарки. Возможно, они поступили наивно, но теперь, когда их невинные иллюзии так жестоко порушены, было бы очень жаль, если бы эта история стала достоянием прессы и школа ославилась бы на всю страну как «Аббатство Аборт». С того момента обе сестры попеременно становились старостами класса, и на их незабываемое правление никогда не посягала Флоренс, которую ее заботливая мамочка отправила в обычную школу на Манхэттене.

И сейчас, когда еще помнились те ранние шедевры хладнокровия, было пугающе странно видеть, что Эбби ведет себя как вчера — когда она проявила себя слабохарактерной занудой. Она, конечно, попыталась исправиться, в самый разгар ночной бури послав на поиски отца руководителя их службы безопасности Кевина и

Хесуса («Я предпочитаю, чтобы меня называли Хес»), их нового телохранителя, красавчика и бывшего «зеленого берета», глядя на которого, можно было подумать, что он одним своим взглядом способен свернуть противнику шею. По прибытии в Наттинг Кевин доложил, что этот так называемый населенный пункт — одно название: тут всего четыре дома, сарай да красный почтовый ящик на столбе. И еще он сказал, что Данбара там нет и не было, но они дождутся рассвета и с первым проблеском зари пойдут искать его на пешей тропе между Наттингом и Пламдейлом, повторив в обратном направлении маршрут Питера, о котором тот им поведал. И вот уже прошло три часа с рассвета, и все ждали каких-то новостей.

Мерзкое ненастье не позволяло им воспользоваться для поисков вертолетом, а стремление сохранять все в тайне исключало обращение за помощью в Ассоциацию горных поисковых групп Миаруотера, волонтерскую организацию, чью брошюрку Меган заметила в вестибюле отеля. С воздуха они бы точно смогли обнаружить Данбара, особенно если вертолет оборудован прибором ночного видения с тепловизором. У нее был опыт охоты с вертолета — на газелей в

Аравии, на диких быков в Новой Зеландии и на кабанов в Техасе. Это было то, о чем некоторые очень осторожные люди предупреждали ее как об особо опасном развлечении, но, по правде говоря, это был не сравнимый ни с чем кайф — сидеть, скрючившись, в мотающейся из стороны в сторону ревущей машине, с наушниками и в очках, разбрасывая сотни пустых гильз в минуту по девственной равнине. Она невольно устыдилась, что так бессовестно загрязняет природу. И звери вызвали у нее жалость, когда бросались врассыпную и пытались спастись от металлических мух, пускаясь в петляющий галоп, который с воздуха выглядел фатальной ошибкой животных, бегущих словно в замедленной съемке. Детеныши кабанов всегда послушно устремлялись следом за матками, поэтому если охотнику удавалось пристрелить или ранить матку, считалось добродетельным прикончить и детенышей, а для этого приходилось идти на лишний заход, с улыбочкой на губах, словно получая от этого огромное удовольствие.

Стук в дверь прервал приятные воспоминания Меган.

— Кто там?

— Это я, — раздался голос Эбби. — Впусти меня.

Эбби, уже в джинсах, толстом свитере и сапогах, прошла мимо Меган в комнату и без предисловий сообщила последние новости:

— Значит, так. Ребята только что звонили. Они вышли к небольшому озерцу выше основного озера — если я правильно расслышала… Даже их спутниковые чудо-телефоны дают сбои в такую погоду. Словом, они ничего не нашли пока что, и в горах сильный снегопад, поэтому если там и были какие-то следы, их уже занесло. Я приказала им спускаться, выйти на нашу сторону и встретить нас на автостоянке, где, как уверяет Питер, они расстались с папой. Думаю, стоит отвезти его туда, чтобы освежить ему память.

— Ну, если он наврал… — начала Меган, еще не зная точно, что у нее на уме.

— Именно! — подхватила Эбби. — Пока что я заказала ему в номер завтрак с шампанским — на тот случай, если он еще надеется вернуться под хмельком в Медоумид!

— Мило! — усмехнулась Эбби.

— И я приготовила ему еще одно угощение на потом.

— Какое?

— Увидишь! — сурово пообещала Меган.

Они договорились встретиться в вестибюле как

можно скорее.

Эбби поручила доктору Бобу взять на себя заботу о Питере.

Меган была довольна, что сестра опять вернулась в строй: быстро соображающая, решительная, плутоватая Эбби, женщина, знающая толк в житейских забавах, а не та вспыльчивая, беспомощная и немного напыщенная девица, коей она стала в последние несколько недель. Естественно, они обе нервничали по поводу того, что придется забрать у папы бразды правления, но если это не станет для них очередной забавой, то зачем вообще они этим озаботились?

Поскольку автостоянка находилась всего в паре миль от отеля, Эбби сказала Джорджу, что сама поведет машину. Истинная же причина заключалась в том, что Джордж был одним из старейших сотрудников отца, от которого они еще не успели избавиться (и без того было так много дел!) и их с Эбби уже вконец достали его бесконечные стенания о «мистере Данбаре».

— Но если вы заберете остальных, вам же понадобится еще одна машина! — возразил Джордж.

— Не беспокойся, мы справимся! — сказала Эбби, захлопнув водительскую дверцу. — Они могут пойти пешком, если ты хочешь сказать,

что нам не обязательно сидеть в машине вместе с тобой! — процедила она сквозь зубы, обращаясь к Меган.

— Пока! — Меган через окно помахала рукой изумленному шоферу, дрожащему от холода.

— Ну, по крайней мере сегодня утром он сделал хоть что-то полезное! — сказала Эбби, улыбнувшись Питеру в зеркало заднего вида.

— Что такое? — встрепенулся Питер.

— Он купил для нас ящик виски!

— Ящик? Целый ящик? — изумился Питер. — Боже ты мой, чем я заслужил такую незаслуженную милость судьбы?

— Ты рассказал нам, где искать папу!

— А вы нашли его? Вы нашли папу?

— Пока нет, — ответила Эбби, — но мы собираемся отправиться на автостоянку, где вы расстались, чтобы ты смог снова разыграть эту сцену, воспользовавшись своими несравненным способностями запоминания и подражания.

— Ну, все было именно так, как я и сказал…

— Просто покажи нам, когда мы туда приедем, — перебила Эбби.

Вскоре они свернули с дороги к пустынной автостоянке на опушке леса.

— Мне кажется, у меня начинается паническая

атака, — сообщил Питер доктору Бобу. — Можно мне еще таблетку валиума?

— Не думаю, что это уместно, — ответил доктор Боб, — к таким препаратам быстро привыкаешь.

— Ладно, признаю: я уже привык! Теперь я могу получить одну таблетку? Если неуместно дать человеку таблетку валиума во время панической атаки, то когда же уместно?

— Вон они! — сообщил доктор Боб. — В том маленьком павильончике около информационного центра.

— Кто они? — спросил Питер.

Эбби подъехала поближе к павильончику.

— Вот что уместно! — сказала она. — Информационный центр! Потому что мы хотим получить от тебя четкую информацию, Питер!

— Но я же сообщил вам все, что мне известно!

— Вылезай из машины!

— Я не могу вылезти из машины. То есть посмотрите, какая ужасная погода: вырванные с корнем деревья горизонтально летают в воздухе — будет удивительно, если какой-нибудь экстремальный погодный канал не ведет прямой репортаж об этой буре…

— Вылезай, мать твою, из машины! — заорала Эбби. — Речь идет о жизни моего отца, и его

жизнь может зависеть от крошечной детали, о которой ты забыл нам рассказать! А теперь вон отсюда!

Питер кое-как выбрался из машины, и его чуть не сбил с ног мощный порыв ветра.

— Аккуратнее, Питер! — сказал Кевин, положив руку ему на плечо и помогая зайти в павильончик. — Принеси виски! — обратился он к Хесусу.

— А, все ясно, — просиял Питер. — Будем веселиться! И зачем рассиживаться в унылом комфортабельном отеле, попивая коктейльчики в лаунж-баре с видом на озеро, когда можно расположиться на общественной автостоянке и на морозце приласкать любимую бутылку скотча, ни с кем ею не делясь? Ты, парень, мне по душе!

— Сядь, Питер, — попросил Кевин, — освободись от бремени забот. Я бы тоже отдохнул, ведь я с трех утра на ногах, занимаюсь поисками отца моей работодательницы. Два часа назад я стоял по пояс в снегу, ни хрена не видел, и знаешь, о чем я тогда подумал? Я подумал: если Питер дал нам ложную информацию, я его распну на хрен!

— Но я не дал вам никакой ложной информации! — воскликнул Питер. — Клянусь!

— Подержи-ка его за руки, Хес, — приказал Кевин.

Хесус заломил обе руки Питера за спину, перегнул через спинку скамейки и крепко сжал. Кевин открутил крышки с двух бутылок и начал лить виски из обеих Питеру на голову. Струи виски промочили его волосы, побежали по лицу, залились за воротник рубашки и на лацканы пиджака. Опустошив обе бутылки, Кевин отставил их в сторону и достал две полных.

— Как ты называешь это, сынок? — спросил Питер тоном полковника армии США, подняв лицо вверх и раскрыв рот, чтобы туда попало хоть немного из второй порции. — Пытка виски? Ее следует легализовать в рамках Женевской конвенции! — Не получив никакого ответа, Питер быстро сменил маску и заговорил голосом недовольного посетителя бара: — Уж не знаю, долго ли вы обучались на бармена, молодой человек, но позвольте напомнить вам ключевой принцип: вам потребуется стакан или любой иной сосуд для жидкости, шейкер, кокосовая скорлупа или, в вашем случае, два банановых листа, сшитых вместе хирургической нитью, которая используется для наложения шва на рану после того, как вы высосете из плеча пулю…

Кевин продолжал равнодушно выливать виски, бутылку за бутылкой, на Питера, в то время как

Эбби, Меган и доктор Боб наблюдали за происходящим, расположившись вокруг павильончика.

Питер опять преобразился, на сей раз став шепелявым испанским стилистом:

— Ребяты! Долвен вам скавать, эфот коктейль не втыкает. Да и довоговато, и от него такой сумбув в голове.

— Заткнись, — приказал Кевин. — И ни слова не говори, если только тебе есть что сказать, где нам искать мистера Данбара!

— Но я же все уже сказал, — ответил Питер и приготовился зарыдать.

— Ты знаешь, что это такое? — спросила Эбби, подняв серебряный пистолетик. Она направила ствол себе в висок и нажала на спусковой крючок — из ствола вырвалось тонкое газовое пламя. — Это газовая зажигалка «Харрикейн», разработанная как раз для таких погодных условий!

— Не забудем про штаны! — возвестил Кевин, обильно полив Питеру промежность, бедра и колени.

— Нет! — взмолился тот. — Прошу, нет, нет, нет!

Эбби присела на скамейку рядом с ним, нервно щелкая зажигалкой — и пистолетик то выпускал

огненный язык, то заглатывал его внутрь.

— Итак, вчера ты пришел сюда с моим отцом, — произнесла она угрожающе.

— Как я и сказал, — закивал Питер, у которого вдруг возникли трудности с дыханием. — Мы расстались вон там… у большого дерева… Мы пожали друг другу руки… Я предупредил его, что перевал будет засыпан снегом. Почему вы мне не верите?

Но Эбби была так заворожена видом шипящего огненного пламени, что, казалось, не слышала Питера. Она приблизила зажигалку к его лицу.

— Клянусь, я говорю правду! — захныкал Питер.

— Я много раз видел, как люди ведут себя на допросах, — начал Кевин, — и он говорит правду!

Эбби закрыла зажигалку и провела горячим стволом по мокрым от виски волосам Питера.

— Ой! — завизжал тот. — Ты меня, твою мать, обожгла! Твой отец прав: ты — чудовище, жуткое чудовище!

— Да неужели? — усмехнулась Эбби. — Он так и сказал? — Она молча опустила пистолетик до середины живота Питера и, щелкнув спусковым крючком, подожгла край его рубашки.

— Разве это так необходимо? — промямлил

доктор Боб. — Он сейчас говорит правду и вчера вечером говорил правду, потому что был психологически подготовлен к правдивым показаниям.

Питер тонко завизжал, когда трепещущее голубое пламя медленно расползлось по его рубашке и брюкам.

— Его надо научить хорошим манерам, — заявила Эбби. — Никто никогда не называл меня чудовищем!

— Это была цитата! — проговорил доктор Боб. — Давайте найдем того, кого он цитировал! Времени у нас в обрез, самое позднее, до среды, а потом нам надо вернуться в Нью-Йорк. Отпустите его руки, а то нам придется отправиться с ним в больницу, черт возьми!

Эбби кивнула в знак согласия, и Хес отпустил Питера, который начал лихорадочно сбивать ладонями пламя с груди и с бедер. Он выбежал из павильончика под дождь и под свистящий ветер, и очень скоро пламя потухло. Но что-то в его мозгу переклинило, и он, вопя и визжа, бросился к озеру.

— Король сцены! — оценила Эбби.

— Это же не бензин, — заметил Хес. — То, что тут произошло, могло бы случиться в модном французском ресторане.

— Да, побочный ущерб от фламбированных блинчиков с ликером, — пошутил доктор Боб.

— Именно, сэр! — подтвердил Хес.

— Смотрите-ка! Да он и впрямь дымится! — сказала Меган. — Надо его сфотографировать!

— Я бы не стал этого делать, мадам, — почтительно возразил Хес.

— Ты прав, — согласилась Меган, сжав его мускулистое, в татуировках, предплечье. — Я увлеклась.

И они стали наблюдать, как Питер бродит в озере по щиколотку в воде, посылая небу бессвязные проклятия. Пробежав несколько ярдов, он поскользнулся на камне, потерял равновесие и рухнул в воду.

Этого зрелища Эбби и Меган уже не смогли выдержать, они покатились со смеху, обхватив другу друга руками, чтобы не упасть.

— Наконец мне стало ясно, почему многие считают его забавным, — объявила Меган, удостаивая Питера аплодисментами, пока тот барахтался в ледяной воде.

— Мне не хочется нарушать ваше веселье, — вмешался доктор Боб, оторвавшись от экрана телефона, — но мне только что прислал эсэмэску Джим Сейдж. Он говорит, что Флоренс летит

в Манчестер и что она интересовалась у него, где вы.

— Не бери в голову, — отрезала Эбби, вмиг обретя присущую ей деловитость. — Если он не знает, то он ничего ей и не скажет, но только не надо его просить ничего ей не говорить. Ладно, вернемся в Наттинг и начнем расспрашивать местных. Вы же наверняка не стали посреди ночи стучаться в те четыре дома.

— Нет, — сказал Кевин. — Мы не хотели привлекать внимания.

— Я пойду пешком, мэм, — отозвался Хес. — Если ваш отец решит вернуться сюда, я смогу его перехватить на дороге.

— Хорошая идея, — похвалила Эбби.

— Да ты у нас герой! — улыбнулась Меган, вновь положив руку на татуировки Хеса. Ее заворожила энергия, волнами исходящая от тела бывшего спецназовца: этот парень знал все, что надо, об убийстве и о сексе, и больше ни о чем другом. Мечта, а не мужчина!

— Просто делаю свою работу, мэм! — отрапортовал Хес, забрасывая рюкзак за спину. — Увидимся в Наттинге!

— Смотри, дорогая! — обратилась Меган к Эбби. — Он побежал!

— Как он выразился, он просто делает свою работу.

Меган неотрывно смотрела вслед Хесу, пока тот не скрылся за деревьями.

— Ну поехали, поехали! — заторопилась Эбби, барабаня пальцами по рулевому колесу.

Меган забралась на заднее сиденье рядом с доктором Бобом. Она обернулась и заметила Питера. Надо же, совсем про него забыла: сейчас он был совершенно неуместен. Он выбрался на берег и принял, как сказал бы инструктор по йоге, позу младенца: встал на колени, выгнув спину и опустив лоб на сложенные на груди руки.

— Крещенный огнем и крещенный водой, — произнес доктор Боб. — Если он не родился заново, то я уж и не знаю, кто он теперь.

— И не надо знать, — заметила Меган. — А то начну ревновать!

9

Данбар незаметно, насколько это было возможно, перебрался по ступенькам через стену и, примостившись на корточках за каменной кладкой, взглянул на не оправдавшую его ожиданий деревушку Наттинг и на сарай, где он провел часть ночи. Он не был уверен, что его там никто не видел, но до тех пор, пока он не выбрался из этой похожей на чашу долины, он был на виду, точно жучок, ползущий по оконному стеклу. Он планировал дождаться утра и попросить одного из местных жителей вызвать ему такси до Лондона. Его пугала перспектива этого общения: он опасался, что из-за помутнения в мозгах будет изъясняться слишком бессвязно, чтобы его правильно поняли. Если он выглядит таким безумным, каким он сам себе казался, то он окажется скорее в карете «Скорой помощи» или в полицейской машине, чем в такси. Его мысли спутались в такой чудовищный клубок, что у него создалось впечатление, будто он тянется к клавишам рояля, ускользающему от него по паркету кают-компании тонущего лайнера, а он

пытается вспомнить пассажи пьесы, которую он некогда исполнял наизусть.

Отчасти Данбар радовался, что ему не придется пережить муку общения с незнакомцем. Он стремился побыть наедине со своим безумием, даже при том, что одиночество лишь усугубляло это безумие. Возможно, когда-то наступит такой момент, когда сумбур в мозгах станет новым порядком или по крайней мере даст новую перспективу, какую получает пилот, когда направляет свой самолет сквозь вязкие тучи ввысь и внезапно вырывается из слепящего мрака на безмятежный свет верхних слоев атмосферы, и смотрит вниз, на море облаков под крылом, и может сразу окинуть взглядом плотную пелену, что недавно застила ему глаза. Да, именно вот чего он хотел, вот чего он отчаянно жаждал теперь.

Он был вынужден в спешке покинуть Наттинг из-за двоих мужчин, накануне вечером зашедших внутрь сарая. Он слышал, как они шепотом произносили его имя, и понял, что они охотились за ним. К счастью, он обнаружил пустоту между двух снопов сена, где и схоронился от любопытных лучей их фонариков. В одной половине сарая расположился загон с коровами, чье дыхание согревало воздух, в другой половине высились

штабелями снопы сена. У стены напротив входа стоял трактор, пахнущий соляркой, землей и влажным металлом. Данбар проник сюда за несколько часов до появления двух головорезов и несколько раз быстро осветил помещение фонариком, понимая, что его свет скорее привлечет к нему ненужное внимание, чем поможет здесь осмотреться. Вскоре обследование местности в коротких вспышках фонарика выявило груду пустых мешков в углу рядом с трактором и удобный прогал между снопами, где он и устроился для ночлега. Он сбросил пальто, потяжелевшее от дождя, накрылся сухим мешком, а сверху расстелил пальто, точно одеяло, так, чтобы его тяжесть и тепло меховой подкладки ускорило приход сна, а наружная сторона успела бы за ночь высохнуть. В подобных обстоятельствах это можно было расценить как триумф домашнего уюта, но он был слишком голоден и слишком перенервничал, чтобы сразу заснуть, а когда дверь сарая распахнулась, ненадолго впустив внутрь шум бури, он пробудился с бьющимся сердцем. Поначалу он не разобрал их слов, но когда дверь снова закрылась и они зашагали в глубь сарая, прямо под его укрытием, он смог расслышать каждое слово.

— Данбар не стал бы стучаться в чужую дверь

среди ночи, — произнес первый, чей голос показался ему очень знакомым. — Ему нравится рулить, он терпеть не может быть кому-то обязанным. Но даже если его приютили в одном из этих домов, было бы правильно вернуться сюда утром и порасспрашивать людей о старом маразматике, любителе пеших прогулок, который заплутал тут в грозу.

— У моих стариков тоже есть сарай на ферме в Техасе, но совсем не такой, — заметил второй.

— Охренеть как интересно, Хес! — подал голос первый. — Давай присядем, и ты мне расскажешь про сарай твоих родителей. Мы же именно за этим сюда приперлись, да? — И он презрительно хохотнул. — Проверь-ка кабину трактора. Может, он туда залез поспать.

Они походили под ним, заглянули в трактор, под брезент, накрывавший прицеп и плуг.

Ну конечно! Он наконец догадался. Англичанин был охранник Эбигейл… как там его… Кевин! Точно, Кевин! Противный брит, бывший спецназовец. Все телохранители когда-то служили в спецназе и теперь намеревались применить свои спецнавыки, чтобы лишить его разума, разбить вдребезги, точно глиняного голубя выстрелом влет. Это они умеют: оставлять людей в живых

достаточно долго, чтобы те переживали свое психологическое уничтожение. Ну что ж, он не дастся им живым. Может быть, ему удастся сбросить со штабеля верхний сноп сена и сломать Кевину шею? Данбар вступит в схватку и будет биться до последнего вздоха.

— Наш дряхлый толстосум не смог бы взобраться на эту соломенную стену, — уверенно произнес Кевин. — Но полезай туда и убедись, что там никого. А я проверю говядину.

— Это не солома, а сено, и коровы не мясные, а дойные, — поправил его Хес, воспользовавшись преимуществом сельского происхождения.

— Да ты что! — недовольно пробурчал Кевин. — У нас тут что, Королевский, твою мать, сельскохозяйственный колледж? Ты что же, решил, что я разбираюсь в элитных коровах только потому, что работаю на одну такую, и не упущу возможности поучиться у настоя-я-ящего, мать твою, ковбоя!

У Данбара от волнения свело все мышцы, когда он услышал скрип сена под тяжестью карабкающегося наверх Хеса. Его лежбище находилось на полпути к вершине штабеля — снизу оно хоть и оставалось незаметным, но найти его было нетрудно.

Кевин брезгливо приблизился к стаду коров, ловя лучом фонарика остекленевшие от страха глаза животных. Возможно, ощущая его враждебный настрой, коровы забеспокоились, и их беспокойство быстро передалось всему стаду: две коровы громко замычали, а остальные начали биться о металлические воротца загона. Через мгновение где-то залаяла собака, за ней другая.

Как только Хес запрыгнул на верхний сноп, снизу раздался шепот Кевина:

— Слезай! Мы перебудили всю эту дурацкую ферму!

Хес, легко перемахивая со снопа на сноп, спрыгнул на пол.

— Наверху никого, — доложил он.

— Надо убраться отсюда побыстрее, пока Старый Макдональд не прибежал сюда с дробовиком[21].

Оба выскользнули из сарая, оставив Данбара с чувством блаженного облегчения. Он не мог припомнить, когда был так счастлив. Коровы защитили его, и собаки защитили его — как сделали это раньше, после того как он миновал перевал и бродил в поисках жилья по не запоро-

---

[21] Примечания: 21

Кевин цитирует английскую детскую песенку «У Старого Макдональда была ферма».

шенному снегом склону, страдая от мокрого снега и града и уже почти потеряв надежду, как вдруг услыхал отдаленный собачий лай и ответный лай другой собаки (прямо как сейчас), а потом человеческий голос: собакам было предложено или зайти в дом, или перестать брехать. Слов Данбар не расслышал, но, судя по интонациям, хозяин не злился на псов, а уговаривал их. Все эти звуки дали ему ориентир движения во тьме по безликой, без каких-либо видимых примет, равнине, в ту сторону он и зашагал, пока наконец не различил огонек, который оказался фонарем, освещавшим двор перед сараем. И вот теперь, в очередной момент опасности, звери опять сыграли важную роль, заставив его осознать, с приливом радости, что сама природа оказывает ему поддержку, вступив с ним в заговор и разделив с ним возмущение противоестественной жестокостью его старших дочерей. Он ощущал неразрывную связь с природой еще с тех пор, когда в юности проводил лето в загородном особняке в Онтарио, считая его своим родным домом; особняк стоял на берегу лесного озера, и сейчас остававшимся в его собственности, где он ходил на каноэ и под парусом, пил прохладную озерную воду во время купания, а еще строил домик на дереве, отправ-

лялся в походы, ставил на ночь палатку и всегда чувствовал естественное родство с растениями, деревьями и животными того края. Возраст и деньги отдалили его от этого родства, но теперь, когда на его долю выпали суровые испытания, в нем вновь пробудились глубоко засевшие инстинкты, его прежнее, непозабытое «я». Напрасно Кевин считает его «дряхлым толстосумом», не способным вскарабкаться на штабель снопов, где он так удачно спрятался от преследователей, рыскающих по сараю. В нем всегда бурлила необузданная физическая энергия. Ему требовалось не больше трех часов сна, чтобы потом весь следующий день сохранять заряд активности. Этот тупой качок даже не представляет, с кем имеет дело: он слишком упивается собственной физической формой и воинственностью, чтобы понимать цену внутренней силы.

Но через несколько минут ликование Данбара, достигнув пика, развеялось и исчезло. Он стал испуганно думать, на самом ли деле Кевин и его кровожадный подручный ушли, или затаились где-то неподалеку, направив свои бинокли на дверь сарая. И не заявится ли вооруженный Макдональд проверить, что так взбудоражило его сторожевых псов и коров. Надо бы все это

разузнать, пока не поздно.

Освещен был только двор перед сараем. Если высокая сдвижная дверь позади трактора не заперта и ему хватит сил ее раскрыть, тогда он сможет ускользнуть незамеченным. Он начал спускаться со штабеля сена и, покуда ощупью искал твердую опору для ног, изрезал все пальцы о тугую проволоку, стягивающую снопы. Добравшись до задней двери, он собрался с силами, чтобы попытаться сдвинуть в сторону засов, но стоило ему нажать на железную ручку, как дверь легко заскользила по поперечинам, и он по инерции чуть не выпал наружу. Данбар выбежал из сарая и задвинул за собой дверь. Хотя непогода бушевала вовсю, вокруг была не кромешная тьма, и он, подняв воротник пальто и надвинув поглубже шапку, сразу направился в противоположную сторону от перевала и последнего своего известного местопребывания в «Кингз-Хеде» или, если у Питера развязался язык, на автостоянке.

Теперь, когда после долгого пути вверх по склону он примостился за каменной оградой и от вершины горы его отделяли лишь три поля, он оглянулся назад, на деревушку и на одинокий сарай. Уже достаточно рассвело, чтобы он смог хорошо различить дорогу — но столь же хоро-

шо и он был виден своим врагам. На обочине дороги, в двухстах ярдах перед последним поворотом на Наттинг, стоял черный «лендровер». Машина была развернута в другую сторону, и никто из пассажиров внутри не смог бы увидеть его — ну, разве что через заднее стекло, но этот «лендровер» тревожил Данбара куда больше, чем разбросанные по долине дома и припаркованные рядом с ними машины. Спрятавшись за каменной кладкой, он увидел, как дверцы внедорожника раскрылись и из него вышли двое мужчин, взяли из салона рюкзаки, забросили их себе за спину. Они направились по-военному пружинистым шагом в сторону тропы на Миаруотер. Данбар не смог разглядеть их лиц, но не сомневался, что это Кевин и Хес отправились на охоту.

Не вставая с корточек, он привалился спиной к камням, в шоке от того, что находился на волоске от поимки. Теперь придется ждать, пока они не уйдут за перевал, а иначе они могут в любой момент обернуться и заметить его на другом краю долины. Его сердце чуть из груди не выпрыгивало от страха осознания, что, стартуй они минутой раньше и обведи взглядом долину, они бы наверняка заметили, как он неуклюже перелезает через каменную стенку. В то время

как предыдущий случай чудесного спасения породил в нем чувство благодарности к судьбе и веру в благосклонность к нему природы, этот второй подарок госпожи удачи возымел совсем иное действие, обострив до предела объявший его ужас: он чувствовал себя как человек, тонущий в волнах коварного прибоя и беспомощно тянущий руки к полоске тихоокеанского пляжа, который ему не стоило бы покидать, по мере того как с каждой новой волной его затягивает все дальше в пучину вод. Вдобавок к полной потере ориентации в пространстве, его, как человека, забывшего, как завязывать шнурки или как называются знакомые предметы вокруг, начали охватывать приступы глубокого смятения. Он вдруг ощутил полную растерянность, точно только что стал свидетелем невероятного события, опровергающего все законы природы, словно подброшенный в воздух камень вместо того, чтобы упасть вниз, продолжал с нарастающим ускорением улетать все выше в небо.

Твердая мокрая земля была от него всего в нескольких шагах, она была его другом. Он мечтал упасть на землю, чтобы не падать бесконечно в небо — с закрытыми глазами и мысленно оглядываясь назад, к потерянному им дому. Данбар

прилег под каменной стенкой, распластавшись так, чтобы каждой частичкой своего тела плотнее прижаться к земле. Ему захотелось так и остаться тут, не двигаясь. Нащупывая какую-нибудь опору, его правая рука обхватила торчащий из каменной ограды выступ, и он оцарапал пальцы о его шершавую поверхность, а другой рукой ухватился за пучок жухлой травы. Ему вдруг вспомнился эпизод из далекого детства: он лихорадочно вцепился в ножки стола, чтобы не дать маме вывести его из комнаты и наказать за какой-то проступок. Однажды его отшлепали за то, что он разжег камин, хотя ему «недвусмысленно» запретили к нему подходить. Его заворожило это слово задолго до того, как ему стало понятно его значение. Он счел, что в нем заключено ужасающее моральное осуждение и что оно отсылает к чему-то, что нельзя даже описать словом «зло». Когда же он узнал смысл этого слова, его изумила нейтральность точного определения. И почему мать надеялась, что такое заурядное и нестрашное слово может ассоциироваться у него, ребенка, с ужасом и физическим насилием.

— Недвусмысленно, — пробормотал Данбар.

Он продолжал лежать на мокрой земле, ухватившись за траву и камень, с поджатыми пальца-

ми ног и сведенными от напряжения мышцами, которые он не осмеливался расслабить. Трудно сказать, сколько он так пролежал. Ощущение времени притупилось, как и остальные чувства, обретя над ним власть ночного кошмара: он не мог рассудить, как долго он оставался погружен в атмосферу показательных наказаний, учиняемых матерью, казалось, они выпадали из времени, потому что переживание этих наказаний, хотя они уже давно были завершены, принадлежали особому времени, когда он не мог вообразить себе наступление его финала. С другой стороны, такие понятия, как бесконечность и пространство, мелькали в его мозгу за долю секунды, оставляя в душе осадок пугающего обещания вечного наказания.

Когда же он наконец пошевелился, то медленно встал на ноющие колени, а затем поднялся на занемевшие ноги. Он старался не поднимать голову над каменной кладкой на тот случай, если его преследователи вели наблюдение за долиной с помощью мощных биноклей. Помедлив, он не мгновение высунулся из-за стены, чтобы посмотреть, далеко ли они ушли. Их не было видно. Он провел линию от «лендровера» к перевалу, но заметил только черных овец, перепачканных

грязью и исхлестанных кнутами дождя. Наверное, его преследователи уже скрылись в облаках, затянувших верхние склоны горы. Но это вряд ли. Сколько же он пролежал, прячась за стеной? А может быть, они уже возвращаются? И не стоит ли ему вернуться в Наттинг и просто сдаться, попросить вызвать для него полицейский наряд, а не такси, поскольку местные в любом случае позвонят в полицию. Может, стоит попросить вернуть его в Медоумид и снова посадить на таблетки? Нет, он не будет возвращаться в долину. Он себя не унизит, он не позволит своим дочерям командовать им, а своим тюремщикам оскорблять его. Скорее он даст голоду себя уморить и морозу заледенить кровь в своих жилах, но не склонит головы! И он заставил себя снова шагать вперед. Коль скоро его преследователи скрылись из виду, он должен воспользоваться моментом и уйти от них как можно дальше. Точно свора ищеек, сбитых со следа, они сейчас, пыхтя, переходят через перевал в Миаруотер, но они двигаются быстро, поэтому когда они никого не найдут по ту сторону горы, они обязательно вернутся, лая и рвясь с поводка и перемахивая через ограды, загоняя его все дальше и дальше в горы, как оленя, который вконец выбился из сил и едва не падает

на ослабевших ногах, но все равно отступает по речушкам в надежде тем самым пустить их по ложному следу — впрочем, рано или поздно он будет загнан гончими в ловушку в густом кустарнике или в пруду, где он упадет от изнеможения. Однажды ему довелось видеть такую сцену в долине Луары. Тогда охотники скормили собакам потроха — это была награда за то, что псы не растерзали загнанного оленя, а уважили егермейстера, позволив ему поразить дикого зверя в сердце и испытать от этого радость.

10

Как выяснилось, никто из них не бывал раньше в Манчестере, кроме Уилсона, который объяснил Флоренс, что приезжал сюда с ее отцом купить местную телевизионную станцию.

— И что вы с ней сделали? — удивленно спросила Флоренс.

— Мы ее закрыли, — ответил Уилсон.

— Неужели вам удалось их соблазнить таким заманчивым бизнес-планом?

— Не совсем, — улыбнулся Уилсон. Они обсуждали недобрые предчувствия Флоренс относительно медиаимперии отца с самой поры ее бурной юности, когда она превратилась в пылкую защитницу прав трудящихся, окружающей среды и высоких моральных принципов честной журналистики.

Флоренс улыбнулась в ответ. Уилсон давно уже стал членом семьи, или, точнее сказать, он как раз и не стал членом семьи, но, что делало ему честь, был близким, которого она знала всю свою жизнь и любила за преданность и доброе чувство юмора.

— Я чувствую себя виноватой за то, что арендовала этот частный самолет, — призналась она. — Я только что доказывала своим детям, что это аморальная практика — из-за углеродистых выбросов в атмосферу.

— Ну, — продолжал Уилсон отвечать на ее вопрос, — иногда приходится покупать телестанцию, чтобы уничтожить конкурента, а иногда приходится арендовать частный самолет, чтобы не отстать от своих конкурентов — в данном случае, от твоих сестер.

— И к тому же в последнюю минуту у нас появился новый пассажир, — заметила Флоренс, удивленно округлив глаза, но не желая вдаваться в подробности.

— Именно, — согласился Уилсон, тоже тактично умолчав о деталях. — Ну что ж, я думаю, нам следует воспользоваться этими углеродистыми кроватями, которые ты для нас арендовала, чтобы мы прибыли в Манчестер в нормальной физической форме. Лететь нам недолго.

— В прошлом году я высадила семьдесят тысяч деревьев, — сообщила Флоренс.

— И теперь пора распылить на них удобрения с воздуха, — сказал Уилсон, положив руку ей на плечо. — Доброй ночи, Фло. До встречи в «Север-

ном энергокластере»[22].

— Доброй ночи! — И Флоренс в знак прощания устало дотронулась ладонью до его руки.

Она уединилась в звуконепроницаемой тесноте своей спальни, скинула туфли, стянула платье, сменила бюстгальтер на футболку, на автомате почистила зубы в санузле и упала на кровать. Она потянулась под одеялом, надела беруши, потом наглазники, снова сняла их и выключила свет.

Неожиданно появившимся перед вылетом пассажиром, кого ей не хотелось обсуждать с Уилсоном, чтобы тот не смог услышать их беседу, был Марк. Он ей перезвонил, когда Уилсон с Крисом все еще летели из Ванкувера, и сообщил, что хочет помочь найти своего тестя. Флоренс не знала, как ей отнестись к столь внезапной перемене: ведь еще несколько часов назад он предпочел собственную безопасность всем прочим соображениям, — но интуитивно она поняла, что это проявление своего рода неустойчивой искренности. Его ненависть к Эбигейл, хотя и лютая, правдоподобно дала слабину под бреме-

[22] Примечания: 22

Речь идет о нереализованной программе модернизации английской экономики путем перемещения энергоемких производств из Лондона и южной Англии в Манчестер, Ливерпуль и другие города северной Англии.

нем неуверенности и чувства вины. Если Уилсон будет решительно возражать против его участия в поисках, она могла бы хоть сейчас отменить приглашение Марка, но пока она считала, что все они могут собраться в аэропорту Ла Гардия.

— «Позволь друзьям быть далеко, но врагов держи поблизости» — так загадочно отреагировал Уилсон, когда она рассказала ему про Марка.

— Это откуда — из «Крестного отца» или «Искусства войны»[23]?

— Не знаю, — ответил Уилсон. — Я сам только что придумал.

— Уилсон! Мне нужен серьезный совет!

— Послушай, у нас нет никакого плана, так что Марк вряд ли сможет предать нас, раскрыв сестрам наш план; с другой стороны, он может сообщить нам что-то полезное. Словом, я думаю, он может полететь с нами.

Как только они узнали, что Данбара держат где-то взаперти в северо-западной части Англии, команда волонтеров Уилсона остановила свой выбор на трех частных клиниках, но во всех трех им отказались подтвердить, что у них содержится такой пациент, и не было никакой

---

[23] Примечания: 23
Имеется в виду трактат китайского философа Сунь-Цзы.

возможности выяснить причину отказа — то ли дело в политике секретности, то ли в неведении, то ли просто в отсутствии там Данбара. В любом случае найти его теперь не представлялось возможным. Когда Уилсон прибыл в Ла Гардия, одна из его команды волонтеров уверенно предложила сократить число исследуемых лечебниц до двух, если только ночной сторож, с которым она беседовала, «не является претендентом на Оскар за лучшую мужскую роль» — настолько ее поразил его ответ, и она изобразила для Уилсона унылую пародию североанглийского диалекта, на фоне которой густой свистящий говорок Дика ван Дайка сошел бы за самый что ни на есть натуральный кокни[24].

— Как-как? Генери Данб'р? Знам'нитый Генери Данб'р? У нас т'ково нету, мил'чка, а если б был, я б зн'л. У нас т'кой с'крет недолг' бы прод'ржался.

Эта запротоколированная откровенность убедила Флоренс и Уилсона, и они решили (ничего не сообщив Марку) разбиться утром на две команды, чтобы порознь проверить оставшиеся две клиники.

---

[24] Примечания: 24

Дик ван Дайк (род. в 1925) — американский киноактер комик. Кокни — характерный тип просторечия, на котором говорят представители низших социальных слоев населения Лондона.

— Я поеду с Крисом, — вызвалась Флоренс, — а ты лучше меня сможешь выяснить истинные намерения Марка. К тому же, — добавила она с внезапной откровенностью, которую Уилсон так в ней любил, — мне просто хочется поехать с Крисом.

— Ну разумеется, — сказал Уилсон, с невинным видом согласившись с ее практичным предложением, а сам вспомнил, как они с Данбаром когда-то обсуждали вопрос, поженятся ли их дети. — С удовольствием воспользуюсь возможностью узнать, почему твои сестры так обрадовались, когда я ушел из совета директоров. Марк может даже и не догадываться, что ему известно, и в разговоре могут всплыть кое-какие детали, которые хотя бы намекнут мне, чего они добиваются.

Если Флоренс не могла сейчас заснуть — а ее мучила бессонница, — то отчасти причиной тому была перспектива остаться с Крисом наедине, во время поездки по, как говорят, очаровательному Озерному краю в поисках клиники под названием Медоумид. Ни она, ни он до сих пор никогда не бывали в Озерном крае, и, несмотря на безотлагательность и опасность предстоящего путешествия, Флоренс не могла не вспомнить

множество их совместных экскурсий, совершенных в прежние годы, особенно когда они встречались — а было им тогда по двадцать с хвостиком. Ее даже коробило, что самые яркие воспоминания и фантазии о сексуальной страсти относились к временам ее романа с Крисом. В самом начале это была просто животная одержимость, когда одевание казалось ей нудной прелюдией перед раздеванием, когда им не терпелось посреди шумной вечеринки сбежать и уединиться на заднем сиденье его машины, а потом вернуться вспотевшими, взъерошенными к скучной компании и их дурацкой слащавой музыке. Когда ей было двадцать три, они отправились в тур по Европе, и она вспомнила, как ей тогда казалось, что она ощущает исчерпывающую полноту радости жизни, видя через окно их спальни краснокирпичную башню Сан-Джорджо[25], которая размеренно то появлялась, то пропадала в такт движению тонких белых занавесок, то надувавшихся под легким бризом с лагуны, то бессильно повисавших на рамах французских окон. Она до сих пор грезила о той поре, когда они отправились в пеший поход по Нью-

[25] Примечания: 25

Собор Сан-Джорджо-Маджоре расположен на одноименном острове в Венецианской лагуне.

Мексико и нашли пещеру цвета бледной охры, где пол был настолько мягким, а песок настолько теплым и плотным, что на нем любая позиция была удобной для тел, и бог знает, каких только поз они там не перепробовали, и на коленях, и по-змеиному извиваясь, и катаясь по грунту. Боже, боже, как же давно это было, а такое впечатление, что совсем недавно, по крайней мере так казалось сейчас, на борту этого маленького авиалайнера, с тонкой перегородкой между их спальнями.

Об измене Бену не могло быть и речи, по крайней мере, так она считала до сих пор. Было ли прелюбодеяние с мужчиной, чьи права на нее возникли значительно раньше, чем у ее мужа, худшим грехом, чем обычная измена, или же это просто восстановление естественного порядка вещей, нарушенного ее замужеством? Как ей в голову мог прийти такой вопрос? Она любила Бенджамина как мужа, как мужчину, от которого она родила детей. Она сознательно избегала беременностей, встречаясь с другими — со всеми, кроме Криса. Они жили словно в промежуточной зоне: оба были молоды и непостоянны в своих устремлениях, чтобы у них возникло ясное намерение, слишком безрассудны и страстны, чтобы

предвидеть неожиданность. В каком-то смысле неожиданным было то, что она так и не забеременела от Криса. И к тому моменту, когда она могла четко высказать свое сожаление по этому поводу, они окончательно расстались, мирно, без истеричного хлопанья дверями, что, кстати, у них происходило регулярно, пока они встречались.

В серьезности ее отношений с Крисом было что-то неуловимо инцестуальное. Ее отец с энтузиазмом вжился в роль крестного, и в детстве Крис всегда был рядом с ней, проводя с Данбарами добрую часть долгих летних каникул на их домашнем озере. Она помнила их первый детский поцелуй, когда они неловко стукнулись зубами и носами, но Крис мог легко сыграть роль братика или по меньшей мере казаться ей слишком знакомым, чтобы быть соблазнительным, если бы не решающая роль того периода, когда они почти не виделись после того, как Уилсон встал у руля европейской штаб-квартиры компании. Криса отправили в частную школу в Англию, и он стал проводить летние каникулы в Италии и Франции. Хотя Данбар продолжал видеться с крестным сыном во время своих частых поездок в Европу, первая половина отрочества Криса прошла в отсутствие Флоренс. Они встретились

после долгого перерыва, когда обоим было по семнадцать, и ее странным образом восторгало чувство робости в присутствии парня, о ком она привыкла думать, что знает его как облупленного; это было похоже на неожиданное открытие, что в доме, где ты жила всю жизнь, оказывается, есть еще один флигель, куда ты никогда не заглядывала, но куда теперь страстно желала попасть. И ни она, ни он не знали, что делать с этим слиянием разных потоков. А много позже они увидели легендарную «Встречу вод» в Манаусе, где ленивая желтая Амазонка и стремительная студеная Рио-Негро на протяжении нескольких миль бегут параллельными руслами, и она сравнила эту картину с событиями того памятного лета, когда ее привычная нежная симпатия к Крису вдруг соединилась с новым дерзким влечением, и она долго не могла найти способа их примирить. Но только на следующее Рождество они начали целоваться — часами напролет, и следующим летом впервые занялись любовью. Флоренс была потрясена, поймав себя на мысли, что на фоне той первобытной связи ее брак кажется актом прелюбодеяния!

Теперь надо поспать. И как человек, почти никогда не принимавший снотворного, она быстро

впала в сладкое забытье, испытав благодатное действие таблетки, вынутой из коробочки пятилетней давности.

Стук в дверь не сразу донесся до дна колодца ее сна, но когда стюардесса нерешительно приоткрыла дверь спальни и сообщила, что самолет начал снижение, Флоренс поблагодарила ее и попросила принести двойной макиато и обычный чайничек зеленого чаю. Она медленно оделась, одним глотком выпила кофе, пристегнулась ремнем и скоро опять задремала в громадном кожаном кресле.

Погода в Манчестере была премерзейшая, но, прячась под зонтиком, который раскрыл над ней шофер, Флоренс испытывала не раздражение, а напротив, удовольствие — и от подернутых рябью луж, и от шальных дождинок, приятно холодивших лицо. Она быстрым шагом прошла по аэродромному перрону и уселась на высокое заднее сиденье «рейнджровера». Крис залез следом, а она, словно с момента завершения их близких отношений не прошло долгих пятнадцати лет, пробормотала: «Мне надо еще немного поспать», — и, съежившись, привалилась к нему и положила голову ему на колени. Крис с радостью принял этот непредвиденный груз и нежно

обвил рукой ее талию, желая спасти ее от внезапного удара о спинку переднего сиденья в случае, если машина резко затормозит.

В первые несколько минут после пробуждения Флоренс не могла понять, где она. Осознав, что ее голова лежит на коленях у Криса, она было встревожилась, но быстро смирилась с естественным блаженством своей позы.

— Прости, я, наверное, заснула, — произнесла она, поднимаясь.

— Ты вроде попросила разрешения, — заметил Крис.

— А, так значит, ты не подашь на меня в суд за нарушение границ твоего личного пространства, причинившего тебе нравственные страдания и повлекшие ущерб личной самооценки?

— Не в этот раз, — пообещал Крис, — но мы должны составить контракт и подписать его в присутствии свидетелей.

Флоренс сжала его руку и ничего не сказала, сочтя, что если продолжить любезничать с ним в таком же духе, это будет выглядеть не только провокационно, но и претенциозно.

— Где мы едем? — обратилась она к шоферу.

— Судя по навигатору, — чинно доложил шофер, — до пункта назначения осталось ровно

девять и шесть десятых мили.

— Это кажется совсем близко для человека, который тридцать шесть часов назад был в Вайоминге!

— Я бы сказал, что ты уже покрыла, грубо говоря, девяносто девять и восемь десятых процента маршрута, — проинформировал ее Крис.

— Но только если мы его там найдем.

* * *

Доктор Харрис заявил, что ему не до шуток.

— Уверен, ваши сестры рассказали, что произошло.

— Они мне ничего не рассказали, — покачала головой Флоренс. — Мы не общаемся.

— Жаль, должен признаться, что со мной они общались чересчур плотно, — заметил доктор Харрис. — Вчера я был удостоен чести лично выслушать от них оскорбления, а сегодня они передали дела некой весьма агрессивной адвокатской конторе из Лондона.

— Брэггс? — спросила Флоренс.

— Да!

— Возможно, я смогу избавить вас от них, — пообещала она.

— В любом случае, — произнес доктор Харрис,

не желая сменить гнев на милость, — в эту игру должны играть двое. Моя неспособность управлять тюрьмой строжайшего режима, чего мне никогда и не предлагали, выглядит как мелкий проступок по сравнению с похищением одного из моих пациентов и, как он уверяет, с его допросом под пыткой с целью выведать у него информацию о Данбаре. Когда час назад мы нашли его в Пламдейле, он пребывал в состоянии унижения и ужаса. Нам пришлось дать ему антидепрессанты и поместить в палату для потенциальных самоубийц. Хотелось бы мне все это засвидетельствовать в суде!

— Его пытали? — не поверила Флоренс. — А можно мне с ним поговорить?

— Зачем? Чтобы разбередить его еще больше? По-моему, он уже довольно наговорился с членами вашей семьи — этого опыта ему хватит до конца жизни.

— Я не имею отношения к моей семье, — строго заметила Флоренс.

— Что ж, я буду обдумывать глубину этого заявления до конца сегодняшнего дня, уж поверьте! — отрезал доктор Харрис. — Тем не менее, если вам когда-нибудь понадобятся услуги частной психиатрической лечебницы, прошу к нам

не обращаться!

— Доктор Харрис, полегче! — вмешался Крис.

— Хочу заявить со всей определенностью, — повысил голос доктор Харрис, привстав с кресла и перегнувшись через стол к своим визитерам, — что я не потерплю угроз и запугиваний со стороны ваших ли сестер или их представителей! Я глубоко сожалею, что ваш отец пропал, но еще больше я сожалею о том, что вообще принял его сюда. Знаменитости, как правило, доставляют куда больше забот и хлопот, чем того заслуживают, но что касается вашего отца, который еще и невероятно могущественный и влиятельный человек, его пребывание здесь обернулось полной катастрофой!

— А что вы предприняли, чтобы найти его? — спросил Крис.

— Все, что было в наших силах, — заявил доктор Харрис, выпрямившись во весь рост и скрестив руки на груди. — Мы уже собирались прибегнуть к помощи полиции и горноспасательной бригады, но тут прибыли его дочери, его две другие дочери, — уточнил он, — и решили взять все в свои руки. Так что теперь я не отвечаю за последствия.

— Мы не собираемся никого наказывать. Нас

интересует только одно — найти Генри Данбара и поместить его в безопасное место, — сообщил Крис. — Он предпочел одиночество в горах во время ночной бури, потому что Эбигейл и Меган для него представляют бóльшую угрозу, чем молния, мороз и переохлаждение. Я знаю его всю свою жизнь и уверен, что он скорее согласится заплутать в горах, чем растеряет свое упрямство и инстинкт власти. Ведь это именно те качества, которые сделали его великим!

— К несчастью, люди нередко полностью теряют свое «я». — Доктор Харрис заговорил куда спокойнее, отреагировав на примирительный тон Криса. — Мы это видим здесь каждый день. Данбар, хотя он часто тешил себя иллюзиями и страдал от перепадов своего холерического темперамента, безусловно, не достиг крайней степени распада личности. Вот что нам известно о его исчезновении: в последний раз его видели вчера днем около автостоянки на берегу озера Миаруотер, и он направлялся в сторону деревушки Наттинг.

Доктор Харрис подошел к висящей на стене военно-геодезической карте и, обернувшись на Флоренс, прочертил пальцем маршрут, по которому предположительно двигался Данбар. Крис

остался сидеть, посылая кому-то эсэмэски.

— Подобная пешая прогулка в это время года — тяжелое испытание для любого, не говоря уж о восьмидесятилетнем старике. Но по крайней мере, буря уже стихает.

— Это хорошо, — пробормотала Флоренс, — но в любом случае, как сказал Крис, мой отец — очень решительный человек, не говоря уж о том, что упрямее его вы вряд ли когда-либо встречали.

— Ладно, — Крис оторвался от телефона, — мы встречаемся с моим отцом в Наттинге через полчаса, он намерен связаться с полицией и горными спасателями и постарается остановить поток угрожающих имейлов от Брэггса.

— А я думала, он наводит справки в другой лечебнице, — разочарованно произнесла Флоренс, — в той, что в пригороде Манчестера.

— Да, но я еще раньше сообщил ему, что мы нашли нужное место, — ответил Крис. — Он уже едет сюда.

— Это не Темпл-Гроув? — ревниво поинтересовался доктор Харрис. — Жуткое заведение! Надеюсь, вы не собираетесь его туда отправить.

— Мы никуда не собираемся отправлять моего отца, — твердо сказала Флоренс. — Мы собираемся забрать его домой.

— И нам стоит поторопиться. — Крис обменялся рукопожатием с доктором Харрисом.

— Сообщите мне, пожалуйста, о самочувствии вашего пациента, — попросила Флоренс, — того, кто сейчас находится в палате для самоубийц. Я в ужасе от того, что вы мне рассказали, и я хочу ему помочь, чем смогу.

— Сообщу, — пообещал доктор Харрис. — Извините, что принял ваше появление за очередной недружественный рейд, — добавил он.

— Ну это было вполне естественное предположение после всего, что вы пережили, — грустно улыбнувшись, заметил Крис.

— А ты стал таким деловитым, — похвалила Флоренс, когда машина отъехала от Медоумида. — Помню время, когда ты был…

— Полным балбесом! — быстро нашел он точное определение.

— Ну да! — рассмеялась она.

— Полагаю, мы сошлись во мнении, что твой отец — упрямец? — весело воскликнул Крис.

— И давай надеяться, что он достаточно упрям! — подхватила Флоренс. Она отвернулась к окну, не желая, чтобы Крис увидел ее слезы, и еще не зная точно, какой коктейль эмоций заставил ее заплакать. Не глядя, она нащупала его руку и,

поднеся к губам, поцеловала.

— О, он достаточно упрям! — С этими словами Крис сжал ее пальцы и чуть наклонил голову, чтобы вернуть поцелуй.

11

Данбар постарался стряхнуть последние ошметки бессвязного, словно галлюцинация, повествования, засевшего у него в голове, но он оставался в одиночестве уже слишком долго и пребывал в мире навязчивых фантазий, чьи образы ему не хотелось ни переживать, ни воображать. Он увидел старого циркового тигра, сбежавшего из своей клетки в холодной стране и теперь задумчиво бродившего среди горожан, с воплями разбегающихся врассыпную. Он ощущал нездешнюю мощь его уверенной поступи, а потом, когда зверь оказался на опушке парка развлечений, придя туда в поисках пищи, увидел, как пуля вошла в череп животного и из раны брызнул фонтан крови и осколков костей.

Как он мог пробудиться от этого сна наяву, что завладел всеми его мыслями и его зрением? Рваный пласт коричнево-пурпурной тучи, размазанный по желтеющему небосводу, напомнил Данбару черепаховый гребень матери — в детстве он любил, закрыв один глаз и поднеся гребень к горящей лампе, долго-долго смотреть

сквозь него, пока причудливый узор из светлых и темных полосок не заполнял все поле зрения. Он тогда был еще совсем маленький — задолго до того, как он начал задавать матери трудные вопросы и переспрашивал, если она давала на них легкие ответы, и задолго до того, как они начали спорить и ссориться по любому поводу. А теперь он готов спорить и ссориться со всеми, потому что был не в себе.

Умытые дождем лесистые горы сияли, и с каждой ветки стекали капли, искрясь на полуденном свету. Как же бестактно он себя повел, заставив приволочь свое неуклюжее тело в этот чудесный, насквозь вымокший горный пейзаж и свалить его на землю, и вот теперь, лопнув и затвердев под дождем, точно мешок цемента, он валяется здесь, оскверняя девственный склон.

С другой стороны, он ощущал чувство легкости и голода и такую тончайшую связь с жизнью, что без усилий мог представить, как он выскальзывает из оболочки существования — бесшумно, как вот эта сверкающая дождевая капля, что падает с ветки на травинку и с травинки на землю.

Как он мог противопоставить себя дочерям, которые получили полный контроль над всей его организацией, а он не в состоянии контро-

лировать свою дезорганизованную психику. Организация — дезорганизация… Эти сводящие с ума слова, с помощью которых с ним обращались, как с куклой чревовещателя, не говоря уж об образах гуманно убитых тигров, мелькающих по темно-серому экрану его души, потому что какой-то ублюдок, какое-то небесное божество с наклонностями садиста, владеющее всеми каналами связи со всеми душами всех живых существ, играет с телепрограммами и с пультом дистанционного управления.

Какой смысл продолжать? Зачем тащить свое обессиленное тело в соседнюю долину? Зачем превозмогать боль, оставаясь в живых? Потому что, думал Данбар, я всю жизнь что-то превозмогал. Собравшись с силами еще раз, он кое-как поднялся на ноги, выпрямился и прижал кулаки к груди, словно приглашая пожирающее детей небесное божество показать худшее, на что оно способно, обрушить со своих спутников потоки информации, метнуть свой аудиовизуальный ад белого шума и пылающих тел прямо в хрупкий мозг Данбара в попытке раскроить его надвое, если хватит энергии, и удавить старика словесной петлей, если хватит смелости.

— Ну давай же! — прохрипел Данбар. — Давай,

ублюдок, рази!

А в последний момент вот что произошло: он позабыл, что произошло в последний момент. Он бессильно уронил руки и, как завороженный, уставился на меняющую цвет дождевую каплю, которая медленно набухла на кончике листа и тяжело упала на землю. Он взревновал к этой мимолетной переливчатости цветов и возжаждал вот так же просочиться сквозь землю или, если земля отвергнет его, испариться, исчезнуть в небе и стать незримой частичкой всего сущего, а не конкретного предмета, не имея ни функции, ни предназначения, ни местоположения, ни физического облика, ни души. Этот райский уголок ничем не удастся улучшить, кроме как извлечь себя из него. И он вообразил себя стертым, как похабный рисунок или ругательство на школьной доске, которое учитель стирает тряпкой, прежде чем начертать победную формулу для идеальной горной долины. Да, да. Он должен уйти. Хотя ноющие колени умоляли его присесть, а ноющая спина умоляла его прилечь, а все истерзанные мышцы тела умоляли его сдаться, он, шаркая, медленно побрел по мокрой траве вперед, изо всех сил стараясь поскорее удалиться, чтобы уважить понятное желание долины избавиться

от него. Он был плохой человек, осквернивший зачарованное пространство, и меньшее, что он мог сделать, это бесследно исчезнуть отсюда.

Когда он управлял глобальной империей, его жестокость и мстительность, его лживость и вспышки гнева выдавались за необходимые действия решительного главнокомандующего, но сейчас, в условиях, лишенных всяких декораций, его действия, лишенные всяких оправданий, кричали в голос, словно бывшие узники, узнавшие на улице своего мучителя: «Это он! Это он! Он вырвал мне ногти! Он расплющил мне коленные чашечки, он разрушил мой брак, он заставил меня подать в отставку, он засадил меня в тюрьму…» И он был слишком слаб, чтобы перерезать им глотку, и слишком изранен, чтобы убежать. Он оказался в непривычном для себя положении: вынужденный просто стоять и выслушивать их обвинения. Он не мог уволить или уничтожить их, они не были его подчиненными или его оппонентами. Это были его воспоминания, воспрянувшие в необычной ситуации его немочи и уязвимости. И было бесполезно пытаться обеспечить судебный запрет на их появление или приказать редакторам спустить на них всех собак, чтобы растерзать в клочья их репутацию,

и он не мог сделать их мишенью насмешек, когда они сами уже насмехались над ним. Все, кого он когда-либо оскорбил, унизил, растоптал — а их, как выяснилось, оказалось немало — целая армия! — превратили свои раны в оружие. Он сбавил было шаг, раз или два споткнувшись в попытке избавиться от неотступно следующих за ним враждебных воспоминаний из… ну да, из самых глубин его души. Ему, возможно, не удастся убежать от мыслей, бурлящих внутри, но, может быть, на вершине той горы он найдет утес — если только в этом мире есть справедливость или милость, там непременно должен быть утес, — с которого он бросится вниз на скалы, разобьет себе голову и наконец вправит мозги. Так он осуществит необходимую хирургическую операцию и избавится от всех ненужных горестей, безжалостно осознав наконец, что единственный способ спасти свою жизнь — это покончить с ней.

Все, за что ему когда-либо было стыдно, казалось, обратилось в насыщенный эликсир его собственной жестокости. Око за око — таков был его закон. Его крепко держали, пока палач сжимал обручем порока его голову и срезал его веки. Нет, прошу вас, только не это! Чем выше он взбирался в гору, тем более смутным становилось

все вокруг, и помутневшее зрение питало его страх быть ослепленным ядом своих многочисленных преступлений. Он крепко сжал голову обеими руками, дабы показать, как тесно ее сдавили силки, но и в надежде, что ему каким-то образом удастся найти силы нагнуть ее вбок и тем избежать попадания едкой жидкости, капля за каплей, в его бесценные беззащитные глаза. Нет, нет, прошу вас, прошу, прошу! Его сердце разрывалось от страдания. Он кое-как преодолел на четвереньках последние ярды подъема и рухнул на вершине горы.

На мгновение охвативший его ужас отступил перед ударом новой волны отчаяния. Дальний склон оказался не более крутым, чем тот, по которому он только что вскарабкался, и в этом смысле подходил для всякого, кто хочет вывихнуть лодыжку или сломать ногу, и в любом случае вполне бы сгодился для выполнения поставленной им цели. Но в отсутствие удобного утеса Данбару ничего не оставалось делать, кроме как покорно страдать; ему даже не хватило власти организовать себе скорую и опрятную смерть. Значит, придется стиснуть зубы и пройти, словно подгоняемый электрошокером бык, сквозь лабиринт бойни — через голод, холод и нена-

стье, инфекции и безумие или, что хуже, быть спасенным, чтобы его торжественно провели, на радость его дочерей, как плененного короля в кандалах, в которого глумливый народ швырял бы грязью и гнилыми объедками.

Верно, в свое время он лишил и Меган и Эбигейл ключевых должностей в «Данбар-Трасте», но лишь с тем, чтобы потом дать им новые должности, и то лишь — как и всегда — ради их же блага, дабы закалить их и показать, что пока они не научатся сочетать учтивость и свирепость его топ-менеджеров, непотизму не будет позволено восторжествовать; во всяком случае, он не мог этого позволить до своего финала, когда нужда оставить после себя наследство не выдвинет — уже выдвинула — династические соображения на первый план. Теперь он ясно видел, что если они неверно истолковали его мотивы, их увольнение могло толкнуть их на тропу мщения. Или, может быть, они обозлились за то, что он лишил их матери, когда они были еще слишком юны; возможно, они не поняли, что он пытался уберечь их от матери, вконец выжившей из ума. И теперь он мог почувствовать их боль, почувствовать, что если его дочери и были чудовищами, то только потому, что это он сделал их

такими. Он пытался искупить свои прегрешения, он дал им все, все, о чем можно было мечтать, но, получив все это, они не могли думать ни о чем другом, как обращаться с ним точно так же, как он обращался с ними. Но все же он, безусловно, никогда не обошелся ни с одной из них так жестоко, как с Флоренс. И если сейчас у него осталась хоть единственная причина остаться в живых, то лишь для того, чтобы бухнуться перед Флоренс на колени и умолять ее о прощении, но если и была причина более насущная, чем прочие, которая могла заставить его броситься с несуществующего утеса, что ждал его, как он себе прекраснодушно вообразил, на вершине горы, так это желание выразить всю клокочущую в его душе печаль по поводу того, как скверно он обошелся с той, кого любил больше всего на свете — с дочерью Кэтрин, единственного его дитяти, отказавшегося выступить против отца, хотя для этого у нее были все основания.

Он машинально воздел руки, чтобы уберечь глаза, но обнаружил, что их не выжег жидкий огонь, а наполнили обычные слезы. Он удивился и немного вознегодовал, но по натуре своей он был слишком подозрителен, чтобы быть застигнутым врасплох. Огонь просто временно загасили

— лишь для продления его пытки: так повешенного снимают с веревки, чтобы лишить жизни изощренным способом. Он знал, как все устроено в этом мире: пожарник был одновременно поджигателем, убийца появлялся в облачении врача, а дьявол таился под сутаной епископа, сбирающего души для своего хозяина, а учителя, которым вверяют детишек, фотографировали их нагими в душевой и размещали фотографии в темной Сети; он читал много репортажей на эту тему каждое утро за завтраком. Подобно кукловоду, что дергает за веревочки и имитирует голоса своих марионеток, Данбар отчасти, если не сказать осознанно, сливался со своим идеальным читателем — человеком, презирающим быдло, живущих на пособие нищебродов, извращенцев и наркашей, но также ненавидящим мажоров и толстосумов, дельцов-ловкачей и знаменитостей; по сути дела, этот человек терпеть не мог никого, кто отличался от него и таких, как он сам, ненавидя все то, что вызывало у него зависть или страх. И Данбар был тем, кто клал им на высунутый язык облатку причастия, превращая губительную пассивность страха и зависти в активную целеустремленность ненависти. И как первосвященник этого низменного ритуала он был вынужден признать,

что теперь, в столь удивительных новых обстоятельствах, открывавшийся ему из-за алтарной ограды вид, оказывается, был почти не отличим от тьмы, окружающей слепца.

И если ему не позволено убить себя прямо сейчас, то только потому, что он не заслуживает столь легкой смерти. Если судьба временно пощадила его глаза, то лишь для того, чтобы его слабеющее зрение могло запечатлеть в мозгу картины куда более жуткого ужаса и потом, когда слепота полностью его поразит, эти видения продолжат посещать его сознание. Он мечтал найти способ избежать столь страшного удела. Ему чудилось, что он различает вдали откос с пусть небольшим, но утесом. В его нынешнем положении ему понадобился бы вертолет, чтобы туда добраться, но меньше всего ему хотелось теперь встретить дружелюбного и заслуживающего доверия пилота, который ободряюще посоветовал бы ему полюбоваться видом с горы, но не подходить слишком близко к краю обрыва. Он встал на колени, потом, морщась от боли, поднялся на ноги, чтобы получше осмотреть окружающий пейзаж. Ни в долине позади, ни в долине впереди он не заметил ни домов, ни хозяйственных построек — ни ворот, ни лестниц, ни ограждений. Даже херд-

викские овцы, которые всю дорогу составляли ему компанию, похоже, не решались забредать в такую даль, на эти лишенные растительности склоны гор и заснеженные пики. Выражение «непонятно где» возникло в памяти Данбара во всей своей исконной ясности, утраченной из-за разрушительной расхожести словесного клише. Да, он был именно непонятно где — очень точное описание его местонахождения. Он всегда жил и работал в своего рода эпицентре событий, и у него всегда было радостное ощущение нескончаемой вереницы одержанных побед — оно охватило его даже сейчас, когда он оказался «непонятно где» и когда радость по этому поводу никак не компенсировала разочарования от отсутствия укрытия, способного спасти от морозного воздуха, проникающего сквозь прорехи в одежде, равно как и отсутствия еды и огня. Его начал бить озноб, он почувствовал, что продрог до мозга костей, и это чувство заставило его ужаснуться наступлению ночи.

— Помогите!

Данбар знал, что кроме него здесь никого нет, и не мог понять, чей голос только что услышал.

— Что?

— Помогите!

На мгновение ему почудилось, что это выкрикнул пилот вертолета, последний человек, чей образ отпечатался в его сознании, но он не заметил никаких примет его присутствия — если это пилот вертолета, то где же его вертолет? Тут что-то не сходилось…

Его замешательство превратилось в тревогу, покуда он наблюдал, как низкий пригорок распахнулся и обрел человеческий облик. Человек в грязном коричневом пальтеце, с комьями земли в бороде, сел, смахнул грязь со щек и повторил свою просьбу:

— Помогите! Помогите мне снять эти чертовы башмаки. Они меня убивают.

— Прямо как мои дочери, — пробурчал Данбар, подивившись странному совпадению. Поддавшись порыву солидарности с товарищем по несчастью, он бухнулся на колени перед ноющим незнакомцем и начал расшнуровывать его заляпанные грязью ботинки.

— Я их больше не чувствую, а когда чувствую, то лучше бы и не чувствовал. Ничего там нет, кроме мозолей!

— А у меня мозоли на глазах! — пожаловался Данбар.

— Вы вообще что-нибудь видите?

— Почти ничего, — признался Данбар.

— «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». Матфей, глава пятнадцатая, стих четырнадцатый.

— Вы говорите разумные вещи, — заметил Данбар. — Вам бы лучше завести собаку-поводыря.

— Я был викарием… Я — преподобный Саймон Филд, но я сбился с пути и упал в ту самую яму, о которой говорит Матфей.

— Вы больше похожи на бродягу, чем на викария, — неделикатно заметил Данбар.

— Я отшельник.

— А, вот как называется викарий, ставший бродягой, — сказал Данбар. — Ну, тогда я просто бомж. Так называется миллиардер, ставший бродягой.

— Это тотализатор доконал меня, — признался Саймон. — Я дошел до того, что в счет моих долгов позволил соскрести свинец с церковной крыши.

— Господи Иисусе! — изумился Данбар. — Вы только взгляните на свои ноги: они же в кровь сбиты!

— Потом пришел черед медным трубам, — продолжал Саймон — Я сделал ставку на результаты всеобщих выборов и проиграл. Мне казалось, что победить должно сострадание, но мы живем в

эпоху амбиций — этого амфетамина для народа. И после того, как из церкви вынесли старинные радиаторы отопления, мне пришлось объявить своим прихожанам, что нас ограбили.

Данбар засунул останки носков Саймона в его башмаки, соединил ладони в виде чаши, зачерпнул из лужи холодной дождевой воды и оросил кровоточащие ноги Саймона.

— Моя ошибка заключалась в том, что я исповедался председателю комитета церковных крыш. Я-то считал, что мы любим друг друга, а он продал мою историю желтой прессе.

— «Викарий-гей наполнил свинцом свой карандаш», — процитировал Данбар, вытирая насухо ноги Саймона своим шарфом.

— О, я вижу, вы тоже знакомы с этой кампанией, — произнес Саймон. — «Викарий-гей извергнут из сана… в моральном плане он оказался таким же мягким, как и свинец, который он продал на сторону для покрытия своих долгов…» И так далее и тому подобное.

— Знаю-знаю, — кивнул Данбар. — Нам не стоило так вас позорить. Я рад, что слухи о вашем самоубийстве оказались уткой. Мой редактор мне тогда написал: «Я так понимаю, что этот негодный поп повесился. Туда ему и дорога!» Но

я сказал ему, что это уж слишком. Я сказал, что это безвкусно — и мы, разумеется, это не опубликовали.

— Теперь мне на это наплевать, — пробурчал Саймон. — Я знаю тут поблизости пещеру, где мы могли бы устроиться на ночлег. Там нам будет не холодно. Я покажу дорогу, если хотите.

— Благодарю, — произнес Данбар, помогая Саймону снова надеть башмаки. — Это очень любезно с вашей стороны, в особенности если учесть…

— Не берите в голову, — отмахнулся тот. — Давайте просто дойдем до пещеры. Теперь, когда ливень прекратился, можно развести костер.

Данбар протянул Саймону руку и рывком поднял его с земли. Ярко-алый закат, точно пьяное «прощай!», начертанное губной помадой на зеркале, послужил живописной декорацией для их ухода со сцены, и скоро небо поблекло, лишившись красок, а воздух подернулся прозрачной серой пеленой. Саймон ковылял впереди, и с каждым шагом казалось, что у него вот-вот подогнется одно колено, но он ухитрялся в самый последний момент удержаться на ногах. Данбар, чей новый спутник вызвал благоговейный восторг, начал даже копировать его хромающую

походку, и каждый раз припадая на одно колено, на фоне призрачного света, отраженного от снеговых шапок на дальних пиках, он воображал себя коленопреклоненным, моля о прощении у всех людей, одного за другим, кому он в жизни причинил обиду или зло.

12

В три часа утра, несмотря на принятые перед сном две таблетки противоэпилептического, доктор Боб лежал в постели, уставившись немигающим взглядом в потолок, как человек, только что испытавший удар электрическим током. Он с омерзением слушал уханье совы на дереве. Для него, городского жителя и любителя кино, это уханье представлялось саундтреком к фильму ужасов, которое глупый, если не сказать зловредный, монтажер не стал вырезать из страшной сцены, в которой главный герой лежит в постели и, понятное дело, взволнованно вслушивается в ночные звуки. День накануне был суматошный, а как же иначе — с жестоким допросом Питера Уокера (экая безрассудная нелепость!) и безрезультатными поездками в Наттинг и в прочие места, в которых мог бы оказаться Данбар после бегства из лечебницы. Они весь день провели, меся колесами грязь во дворах, и он через покрытое дождевыми каплями окно «рейнджровера» наблюдал, как Кевин опрашивает озабоченных, но бестолковых камбрийцев, чьи синие комби-

незоны, толстые свитера и перемазанные грязью овцы сложились в мутный фон, на котором четко виднелись слова на экране его телефона: «Нет связи». Найти Данбара теперь не было для него главным: главным было поступление на его счет денег от Когниченти.

Когда же он наконец вернулся в «Кингз-Хед» и добрался до интернета, то обнаружил, что баланс его банковского счета не изменился с тех пор, как неделей раньше его пополнили шестью с половиной миллионами долларов, перечисленными из «Данбар-Траста». Его женевский банк был уже закрыт, но его личный менеджер, которого он загодя предупредил об ожидаемом переводе двадцати пяти миллионов долларов, тогда же прислал ему имейл, в котором предложил отследить деньги, если клиент любезно сообщит ему данные об источнике перевода. Но зная о конфиденциальном характере предоставляемых швейцарскими банками услуг, доктор Боб счел в высшей степени неэтичной просьбу раскрыть происхождение своих активов. И он в ответ направил язвительное письмо, заявив, что просто хочет, чтобы ему сообщили о поступлении денежных средств на его счет и что он сам отследит перевод «по своим каналам». Позвонить

Когниченти не было никакой возможности, а посылать имейл ему тоже не хотелось из опасений выглядеть назойливым, хотя его так и подмывало отправить красноречивое сообщение со значком доллара и десятком вопросительных знаков.

Ближе к вечеру небо прояснилось, на завтра прогноз был благоприятный, поэтому Эбигейл связалась с Джимом Сейджем во время ужина и попросила его прислать утром вертолет и подхватить Кевина и Хеса на футбольном поле в Пламдейле — по их наблюдениям, единственном ровном участке земли во всей округе. Доктор Боб должен был остаться вместе с Эбби и Меган и быть готовым по первому сигналу отправиться на машине, как только ребята засекут Данбара с вертолета. В отеле у них было много дел: им предстояло решить массу вопросов в связи с предстоящим заседанием совета директоров и с подготовкой кредитных линий для выкупа пакета акций. Кроме того, им предстояло пустить в ход все свое хитроумие, чтобы скрыть последние данные с бирж в Китае. Если рынок пронюхает об этих успехах, котировки акций Данбара взлетят до небес прежде, чем сестрам удастся их выкупить, или их сможет опередить некий оппонент, кому станут известны все факты и кто предложит

большую цену. Но все его удовольствие от столь коварной работы на благо Когниченти было испорчено отсутствием двадцатипятимиллионного гонорара за совершенную им измену.

Ему ничего другого не оставалось, кроме как сидеть и ждать, пока Эбби и Мег отправятся спать — вот тогда можно позвонить Когниченти. На его счастье, Эбби была слишком утомлена и не стала звать его к себе в постель, а Меган обуяла нескрываемая жажда ласк мускулистого Хеса, и, судя по тому, как изголовье ее кровати колотилось о стену соседнего номера, а также по ее истошным крикам исступленного наслаждения, она была на пике возбуждения. Доктор Боб, разумеется, вздохнул с облегчением, осознав, что Мег сегодня не требовалось его внимание, но в то же время он испытывал ненависть к своему горластому сменщику, и внезапно пробудившаяся ревность его удивила. Обе сестры принадлежали ему. Он терпеть не мог ни ту ни другую, более того — был готов предать обеих, но разве это причина, почему они должны прекратить желать его или перестать от него зависеть? Какая же радость в том, чтобы предать людей, которые уже перебежали в другой лагерь? Точно очумевшая овчарка

из «Вдали от обезумевшей толпы»[26], он задумал подогнать свое маленькое стадо к краю обрыва, но каким бы извращенным ни было его намерение, он все же находил повод гордиться своими блестящими навыками и не мог самодовольно оставить одну из жертв без присмотра.

Но с чего это ему взбрело в голову сравнивать себя со старой собакой из фильма? Правда, им за день попалась пара овчарок. Наверное, все дело в таблетках: под их воздействием мозг расслабляется и стимулирует ассоциативное мышление и гипнагогическое состояние сознания[27], но сама догадка об этом дала ему очередной повод для тревоги. И как он мог быть таким наивным? Теперь Когниченти от него ничего не нужно: ему был известен график совершения сделки, и он готовился сыграть на опережение. Доктор Боб предоставил ему массу ценных сведений: и название банка, которым пользовались сестры, и имена членов совета директоров, не склонных к риску, и размер и условия долга компании

[26] Примечания: 26

Роман Томаса Гарди (1874), многократно экранизировавшийся, последняя киноверсия вышла в 2015 году.

[27] Примечания: 27

Гипнагогическое состояние — промежуточное состояние мозга между явью и сном.

«Игл-Рок», возникшего в результате выкупа акций. С беспрецедентной для него легковерностью он выдал Когниченти всю информацию, и хуже всего то, что его враг, кем он только сейчас стал считать Стива, прекрасно понимал, что доктору Бобу уже поздно бежать обратно к сестрам. Что бы он им сказал? «Я тут собирался вас предать, но теперь, похоже, парень, которому я хотел вас сдать, собирается надуть меня, поэтому я хочу предать его!» Не больно-то вдохновляющий вариант. Эта чертова сова, опять она заухала! Моя старая овчарка сторожила падающих овец, считала засыпающих овец и засыпала… Сова с овчаркой прыгнули через луну, или поплыли по морю в решете, или овчарка с совой прыгнули с обрыва, и все овцы попрыгали с обрыва в сон, провалились в сон сквозь зияющую серую пустоту без твердой опоры под копытами.

* * *

Было еще темно, когда Данбар проснулся, но в лунном свете он увидел, как пар у него изо рта растворяется в горьком воздухе. Он осознал, что как и Саймон, не чувствует своих ног. Вот что случалось со всеми, кто жил в этих местах. Глубокая впадина под каменным выступом, конечно,

не была пещерой, обещанной Саймоном, но все же каким-никаким укрытием с навесом, поэтому земля тут была почти сухой, в сравнении с открытой местностью вокруг.

Однажды жил-был человек, и звали его Генри Данбар, он был большой специалист по достоинствам и недостаткам крупнейших в мире объектов недвижимости, но теперь он стал едва различимым — узнаваемым, но почти незаметным, как узор на жалюзи, выцветших на солнце; человек, замерзающий под каменным выступом, — вот настоящий Данбар, чувствующий, как онемение медленно ползет от кистей рук и ступней к сердцу, которое никогда не билось так сильно и никогда не чувствовало так остро, которое очень скоро остановится, и он навсегда останется лежать на этом мерзлом горном склоне.

— Саймон! — позвал он. — Саймон!

Ответа не последовало. Данбар сел. Он так иззяб, что даже дрожать не мог. Онемевшими пальцами нащупал фонарик во внутреннем кармане пальто, включил и осветил свое ночное пристанище. Никого. Куда же делся Саймон? Он был религиозный человек и не мог просто взять и бросить тут Данбара. Наверное, он ушел за подмо-

гой или за едой, которую припрятал неподалеку. Если он не вернется в ближайшее время, Данбар умрет в этой жуткой тьме, один, не прощенный.

* * *

Флоренс проснулась с бешено колотящимся в груди сердцем. Она интуитивно почуяла: отец в беде, и жизнь вытекает из него на иссохшую землю. Ей приснилось, что он лежит под каменным уступом на склоне горы, умирая от холода. Она начала одеваться, хотя до рассвета оставалось еще часа полтора. Полиция и горные спасатели приступят к поискам с восходом солнца. Они прилетят на вертолете, и она отправится следом за ними.

Марк не осуждал Флоренс за недоверие, хотя его немного покоробило, что она этого даже не потрудилась скрывать. Он не мог никого убедить в том, что ему легче встать на сторону ее противников, нежели шпионить за ней, потому как честность и обман, в отсутствие важной информации или неотвратимого риска, будут неотличимы и примут одинаковую форму ревностного проявления искренности. Он был готов предложить существенную жертву или дорогой дар, но холодная война с Эбби давно исключила

его из планов и проектов жены. Их пути от случая к случаю пересекались, когда они, в гробовом молчании, сидели на заднем сиденье лимузина, направляясь на благотворительный ужин или на церемонию награждения, и потом, не обменявшись впечатлениями, возвращались на этом же лимузине в свою гигантскую квартиру. Сама же квартира была удобно расположена на трех этажах, где комнаты Марка внизу соседствовали с кухней и бассейном, спортзалом, гостевыми спальнями и просмотровым залом, а Эбби занимала пентхаус. Весь этаж между ними был отдан огромному развлекательному центру, где Марк редко появлялся. Когда они соединялись на Рождество, или на Пасху, или на неделю летом в загородном доме на озере, они выказывали такую же демонстративную взаимную скуку, с какой представители враждующих стран выслушивают речи друг друга на Генеральной ассамблее ООН.

Находясь постоянно на столь далеком расстоянии, трудно испытать восторг в связи с расставанием. Марк происходил из рода, чье состояние возникло так давно, что к тому моменту, как он встретил Эбби, семейные деньги в основном были пущены по ветру и обратились в прах. Его древняя генеалогия пришлась ей по нраву, а ее несметное

богатство пришлось по нраву ему. Один из предков Марка (первый Марк Раш) был пуританским диссидентом, который пересек Атлантику на борту «Мэйфлауэра»[28]. Мог ли он тогда знать, ворочаясь на скрипучей койке в каюте, не сняв свою убогую черную одежду, шепча молитвы и ворча на жену и детей, что он находится на борту одного из самых модных в человеческой истории кораблей, рядом с которым барка Клеопатры, окутанная благоухающим облаком, кажется не более чем экзотическим пустяком[29]. Правнук того пассажира «Мэйфлауэра» решил заняться фермерством на Манхэттене. Ферма оказалась не слишком успешным предприятием, пока его внук не начал возделывать улицы и площади вместо полей и садов, чей традиционный урожай приносил весьма скромную прибыль. В итоге к середине девятнадцатого века семейное состояние достигло такого размера, что обеспечило процветание нескольким поколениям, отли-

[28] Примечания: 28

«Мэйфлауэр» — название корабля первой партии переселенцев из Англии, прибывшей в Северную Америку в 1620 году.

[29] Примечания: 29

Имеется в виду легенда о том, как Клеопатра, чтобы обольстить римского полководца Марка Антония, пропитала паруса своего золотого корабля сильными ароматами, которые шлейфом летели по воздуху. Этот эпизод упоминается в трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра».

чавшимся изысканной бесхозяйственностью, а также, когда в семьях наступал непреодолимый разлад, и дорогостоящие разводы.

Когда двадцатитрехлетняя Эбби Данбар встретила последнего Марка Раша, он был слабовольным, но необычайно красивым холостяком с массой нужных связей в обществе и, как считалось, с хорошим образованием, владельцем огромного семейного особняка на Гудзоне, который он еще не был вынужден продать. Такое сочетание качеств идеально устраивало Эбби, и она очень скоро решила, что лучше быть Раш, чем какой-нибудь французской или итальянской графиней, или той недавно вышедшей замуж наследницей, кому предстояло озаботиться ремонтом необъятной крыши доставшегося от дедушки мужа замка-развалюхи в Англии.

Несмотря на вдохновляющее начало, брак Марка очень быстро утратил тонус и в конечном счете угас — после того, как выяснилось, что Эбби не может иметь детей. Сделав это открытие, они, хотя оба ни в малейшей степени не были по натуре склонны к вседозволенности, негласно даровали друг другу полную свободу делать все, что заблагорассудится. Равнодушие и благоприятные условия привели к тому, к чему в иных обсто-

ятельствах могла бы привести толерантность. Марк частенько улетал со старыми друзьями в Южную Каролину пострелять куропаток, беря с собой Минди, свою давнишнюю любовницу, чья семья тоже профукала некогда солидное состояние и обрекла себя, на фоне семьи Марка, буквально на нищенское существование, но чье общество напоминало ему о тех благословенных деньках, когда друзья его родителей привозили к ним в особняк свою малышню и все играли в саду или в детской. Минди казалась ему самым естественным спутником жизни.

Хотя Марк был готов поддерживать такой порядок вещей до бесконечности, Эбби все же умудрилась нарушить беспечный покой его жизни, похитив собственного отца и заперев в лечебнице для душевнобольных. Это было неправильно. Когда его дед, вздорный тиран, начал чудить и постепенно терял память, семья держала его в старом поместье на севере штата, потому что так было правильно. В такой ситуации самое разумное — собирать милую коллекцию смешных историй про дедушку: как он заснул за рулем и въехал в соседское поле и задавил призового жеребца, или как он рвался залезть на крышу

в клетчатом халате от «Тернбула и Асера»[30], чтобы вычистить стоки вместе с Гарольдом, старым смотрителем дома, или как он выстрелил в почтальона, приняв его за японского пехотинца — все это были бесценные анекдоты, с лихвой компенсировавшие гнет чопорной жизни.

Когда что-то кажется неправильным — значит, это неправильно. Импульс, отчасти моральный, отчасти унаследованный, а отчасти обусловленный выплеском долго скрываемой ненависти к жене, заставил Марка проявить инициативу и попытаться внести свою лепту в спасение патриарха, своего тестя, кому, в конце концов, все они были обязаны своим невероятно комфортным существованием. Ах, если бы только он мог оказать большую пользу, с сожалением подумал Марк, сняв телефонную трубку, чтобы заказать завтрак в номер. Ему хотелось поделиться своими переживаниями с Минди: у нее нередко возникали блестящие идеи, и она могла дать дельный совет, — но еще было слишком рано для звонка, так что пока он был готов полакомиться яйцами пашот и копченой селедкой из ресторана. Он сто лет не ел копченую селедку…

---

[30] Примечания: 30
Классический английский бренд мужской одежды.

* * *

В убежище, где, чуть живой от мороза, лежал в своем необъятном пальто Данбар, проникли рассветные лучи. Едва ощутимое тепло утреннего солнца согрело его голые щеки, а розоватое сияние, осветившее его смеженные веки, заставило понять, что он еще жив. Он вряд ли смог бы описать, о чем думал и что чувствовал в последние несколько часов, хотя и пребывал в уверенности, что это был не сон, а некое забытье, не давшее отдохновения.

Старик неуверенно приоткрыл веки, и они затрепетали, пока он не сумел сощуриться и осмотреть вход в укрытие под горной скалой. Ему почудилось, что рядом кто-то стоит на коленях.

— Саймон?

— Он самый!

— Ты где был? — с упреком прошептал Данбар. — Я чуть не умер ночью. И у меня нет сил сдвинуться с места.

— Перестаньте! — возразил Саймон. — Пора в путь. Я пришел, чтобы проводить вас в местечко поудобнее. Тут просто убежище на ночь. А в фермерском доме поблизости нас ждет горячая еда. Меня прислали за вами. Идти меньше мили.

— Я не могу двигаться. Честно говоря, очень жаль, что я не спрыгнул с утеса прошлой ночью.

— Спрыгнете в другой раз. А теперь вам надо позавтракать. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное». Екклесиаст, глава третья, стих первый.

— Да-да, — раздраженно отрезал Данбар. — Они всегда читают это на похоронах. Подай-ка мне руку!

Саймон помог старику подняться на ноги. Данбар, шатаясь, прошелся по укрытию, стараясь обрести равновесие.

— Я едва держусь на ногах, — запротестовал он. — О, мои ноги, мои ноги жалят меня. Словно ко мне в ботинки пробрались скорпионы. Будь прокляты эти ноги!

— Это добрый знак. Кровь возвращается в конечности, вы не потеряете ни единого пальца на ногах! Пошли, нам туда! — И с этими словами Саймон медленно зашагал вниз по склону. — Этот фермерский дом стоит за поворотом, прямо у подножия горы.

— Нас там ждут? — поинтересовался Данбар.

— О да! Все уже готово!

Данбар положил руку Саймону на плечо и захромал вперед. Ему пришлось сконцентрировать внимание на ходьбе, так что он не мог одновременно идти и разговаривать. Саймону словно передалось состояние Данбара, и он всю дорогу тактично хранил молчание.

* * *

Хес, по мнению Кевина, был просто гребаным козлом и к тому же болваном, полным болваном, который трахал эту сучару всю ночь и вышел к завтраку точно зомби — с дурацкой улыбочкой на роже. Ясен пень, они оба занимались с ней этой забавой. Кевин тоже трахал ее до одурения, эту нимфоманистую сучку, и тоже заставлял ее похотливо выть, но не ночью же накануне важной операции! И теперь ему пришлось дать Хесу пару таблеток, чтобы этот козлина несчастный мог разлепить веки. По сравнению с доктором Бобом любой городской дилер мог показаться сердобольным викарием в центре реабилитации наркоманов: этот докторишка всегда давал все, что ни попросишь, а вдобавок еще и такое зелье, о котором ты и слышать не слышал, правда, он был готов снабжать их только по возвращении в Штаты, и, по правде сказать, Кевин заглаты-

вал эти таблетки горстями, как мальчуган с тубусом «Смартиз»[31]. Ему нравилось быть под стимуляторами, быть в тонусе, он терпеть не мог расслабухи и страшно злился на Хеса за то, что тот переводил запас его колес, — вот гребаный козел!

— Здоров, Кевин! — бросил Хес, спустившись в вестибюль отеля. Он был уже в полной боевой готовности, с рюкзаком на плечах. — Чувствую себя гораздо лучше. А честно сказать, будто заново родился!

— Да что ты! — Кевин подошел к Хесу и понизил голос: — Может, это оттого, что ты схомячил мои последние две таблетки?

У Кевина оставалось еще восемь, чего ему вполне хватило бы до Нью-Йорка.

— А я думал, эти колеса для нас обоих!

— Они для меня, и я их распространяю, когда и если сочту это необходимым, — отрезал Кевин.

— То есть все время самому себе, — простодушно сделал вывод Хес.

— Ты, мать твою, не обсуждай мои приказы! — прошипел Кевин в самое ухо Хесу. — Может, тебе и позволено драть босса на досуге, но в нашей

---

[31] Примечания: 31
Английские конфеты-драже типа американских M&M's.

маленькой армии я — твой командир!

— Да, сэр! — гаркнул Хес.

Кевин был слишком простимулирован колесами, чтобы понять, серьезно или насмешливо изображает Хес покорность, да и в любом случае вестибюль «Кингз-Хед» был неподходящим местом для выволочки.

Оба вышли из отеля и пересекли улицу, направившись к футбольному полю. Джим Сейдж стоял рядом со своим вертолетом и беседовал с женщиной в пальто и шарфе вокруг шеи.

— Привет, ребята! — Джим распахнул дверцу вертолета. — Прошу всех на борт. Я вот объяснял леди, что мне пришлось сделать тут экстренную посадку ради нашей спасательной миссии.

Кевин, ни слова не говоря, полез в кабину.

— Джим, старина, здорово! — воскликнул Хес, сжав в мощных объятиях заботливого пилота. — Все так, мэм, — обратился он к местной жительнице. — Нам нужно спасти жизнь человека!

Его взгляд затуманился, и он неожиданно сильно ткнул себя в грудь.

— Вот где любящая душа! — с придыханием выпалил он.

— Залезай в этот хренов вертолет, пока я не

сблевал! — рявкнул Кевин из салона.

* * *

Бедный Генри, подумал Уилсон, никто хуже его не подготовлен к ускоренному курсу самопознания, особенно учитывая, что этот курс ему приходится проходить на закате жизни. Как там говорил Ричард Второй: «Нам подобает лишь повелевать, но не просить»[32]. В одной этой строке — квинтэссенция Данбара, хотя сам он предпочитал «Просто исполняй!» — повелевать без комментариев. На самом деле, можно сказать, что строка в трагедии о Ричарде должна была звучать так: «Нам подобает не повелевать, а комментировать». Генри никогда не утруждал себя растолковыванием новых инициатив с помощью метких описаний своих прискорбных капризов. В действительности, он всегда жил будущим, рвался вперед так быстро, что у него не хватало времени даже вкратце описать задуманное, не говоря уж о том, чтобы облечь это в красивые фразы. Цели всегда были ясны, но способы их достижения оставались туманными.

Уилсон надеялся, что, где бы сейчас Генри ни

---

[32] Примечания: 32

Шекспир. Ричард Второй. Акт 1, сцена 1. Пер. М. Донского.

находился, у него была карта. Если у него есть карта, он сможет сориентироваться, а если у него будет ориентир, он сумеет дойти…

Услышав стук, Уилсон встал и открыл дверь. У него была смутная надежда, что это Флоренс или Крис, но, к его изумлению, это был Марк, которого он впустил в номер.

— Ух ты, какой роскошный вид на Баттермир, — восхитился Марк, приблизившись к эркерному окну. — Наверное, нужно благодарить Эбби за знакомство с очередным очаровательным отелем в провинции! — добавил он с язвительным смешком.

— Ты зачем пришел? — спросил Уилсон.

— Я тут переговорил со своей подругой Минди, — начал Марк.

— Я знаю Минди, — заметил Уилсон, раздраженный тем, что Марк назвал «подругой» женщину, с которой уже лет десять жил в параллельном браке.

— Так вот, она напомнила мне кое о чем, что я ей сказал пару недель назад. Вы лучше, чем кто-то еще, знаете, как в этой семье быстро привыкаешь к упоминаниям крупных сумм, поэтому я забыл об этом сразу, как только рассказал ей.

— И?

— Я как-то зашел в кабинет Эбби — нет, не подумайте, я ничего не вынюхивал, я просто искал картридж для принтера. В общем, я заметил маленький блокнотик у нее на столе, и там на страничке было написано 6,5, нарисована стрелочка и рядом буква Б. И мне только что пришло в голову, это только догадка, что она планирует выплатить доктору Бобу кругленькую сумму.

— Верно, — подтвердил Уилсон. — Нам это известно. Это все делалось в открытую. Он собирается стать членом совета директоров и в дополнение к обычной зарплате члена совета ему дадут бонус «за годы преданной службы» в качестве личного врача Данбара.

— О, — помрачнел Марк, — так вы знали об этом.

— Я в прекрасных отношениях с большинством членов совета, и меня держат в курсе дел. Но было бы очень полезно получить доказательства намеренно совершенных доктором Бобом врачебных ошибок, доказательств его «преданной службы» на благо Эбби и Меган, а не Генри.

— И как же я, скажите мне, смогу получить такие доказательства? — спросил Марк.

— Ты порасспроси свою подругу Минди, — посоветовал Уилсон, провожая ошеломленного

Марка до двери. — А я поговорю с Флоренс, пока она не вылетела. У нас есть вертолет для поисков Генри в горах.

— Я могу полететь с ней? — спросил Марк.

— Там только три места. Наш борт будет следовать за полицейским вертолетом на тот случай, если его обнаружат. Флоренс и Крис полетят, и мы не сможем оставить пилота на земле — даже ради тебя!

* * *

Глядя, как вертолет Джима, взяв курс на Наттинг, растворился в небе над долиной, Эбби подумала: если повезет, папу найдут мертвым. И это будет простейшим выходом, решением всех проблем. Погоня за ним отнимала массу времени, а им действительно уже пора возвращаться в Нью-Йорк, готовиться к важнейшему событию в истории компании: реприватизировать «Данбар-Траст» — и в результате одна из самых влиятельных в мире медиаимперий перейдет под их полный контроль. Настала пора старому Данбару двигаться дальше, перестать цепляться за власть и препятствовать тому, чем он на самом деле должен бы гордиться — тем, что его две старшие дочери вернули компанию семье.

Они же все спланировали тщательным образом: тридцати процентам сотрудников будет предложено по-новому взглянуть на свое будущее: права на бесполезные активы будут проданы, и вся компания превратится в денежный станок, даровав им неограниченный доступ к активам, который заполучил их отец, но ревниво оберегал исключительно для себя. Они попросят одобрения у совета директоров и, после подписания кое-каких юридических бумаг, директора смогут спокойно покинуть здание с мыслью о том, что они баснословно разбогатеют после закрытия сделки, а если они хоть намекнут кому-то о происходящем в компании, у них возникнут очень серьезные проблемы.

Эбби услышала, как замурчал ее мобильный на столике за спиной. Она взглянула на экран и увидела, что звонит доктор Харрис. Это был последний человек, с кем ей сейчас хотелось беседовать, но вдруг полиция связалась с ним и сообщила нечто важное — будем надеяться, что они обнаружили труп ее отца.

— Да, доктор Харрис, чем могу быть вам полезна?

— Вот что, миссис Раш, самое полезное, что вы могли бы сделать для себя, — это позвонить в по-

лицию и сообщить, что вы готовы сотрудничать.

— Сотрудничать в чем? — насмешливо спросила Эбби. — В расследовании вашей некомпетентности?

— В расследовании вашей роли в доведении Питера Уокера до самоубийства.

— Самоубийства?

— Да, мне грустно об этом говорить, но, невзирая на все предосторожности, сегодня рано утром Питер повесился в душевой. И за эту ужасающую нелепую смерть я намерен возложить ответственность на вас!

— Возложить на меня ответственность, — с внезапной яростью заорала Эбби. — За то, что конченый алкоголик сбежал из вашей лечебницы, прихватив с собой моего старого и, давайте называть вещи своими именами, весьма уважаемого отца, чем подверг опасности жизни их обоих! И давайте надеяться на то, что моего отца не найдут мертвым — иначе вас будут судить за причинение двух смертей! И прошу вас, не забудьте изложить ваши обвинения в письменном виде, доктор Харрис, чтобы я могла засудить вас за клевету!

— О, не сомневайтесь, миссис Раш, я уже изложил их в письменном виде — как и сестра

Робертс!

— А, эта идиотка! Жду не дождусь спустить на нее свору моих адвокатов…

— Питер рассказал нам, что вы с ним делали, миссис Раш, — тихо, но твердо перебил ее доктор Харрис, — и у нас нет сомнений, что он говорил правду. Да, он был алкоголиком, но он был в высшей степени разумным человеком и ни в коей мере не страдал психическим заболеванием!

— А, бросьте! — отмахнулась Эбби. — Он был известный выдумщик, он даже не мог говорить своим голосом — ну разве что когда жаловался.

— Я уверен, вам об этом известно лучше многих, — заметил доктор Харрис.

Эбби отключилась от линии и бросила трубку на стол.

— Черт! — завизжала она. — Черт! Черт! Черт!

Ну почему ей так не везет? Чем она заслужила такие осложнения именно теперь, когда она всего в шаге от величайшей победы? Какая несправедливость!

* * *

Данбар потерял равновесие на зыбких камнях и, споткнувшись, чуть не упал.

— Выбирай лучше дорогу, — пробурчал он Сай-

мону. — Здесь слишком крутой спуск. Я с трудом могу шагать по ровному, а уж тем более вниз по скользкому склону, на который ты нас вывел!

После того дурацкого несчастного случая в Давосе год назад больше всего его пугало — или во всяком случае, среди нескольких пугавших его вещей — падение. В принципе это была крайне неудачная идея — собрать самых влиятельных людей в мире на экономический саммит в январе и заставить их шагать по обледенелым улицам горнолыжного курорта. Организаторы любят называть этот саммит «форумом» — тоже крайне неподходящее слово, потому что кому и когда требовалось особое приглашение, или белый пропуск, за которое все были готовы глотку перегрызть, чтобы сходить на площадь или на рынок. Он в тот день прибыл в Давос с опозданием на два часа и торопился на встречу — на тайную встречу вне программы форума, которая была поважнее прочих. Шел сильный снегопад, что было бы очень кстати, если бы какой-то инициативный болван из обслуги форума не соскреб свежевыпавший снег до черных ледяных островков на дороге к шале Жу. Данбар спешил к двери шале, но поскользнулся на ледяной заплатке и упал на спину, сильно стукнувшись затылком. Из-за

этого падения он выглядел смешным: он потерял лицо на глазах у проклятого коммунистического торгаша. Его пунктик насчет пунктуальности стоил ему полутора месяцев в больнице, и он упустил контракт на спутниковое телевещание, на подготовку которого ушел целый год. И с тех пор все пошло наперекосяк. Вот когда его звезда начала закатываться: его падение, точно в замедленной съемке, продолжавшееся весь прошлый год, падение, которого он пытался избежать и которое завершилось таким вот фатальным финалом на этом скользком горном склоне.

— Что-то ты сегодня неразговорчив, — заметил Данбар, крепче сжимая плечо Саймона. — Не пойму, как ты можешь шагать по этой горе и не падать.

Если его усталые мышцы и натруженные связки на ногах сведет, он вообще не сможет двинуться. Пока что ему удавалось приноровиться к чудной манере Саймона идти на полусогнутых, — тем самым он облегчал нагрузку на колени, которым с трудом давался каждый последующий шаг. Если бы его усталость могла победить его страх, он с радостью бы лег на землю и умер, но пока что страх побеждал утомление и заставлял его шагать.

В его глазах ландшафт приобрел изменчивость и загадочность, какая обычно присуща бегущим в небе облакам. Эта буйная изменчивость сдерживалась скупым выбором форм, на которые он загадочно намекал. Данбар видел вокруг стаи крадущихся животных, пегих от снежной россыпи на их шкуре, задравших головы вверх, оскаливших зубы, вытянувших длинные лапы с ужасными когтями или припавших к земле, чтобы, с силой оттолкнувшись, нанести своей жертве смертельный удар. Слева от себя, в нескольких сотнях ярдов, он заметил одну из многих голов ужасного Цербера, которого, должно быть, разбудил грохот сорвавшегося камня или стук упавшего тела. Округлая поверхность его драконьего хвоста, притворившегося холмиком, вдруг исчезла из виду, чтобы вскоре вдруг снова явиться прямо под сбитыми до синяков ногами Данбара. А когтистые конечности, высовывающиеся из горы справа, были лапами Сфинкса, вросшего глубоко в землю. Он не смел оглянуться назад, в раскрытую пасть белоспинного волка, поджидающего, когда медленно волнующийся гребень утеса поможет ему совершить мощный прыжок и растерзать ему глотку. Нет, надо и вправду спешить за Саймоном в фермерский дом за склоном этой

предательской горы, подальше от прожорливых пастей жуткого ландшафта. Он надеялся, что Саймон знает, что делает, и не заведет его в ловушку. Саймон сегодня был странно молчалив. Впрочем, Данбар и так знал, что люди рядом с ним обычно становились молчаливыми — даже президенты и премьер-министры! Все они ждали, надеясь на его благовещение: «Я сомневался в вашем правительстве, Мэгги, но лишь до тех пор, пока вы не начали стрелять террористам в спины… Я понимаю вашу стратегию, господин президент, и вы можете рассчитывать на нашу поддержку… Боюсь, все, чего вы добились, Бернанке, — так это превратили кризис долгов частного сектора в общенациональный долговой кризис!»

— Постой! — прохрипел Данбар, внезапно вернувшись от своих воспоминаний к реальности. Его обуял панический страх. — Ты слышишь рокот в воздухе? Быстро! Бежим!

Он отпустил плечо Саймона и быстро, насколько ему позволяли истерзанные ноги, засеменил вперед в сторону ближайшего валуна, за которым он мог бы спрятаться. Звено боевых вертолетов летело по курсу, боковые двери сдвинуты, бортовые пулеметы на взводе. Для них он был не более чем очередным симпатизантом Вьетконга

или повстанцем Талибана, которому надо спину изрешетить очередью, взрезать от почек до плеча. Дряхлое тело Данбара охватила волна непонятной энергии, нечто вроде экстатического ужаса, заставившего его вообразить, что одним прыжком он сумеет перемахнуть через местами каменистую, а местами болотистую равнину. Рокот нарастал, но он, достигнув валуна, не знал точно, где вертолеты. Когда ревущая машина проплыла вверху над головой, он скрючился, прижавшись спиной к камню и упрятав голову между коленей, молясь, чтобы его не заметили сверху.

* * *

Хотя доктору Бобу удалось уснуть только ближе к рассвету, он почти мгновенно пробудился от ярости и тревоги при мысли о своем таком хрупком пенсионном плане. После трех ночей жестокой бессонницы его рассудок слегка помутился, и он страдал от перепадов настроения, когда взлеты на крыльях эйфории сменялись пикированием в бездну уныния, из которой выпархивали пугающие призраки. Он уже предал Данбара, а потом предал и его дочерей, ради которых предал Данбара, и теперь сам стал жерт-

вой предательства Когниченти. Его финансовое благополучие под угрозой, его макиавеллиева гордость уязвлена, а сознание зажато между противоборствующими, но одинаково мощными потоками смертельной усталости и слепой ярости. Единственное, что доктор Боб осознавал с предельной ясностью, так это то, что ему нужно изловчиться и совершить нечто хитроумное, куда более хитроумное, чем то, на что способны его невероятно хитроумные противники, но конкретные детали этой операции оказалось на удивление трудно придумать.

Он уже понял, насколько опасна попытка предать Когниченти с помощью Эбби и Мег, потому как ему будет очень сложно скрыть тот факт, что он намеревался предать их. Пустившись в совсем уж дерзкие фантазии, он предположил, что мог бы сначала помочь Флоренс найти отца, а затем направить ей анонимное послание о том, что «Данбар-Трасту» грозит опасность со стороны «Юникома». Старик мог бы каким-то образом собрать под свои знамена верные ему войска. В любом случае, совет директоров поломает все планы Когниченти и выбьет почву из-под ног Эбби и Мег, которые теперь вызывали у него такое омерзение, что, как бы ни повернулись события

дальше, он был решительно настроен их добить.

Выглянув из окна ресторана «Кингз-Хед», доктор Боб заметил Джорджа, раздражавшего Эбби своими озабоченными и тактичными расспросами об отце. Более тридцати лет Джордж преданно служил Данбару личным водителем во время его командировок в Европу и мог бы сделать все, что угодно, если его убедить, что это делается в интересах старика.

* * *

— Ты меня слышишь? — крикнул Крис в микрофон. Они оба были в шлемофонах.

Флоренс с улыбкой кивнула.

— Отлично. Пилот переговаривается на другой частоте, так что можем побеседовать. Если ему нужно будет что-то нам сказать, он подаст знак.

— Класс! Потому что я не хочу, чтобы кто-то еще узнал о нашей с Джимом задумке. Иначе у него могут быть неприятности.

— Вас понял! — сказал Крис. — Будь осторожней со своим шлемофоном, потому что, строго говоря, пилот не имеет права разрешить тебе им пользоваться, хотя это и не мешает управлению вертолетом.

Флоренс, снова кивнув, дотронулась до руки

Криса.

Поднявшись с лужайки перед отелем, вертолет слегка отклонился назад и по кривой понесся над озером.

* * *

К счастью, Кевин и Хес были слишком заняты выяснением отношений, чтобы заметить внизу то, что увидел Джим. Но было рискованно сразу развернуться обратно и сделать контрольный облет, не отправив предварительно Флоренс эсэмэску с точными координатами места. Они договорились, что он даст ей пять минут форы.

* * *

— Вы знаете местечко под названием Эдамз-Хаф? — обратился Крис к пилоту.

— Он же тебя не слышит! — напомнила Флоренс.

— Верно! — улыбнулся Крис и похлопал пилота по плечу.

— Я пока свяжусь с полицией, — сообщила Флоренс.

Крис кивнул и знаком попросил пилота включить свои наушники.

* * *

— Давай-давай, пошли! — Эбби хлопнула в ладоши, желая привлечь внимание доктора Боба, и стремительно пересекла ресторан. Мег, зевая, шла следом. На глазах у нее были темные очки. — Джим только что эсэмэснул: они заметили в горах папу.

— Ну наконец-то хорошие новости! — осклабился доктор Боб, поспешив за сестрами к главному входу отеля.

— Отвези нас в Эдамз-Хаф, — обратилась Эбби к Джорджу, сев в «рейндж-ровер».

— И лошадей не жалей! — добавил доктор Боб, усевшись справа от Джорджа.

* * *

— Не забывай, Джимбо, — спесиво бросил Кевин, — мы ищем восьмидесятилетнего бизнесмена, а не марафонца, готовящегося установить, твою мать, рекорд Олимпийских игр. Разворачивайся!

— Пожалуй, ты прав, — согласился Джим. — Вряд ли он смог уйти так далеко.

— Конечно, я прав, умник! — отрезал Кевин.

Джим неспешно развернул винтокрылую машину и полетел к местечку, где, как ему показалось, он пять минут назад заметил Данбара. Он поставил в известность только Эбби, причем сделал это так, чтобы грубияны-наемники ничего не услышали, и понадеялся, что Флоренс доберется туда раньше их.

* * *

Данбар порылся в кармане и нащупал швейцарский армейский нож. Ломая ногти на занемевших от мороза пальцах, он смог кое-как открыть большое лезвие. Он обхватил нож и пару раз с силой махнул лезвием по воздуху. Если его попытаются захватить, он хотя бы одного покалечит, без боя не сдастся. Он же Генри Данбар, и никому еще не удавалось сразиться с Генри Данбаром, не заплатив высокую цену.

Он развернулся и выглянул из-за валуна, гадая, куда делся Саймон. На склоне горы и в долине под горой никого не было. Он понимал, что перестал ориентироваться во времени, но его немало удивило, что Саймон умудрился исчезнуть в считаные минуты. Ну что ж, может, оно и к лучшему. Саймон умел сражаться за души людей, и, вероятно, в настоящем сражении от него не было

бы никакого прока.

— В рукопашную, — пробормотал Данбар, — против тренированных головорезов моих дочерей.

Он склонил голову и прислушался. Они приближаются. Он услышал стрекот винтов в воздухе.

* * *

— Ты же не туда едешь, болван! — заорала Эбби.

— Бог ты мой! — воскликнул Джордж. — Вы уверены? Очень извиняюсь!

Эбби протянула свой телефон Меган, чтобы та удостоверилась, как пульсирующая голубая точка их нынешнего местоположения на карте удаляется от пункта назначения. Меган, все это время пребывавшая в полусонном состоянии, внезапно оживилась.

— Выходи из машины! — приказала она.

— Я очень извиняюсь, — повторил Джордж.

— Выходи! — завизжала она.

— Почему?

— Потому что я сяду за руль, идиот!

Джордж остановил машину и опасливо вышел. Меган отшвырнула его в сторону, села на водительское место и захлопнула дверцу.

— Я сейчас перееду этого старого пердуна! — процедила Меган.

— Нет! — возразил доктор Боб, потянув ручной тормоз. — Я запрещаю тебе это делать!

— Ты что? — захохотала Меган.

— Ох, Мег, — вмешалась Эбби. — Пожалуй, он прав. Я и забыла тебе сказать. Питер, не знаю, как там его дальше, этот жуткий комедиант покончил с собой. У нас будут юридические сложности.

— Ты забыла нам об этом сказать? — изумился доктор Боб.

— Да, у меня голова забита более важными вещами!

— Ладно, ладно, — скривилась Меган. — Просто поедем.

Доктор Боб отпустил ручной тормоз.

— Я же предупреждал тебя не нервировать его! — сказал доктор Боб.

— Хватит об этом! — прошипела Эбби.

Прежде чем он нашелся, что сказать, Меган стремительно подала машину назад, проехав по ногам Джорджа, включила переднюю передачу и снова направила колеса прямо на ботинки старого шофера.

— Ах, простите! — проворковала она, перекрывая вопли Джорджа.

— Боже мой, Меган! — воскликнул доктор Боб. — Дай мне выйти из машины!

— Зачем?

— Я должен осмотреть его увечья! Я же врач, если ты забыла!

— Если я забыла? — передразнила Меган. — Ты же не давал клятву Гиппократа, милый мой, ты дал клятву гипокрита[33], если ты забыл!

И она нажала на педаль газа.

Доктор Боб оглянулся на Джорджа, лежащего на проезжей части. Он хватался руками за голени, пытаясь ослабить нагрузку на размозженные ступни. Ну что ж, Джордж сыграл свою роль, если им повезет, Флоренс получит еще небольшую фору во времени. Но он не мог лишний раз не поразиться той развеселой легкости, с которой эти паршивки проявляли свою жестокую склонность к насилию. Потом ему все равно надо будет вернуться и позаботиться об изувеченном шофере, ставшем жертвой детской мстительности Меган. Он ощутил прилив ненависти к обеим: они уже привыкли к тому, что любая неприятность, в которую они попали, будет улажена чужими руками. Услышав приглушенную трель, возве-

---

[33] Примечания: 33

Гипокрит — актер древнегреческого театра. В переносном смысле — лицемер, ханжа.

щающую о приходе нового сообщения, он вынул из кармана телефон и взглянул на экран.

«С радостью извещаю вас, что перевод благополучно осуществлен, отправитель просит прощения за задержку. Искренне ваш, Кристоф Рихтер-Гулаг».

Черт! Ну наконец-то. Терпение никогда не было его лучшим качеством. И все же он пока не совершил ничего вопиюще преступного, учитывая, что он опять оказался в одной связке с Когниченти. Ничего непоправимого не случилось, хотя Когниченти ожидал, что Данбар выйдет из игры, а не вернется в Нью-Йорк к началу общего собрания совета.

Только бы ему сохранить трезвость мысли. Наверное, надо предупредить Данбара в любом случае, но рассказать ему не все, а только то, что сможет погубить Мег и Эбби. Если Когниченти одержит победу, они утратят власть, но стоимость их акций подскочит вверх, сделав их невероятно богатыми. А он мечтал увидеть их крах и унижение. Ненависть, которую доктор Боб ощущал в этот момент, возможно, была самым искренним проявлением чувств за всю его жизнь. Эту ненависть тоже надо бы включить в его пенсионный план — наряду с деньгами.

* * *

Флоренс прошла по заснеженным зарослям папоротника к валуну, за которым, она знала, прятался отец.

— Генри! — позвала она. — Папа! Это Флоренс!

Она заметила, как над верхним краем валуна показались лоб и глаза Данбара.

— Это Флоренс, — повторила она.

Данбар постепенно появился из-за камня, его седые волосы спутались и загрязнились, изможденное лицо покрыто щетиной, пальто перепачкано грязью, в правой руке угрожающе застыл нож с открытым лезвием. Он с изумлением глядел на Флоренс, не зная, как объяснить ее появление здесь.

— Я искала тебя, — сказала Флоренс.

Не выпуская ножа, он опустил руку.

— После всего, что я сделал, — тихо проговорил он.

— После всего, через что ты прошел, — поправила она.

Флоренс сделала несколько шагов, пока не приблизилась к отцу на расстояние вытянутой руки.

— Нам надо забрать и Саймона, — произнес Данбар, и на глазах у него показались слезы. — С

ним очень скверно обошлись, и нам надо ему помочь.

— Конечно, — сказал Флоренс. — А где он?

— Точно не могу сказать… У меня все путается в голове, еще хуже, чем прежде. Он был здесь несколько минут назад.

— Вернись с нами, а полиция найдет Саймона, — предложила Флоренс.

— Мы не можем позволить ему умереть, — с рыданием вскричал Данбар. — Ты должна его найти!

— Мы найдем его! Не волнуйся.

— Я очень волновался!

— Я знаю, папа, — проговорила Флоренс, — но теперь все в порядке.

Выронив нож, Данбар шагнул вперед и положил обе руки на плечи дочери.

— У нас есть для тебя носилки, — сказала она.

— Думаю, я смогу идти сам, если ты мне поможешь.

Флоренс рукой обвила отца за талию, а он обнял ее за плечо, и они, осторожно ступая по холмикам снега и приминая коричневые зонтики зимнего папоротника, направились к ожидающим неподалеку вертолетам.

13

— Он уснул, — сообщил Крис, выйдя из личной спальни Данбара в основной салон авиалайнера. — Доктор говорит, он с радостью отправится с нами в Лондон, но его паспорт остался в Кезвике, поэтому он не сможет вылететь в Нью-Йорк. Он считает, что Генри в сносной физической форме, учитывая, какие испытания выпали на его долю, но у него явное расстройство психики.

— Ну, конечно, ему нужно отоспаться, — сказала Флоренс. — А нам обязательно лететь через Лондон?

— Поверь мне, — твердо заявил Уилсон, — я все тщательно взвесил. Я уговорил поверенных прилететь в аэропорт Фарнборо, так что Генри даже не придется вставать с кровати. Есть ряд юридических вещей, которые нам нужно оформить быстро, — и тогда нам будет обеспечено существенное преимущество перед твоими сестрами. Потом он сможет опять поспать. Полчаса его времени спасут компанию, которую он строил в течение полувека. Твои сестры — прожженные преступницы. Полиция хочет допросить их по

делу о самоубийстве комика Питера Уокера.

— О боже! — воскликнула Флоренс. — Он покончил с собой? Но он же был под наблюдением.

— Ему удалось повеситься в душевой, — пояснил Крис. — Он выдрал кабель из телевизора и обмотал его вокруг пояса.

— Способ всегда найдется, — вздохнул Уилсон, — было бы желание. Мы вот что задумали. Мы попросили наших адвокатов встретиться с нами в Лондоне, чтобы искусственно создать конфликт интересов с твоими сестрами. Если мы попросим контору Брэггса возбудить дело против Меган и Эбигейл по обвинению в сговоре с доктором Бобом с целью запереть твоего отца в Медоумиде, тогда Брэггс не сможет представлять твоих сестер в деле о самоубийстве Уокера, так как я выставил Уокера другом, который помогал твоему отцу сбежать из лечебницы. Когда возникает конфликт интересов у двух сторон тяжбы, то та сторона, которая первой наняла адвокатов, вправе воспрепятствовать тому, чтобы та же адвокатская контора представляла противную сторону в другом деле.

— А что, если Меган и Эбби уже с ними договорились? — встревожилась Флоренс.

— Не договорились. И уже не смогут догово-

риться. Я направил Брэггсу предварительный запрос.

— Хорошо, если ты уже об этом позаботился, то какой нам смысл лететь в Лондон?

— Остаются кое-какие документы, — объяснил Уилсон, — которые хранятся в Лондоне: завещание, касающееся всего его имущества, помимо «Траста», которое можно изменить в твою пользу. «Траст» зарегистрирован в штате Делавэр, но в силу исторических причин Данбар составил свое личное завещание здесь.

— Мне не нужно его имущество. Я просто хочу, чтобы он поправился, — нахмурилась Флоренс. — Во всяком случае, вряд ли адвокаты смогут что-то изменить, когда он находится в таком состоянии.

— Вот именно! — обрадовался Уилсон. — Это же ситуация, когда все в выигрыше! Если мы получим то, что, как они думают, нам так хочется получить, нам это пойдет только на пользу. Мы сможем изменить завещание и оформить на тебя доверенность, но если контора Брэггса откажется нам ее выдать, мы будем настаивать на оформлении бумаги, по которой Данбар объявляется невменяемым. И мы используем эту бумагу для оспаривания его дееспособности, во-первых, при

отказе от своих полномочий, а если выяснится, что он был вменяем и дееспособен, то мы спросим, зачем его поместили в психиатрическую клинику. Иными словами, я подниму шум и тем самым выиграю время, чтобы он окончательно пришел в себя. У меня есть союзники в совете, которые будут настаивать, чтобы и я пришел на общее собрание с этим документом.

— То есть на самом деле нам и не нужно того, чего мы просим?

— В том-то и прелесть этой партии — мы выигрываем при любом исходе игры.

— На полчаса? — уточнила Флоренс.

— Больше не потребуется. Все документы подготовлены, и к нам прибудет вся команда: старший партнер, свидетели и очень толковый американский адвокат, который поможет избежать подводных камней международного права: британская доверенность недействительна в Штатах, поэтому он подготовил ее американский вариант. После этого Генри может спать хоть десять часов кряду и проснуться в Нью-Йорке, где будет все еще вечер вторника. Так что перед заседанием у него останется целых две ночи для сна.

— Ладно, так и сделаем, — согласилась Флоренс.

— Мне сказать пилоту, что мы готовы к взлету? — спросил Крис.

— Давай! — кивнула Флоренс. — А я посижу с отцом во время полета — на тот случай, если он проснется.

Она вошла в спальню Данбара. Врач стоял у кровати, скрестив на груди руки.

— Привет! — обратился он к ней вполголоса. — Он уснул. Прием горячей пищи его утомил, что неудивительно: он же провел долгие часы без сна. Полагаю, вы хотите побыть с ним?

— Да, — ответила Флоренс. — Кстати, вы можете выбрать кресло в салоне — мы скоро вылетаем.

Она прилегла на кровать рядом с отцом, приготовившись его успокаивать, если при взлете он проснется от рева двигателей. Лайнер пробежал по взлетной полосе и резко набрал высоту над Манчестером. Когда он лег на курс, Флоренс села, поджав ноги, прижавшись копчиком к мягкой подушке и привалившись затылком к серому кожаному изголовью. Она взглянула на лицо отца и вдруг поняла, что никогда еще не смотрела на него сверху. В ее представлении он всегда возвышался над всеми. Однажды, когда он болел, она прилетела проведать его в Лос-Анджелес и там почти сразу, почти инстинктивно, присела

на стул рядом с его высокой кроватью, как бы восстанавливая естественный порядок вещей — глядя снизу вверх на него, утопающего в подушках. Ей запомнилось, как — тогда ей было четыре или пять, — на веранде в доме на озере он засыпал, вытянувшись на софе, с раскрытой книгой на груди, а она тихо подкрадывалась и нежно поглаживала его по щеке, пока мать шепотом не приказывала ей уйти и не мешать папе спать. А теперь его спутанные седые волосы были длиннее обычного, а всегда чисто выбритый подбородок покрывала трехдневная щетина. Он сильно исхудал и выглядел дряхлым стариком: морщины на лбу и вокруг глаз, обвислые щеки исчерчены глубокими бороздами. Ей почти не удалось поговорить с ним после того, как несколько часов назад она вывела его со склона голой горы. Оказавшись в вертолете, отец отказался надеть наушники с микрофоном — он даже отпрянул от них, обхватив голову, точно ему предложили поместить ее в тиски или в иной пыточный инструмент. Она решила лететь на вертолете прямо в манчестерский аэропорт, отправив туда Марка и Уилсона с багажом на машине. Хотя на протяжении всего полета он что-то бубнил себе под нос, Флоренс не разобрала ни слова, а он не

мог слышать ее переговоров с Крисом и пилотом, чему она была даже рада, потому что она просила приземлиться позади ее самолета, чтобы отец не смог заметить «Глобал-один» вдалеке. Ее самолет стоял в самом дальнем конце перрона, но огромный «боинг» Данбара был заметен из любой точки, только если его не загораживал какой-то другой самолет. «Глобал-один» всегда был любимой игрушкой отца. Для него он был вторым домом, домом без точного адреса, декорированным по его вкусу, и в его изумительной библиотеке, отделанной деревянными панелями, с бледно-золотым персидским ковром на полу, красовались натюрморты Шардена и Уильяма Николсона[34] между книжных полок. А в детстве больше всего ее изумляла турецкая баня, где она любила разглядывать оранжевые, зеленые и черные кафельные узоры на стенах и лавки, вечно тонувшие в клубах пара, не забывая, что самолет в этот момент летит на высоте десяти километров над ледниками Гренландии или над пустыней Нью-Мексико. Флоренс решила, что при виде своего старого самолета и не имея возможности

[34] Примечания: 34

Шарден Жан-Батист (1699–1779) — французский живописец, мастер натюрморта и бытовых сцен. Николсон Уильям (1872–1949) — английский живописец и график.

попасть на его борт, отец переживет приступ отчаяния и страданий, но когда его благополучно разместили в ее арендованном «гольфстриме», она даже удивилась: ну и какая разница! Возможно, она просто старалась уберечь его от новых переживаний, которых он и так уже натерпелся сверх всякой меры. Похоже, он был невероятно ошеломлен, просто оказавшись в салоне самолета. Он без конца спрашивал, удалось ли им найти Саймона и добрался ли Питер до Лондона. Она еще не знала, что Питера уже нет в живых, но и не говорила, что он в Медоумиде, потому что отец рвался с ним встретиться. А когда она поинтересовалась, кто такой Саймон, старик только и смог сказать, что это религиозный человек, спасший ему жизнь, и они должны убедиться, что с ним все в порядке, и «включить его в зарплатную ведомость». Казалось, он принимал Флоренс за благодетельницу, нашедшую его на горе, где он заблудился, а если и понимал, какие их связывают родственные узы, то попросту забывал, что это такое.

Взволнованное бормотание Данбара о судьбе двух людей, которые помогли ему бежать, сменилось другими эмоциями, когда спустя час Уилсон и Марк подъехали на машине к самоле-

ту. Старик уставился на Уилсона с выражением неуверенной сосредоточенности, пытаясь припомнить, где он видел это лицо, потом в голове у него мелькнула догадка, которую он сразу же отбросил как слишком невероятную.

Марк же вызвал мгновенную реакцию — приступ ярости.

— Ты! Ты! — завопил Данбар, тыча пальцем в своего щеголеватого и тучного зятя. — Нет! Только не ты! Выведите его отсюда! Он устроил заговор против меня и упрятал меня под замок! Ты не заставишь меня туда вернуться! — И с этими словами он выпрыгнул из кресла и, с удивительным проворством ринувшись по проходу, заперся в одной из спален.

Уилсон и Флоренс без колебаний попросили Марка вернуться в Нью-Йорк на другом самолете. У Флоренс возникло впечатление, что Марк больше огорошен перспективой лететь регулярным рейсом, нежели реакцией ее отца на его приезд в аэропорт.

— Ну, разумеется, — заявил он, маскируя за привычной учтивостью плохо скрываемое раздражение. — Генри, похоже, находится в до предела расстроенных чувствах, бедняга. Я надеюсь, вы четко обрисуете ему мою истинную

роль в событиях и объясните, что я оказался здесь исключительно по причине моего твердого неприятия помещения его в лечебницу.

Пока доктор колдовал над Данбаром, пуская в ход то стетоскоп, то тонометр, то фонарик и неврологический молоточек, старик впал в прострацию, словно смотрел на экран в своей голове, на который проецировался фильм с увлекательным сюжетом. Флоренс чувствовала, что и самолет, и их мудреные планы, и люди вокруг отца не совсем выпали из зоны его внимания, но, словно светящиеся указатели ВЫХОД в темном кинозале, они не могли даже сравниться по степени увлекательности с этим невидимым фильмом в его сознании. Поев куриного супа с хлебом, он почти немедленно уснул.

Сидя рядом с отцом и положив руку ему на плечо, Флоренс чувствовала облегчение оттого, что он теперь под ее защитой, хотя ее беспокоила мысль, что человек, с которым она мечтала воссоединиться, возможно, никогда больше не вернется из ссылки в мир галлюцинаций, куда его ввергли старшие дочери. Она забралась в камбрийскую глушь, чтобы вернуть отца, но она понятия не имела, как вернуть его из глухих глубин души. Ничто в его восхождении к

вершинам власти не подготовило его к испытаниям последних недель, и в частности, к тяготам последних дней, когда, кажется, его сознание придавило непомерное бремя знания, которое он не смог осмыслить. Так наводнение, хлынувшее на плоскую каменистую равнину, где не нашлось ни склона, куда бы мог устремиться поток, ни почвы, куда бы могла впитаться вода, смывает все живое, не породив взамен никакой новой жизни. И как же достучаться до него посреди безжизненной водной пустыни?

Когда при заходе на посадку над Лондоном самолет попал в зону турбулентности, Данбар нахмурился во сне и приоткрыл глаза. Он взглянул на Флоренс с недоверием, граничащим с отвращением.

— Тебе говорили, что ты очень похожа на мою младшую дочь? — спросил он, неожиданно четко выговаривая слова, что было удивительно, если учесть, в каком состоянии он находился перед тем, как уснуть.

— Я твоя дочь, — произнесла она. — Я Флоренс.

— Нет, — возразил Данбар, — ты не можешь быть моей дочерью. Но ты и правда на нее очень похожа.

Он поднял руки и, как ей показалось, сжал ла-

донями воздух вокруг своей головы.

— У меня сложности, — сообщил он, ощупывая пальцами пустоту, словно намеревался определить степень ущерба, — с приведением своих мыслей в порядок.

— Да, — кивнула Флоренс.

— Если тебе нельзя шагать по щелям между камней на мостовой, но больше шагать тебе негде… — он осекся, и его пальцы продолжали ощупывать воздух — так слепой изучает лицо незнакомца, — …и ты должен любой ценой избежать того, что происходит!

— Я понимаю, — произнесла Флоренс. — Но теперь ты в безопасности.

— В безопасности? — язвительно переспросил Данбар. — Если ты так думаешь, то ты дура! Жизнь — это постоянное падение, и как только ты это понимаешь, это падение уже не прервать. Ты понимаешь, о чем я? Нет твердой поверхности, тебе не на что упасть…

Флоренс интуитивно чувствовала, что он имеет в виду, но не знала, как на это реагировать. Вообще бессмысленно пытаться убедить человека в ошибочности его убеждения, а в случае с его убеждением, что ни в какой он не безопасности, заверение в обратном он воспримет как лишнее,

пускай и завуалированное, подтверждение его правоты. Его голова, похоже, чуть прояснилась после еды и отдыха, но это прояснение ума просто помогло старику чуть четче описать испытываемое им замешательство и отчаяние. Ей ничего не оставалось, кроме как сидеть возле него и терпеливо ждать, когда ему станет лучше.

— Это еще что? — спросил Данбар, почувствовав легкий толчок при приземлении самолета.

— Мы прилетели в Лондон, — объяснила Флоренс.

— А Питер тут? — с тревогой спросил Данбар.

— Нет, он остался в Камбрии, — успокоила его Флоренс.

— Вот дуралей! — насупился Данбар. — Мы же собирались отправиться в Рим пить негрони! Он сам предложил — среди знаменитых на весь мир руин! Он помог мне сбежать из тюрьмы. Нам надо включить его в зарплатную ведомость!

— Обязательно, папа! — Флоренс встала с кровати. Надо было подготовить отца к визиту гостей, которые скоро сюда подъедут. Она сочла, что ей не стоит присутствовать в момент подписания завещания, которое будет изменено в ее пользу. Это могло бы показаться тонкой формой вымогательства, к тому же команда юристов, которую

описал Уилсон, едва ли уместится в спальне отца, даже если ее тут не будет.

— Как ты меня назвала? — встрепенулся Данбар. — Ты — Флоренс… так?

— Да! — отозвалась Флоренс.

— Я везде тебя искал! — Данбар раскрыл ей объятия.

Флоренс обошла кровать и, встав возле изголовья на колени, поцеловала отца в обе щеки. Он протянул к ней руку и осторожно тронул пальцами ее макушку.

— Ты сможешь меня простить? — спросил он. — За то, что я отверг тебя и все отдал этим двум чудовищам? Я был гордецом и тираном, а хуже всего, глупцом!

Флоренс подняла взгляд и увидела, что лицо отца мокрое от слез.

— Ну, конечно, конечно, — сказала она, — это я была гордячкой. Мне давно надо было самой сделать первый шаг!

— Нет, — уверенно произнес Данбар, — это все мой мерзкий характер, из-за которого и случился весь этот кошмар, и еще моя привычка повелевать. Ха! — Его короткий выкрик был исполнен разочарования. — Я теперь не могу даже повелевать — иногда, когда я дохожу до конца мысли, я

забываю ее начало!

— Ну, мы больше никогда не будем ссориться. — Целуя отца в лоб, Флоренс припала головой к его груди.

— Больше никогда, — повторил Данбар, нежно сжав ее лицо обеими ладонями. — Моя милая Кэтрин, — добавил он, недоверчиво качая головой. — Я думал, что потерял тебя, но ты жива!

14

Пребывая после успеха Флоренс в замешательстве и унынии, Меган переживала один из тех редких моментов в жизни, когда она пожалела, что ее муж внезапно умер в прошлом году. С Виктором Алленом она познакомилась в ту пору, когда бурная карьера на Уолл-стрит уже принесла ему кличку Бешеный пес; в последние десять лет их брака его реноме повысилось до Мерзкого гаденыша. Ни одна крупная сделка — даже те, о которых Виктор не знал ни сном ни духом, — не совершалась без вопроса: «А что об этом говорит Мерзкий гаденыш?» — тревожно звучащего в конференц-залах по всему миру. Он страшно гордился этим прозвищем, которое кому-то могло показаться банальной и невнятной характеристикой, применимой к любому из его коллег, и превратил его в свой почетный титул. В мире, где к его соперникам приклеивались такие клички, как Дарт Вейдер, или лорд Саурон, или Волан-де-Морт, Виктор расценивал свое прозвище как метку истинной значимости, ведь оно состояло из двух простых и понятных

английских слов, без каких-либо жеманных намеков на детскую развлекуху. Говоря в общем, это был человек, которого веселили оскорбления точно так же, как раздражали похвалы, которые он расценивал либо как «ослепляющую констатацию очевидного», либо как троянского коня, имеющего целью вытрясти из него деньги. Было весьма затруднительно назвать конкретную сделку или инновацию, за которую он заслужил обожаемый им титул: он использовал вполне легальные дыры в налоговом законодательстве, а его страсть к созданию колоссальных долгов с помощью изощренных и коварных финансовых инструментов, как и его готовность растерзать в пух и прах любую старую успешную компанию, кормившую целый район и десятки тысяч семей, только ради того, чтобы кучка инвесторов могла несказанно обогатиться, в сущности могла удивить кого-то на Уолл-стрит не более, чем свежий хлеб в булочной, но размах его операций, масштаб его лицемерия и степень его сарказма и самодовольства показывали, что, подобно марафонцу, который копит силы для мощного спурта в конце трассы, он сумел оторваться от суетливой оравы прочих мерзких гаденышей и пересек финишную линию, опередив всех своих

соперников.

Ах, если бы он был рядом или, что лучше, если бы он вернулся с того света на недельку, как специальный гость-звезда в популярном телевизионном сериале, а потом бы сгинул снова. Меган было нелегко произносить хвалебные речи на похоронах Виктора, дабы оправдать свой новый статус очень важной вдовы, но теперь она могла бы написать оду по такому скорбному случаю. Пока Хесус трудился над ней, стараясь довести до оргазма, она начала мысленно сочинять первую строку: «О, Виктор, должен жить ты в сей момент!» Это был надежный традиционный зачин…[35] «Нам яд твой нужен и твой долг…» Она не смогла быстро подобрать рифму к слову «долг», но в любом случае сочинить эту оду ее вдохновила уверенность в том, что Виктор наверняка смог бы придумать какой-нибудь невероятный агрессивный или обходной маневр для гарантированной покупки «Данбар-Траста». Его старый партнер Дик Байлд крепко держал в своих руках все рычаги, но можно ли ему доверять и готов ли он пойти на необходимый риск? О, вот это да — просто очуметь! Хесусу наконец-то удалось

[35] Примечания: 35

Цитируется первая строка оды У. Вордсворта «Мильтон» («О Мильтон, должен бы ты жить в сей час!»).

привлечь ее внимание. Он, без сомнения, нашел лучшее применение своему языку, чем когда, лежа на соседней подушке, мурлыкал ей на ухо глупейшие комплименты, в очередной раз желая показать, что он не просто безжалостный убийца, но и застенчивый юноша, на кого благотворно повлияла нежная мексиканская матушка, что и так явствовало из его христианского имени, и это влияние смягчило его шершавый техасский выговор, доставшийся от жуткого папаши, который после армии водил грузовик, пил по-черному и вправлял сыну мозги ремнем. Она уже слышала эту скучнейшую историю.

Тут она поймала себя на мысли, что уже давным-давно не вздыхала. А пожалуй, стоит повздыхать и, может быть, даже постонать.

— Только не останавливайся, — задохнувшись, взмолилась она. — Пожалуйста, не останавливайся!

Если остановится, опять заговорит. В общем и целом, ей все нравилось и так, хотя ее подмывало визжать от досады и одновременно извиваться всем телом, притворяясь, будто она впала в эпилептически-сексуальный экстаз. Конечно, всегда надо быть готовой к внезапной встряске, но последние несколько часов немало ее поза-

бавили — это уж точно. Британская полиция, которой очень хотелось допросить всю ее команду о самоубийстве Питера Уокера, практически ухватила их за хвост, но «Глобал-один» ухитрился взлететь прямо у них перед носом. А опоздай они на несколько минут — и сидеть бы им сейчас в полицейском участке в какой-нибудь богом забытой глухомани. А тут еще и Брэггс как-то очень странно себя повел, заявив, что не может их представлять в суде из-за какого там конфликта интересов. Ясное дело, доктор Харрис, этот старый лис, оказался куда хитрее, чем показался на первый взгляд. Но в любом случае ее совесть чиста: каким образом, интересно, они могут быть виновны, если они находились далеко в ту минуту, когда этот законченный псих вешался в душевой. Но она не удивилась, что их в этом обвинили: все, кому не лень, вечно нападали на ее семью. С завистью ничего нельзя поделать, это же свойство человеческой природы, о чем еще мать предупреждала ее, когда маленькая Меган пошла в детский сад, но ужасно было видеть, как зависть поднимает свою уродливую башку вот в этот самый момент.

Флоренс, как всегда, была полным кошмаром. Им удалось избавиться от нее на целый год, но

вот она вернулась и стала вмешиваться в дела, в которых ни черта не понимала. Ну конечно, она взяла папу под свое крыло, как всегда это делала. Последней родилась, а всегда умудрялась быть при папе на первых ролях. И хотя всю жизнь Меган видела, как Флоренс постоянно была на виду и ничтоже сумняшеся монополизировала любовь их общего отца, при том, что ни одна из ее старших сестер не могла завоевать хотя бы капельку этой любви ни покорностью, ни лестью, ни попытками поддакивать папе во всем. Но теперь дело приняло серьезный оборот: они не могли позволить Флоренс снова стать папочкиной любимицей-малышкой. Теперь Флоренс встала между Меган и призом, ради которого они с Эбби трудились три года не покладая рук. Налопавшись отцовской любви, она была словно пасущаяся корова, которая забрела на железнодорожные пути как раз в тот момент, когда из-за поворота показался мчащийся на всех парах состав. И что касается Меган, последствия будут вполне предсказуемыми. Флоренс, разумеется, заявит, что ее внезапное возвращение продиктовано исключительно заботой об отце, но, во-первых, отец был помещен в отличную (и очень дорогую, между прочим) клинику, где

ему оказывалась профессиональная помощь по высшему разряду, а во-вторых, он же не какой-то полоумный старик, которого надо регулярно навещать в доме престарелых (что она со всей ответственностью намеревалась делать в свое время), а могучий символ, вокруг которого могут сплотиться всякого рода деятели с устаревшими и реакционными взглядами. Она и Эбигейл тайно окучивали не страдающих самодовольным лицемерием директоров, соблазняя их не вполне этичными стимулами проголосовать за предложение «Игл-Рока». Они не осмелились подкатиться с такими же посулами к старым союзникам Данбара и Уилсона, но с учетом их голосов и с учетом вхождения в совет директоров доктора Боба они рассчитывали заручиться поддержкой небольшого большинства, надеясь, что остальных директоров можно будет соблазнить весьма и весьма щедрым финансовым обеспечением заявки.

«Игл-Рок» предложит на пятнадцать процентов больше текущей котировки акций, неожиданно пролив на простых акционеров золотой дождь. Разумеется, было бы неправильно взваливать на бедный папин «Траст» неподъемное бремя нового долга: в конце концов, это была чрезмерная

задолженность, которая приведет к массовым увольнениям, срочной распродаже дочерних компаний и уничтожению старых прибыльных фирм. Другими словами, случится именно то, чего они и добивались. Они намеревались сделать из «Траста» небольшую компанию с малочисленным персоналом и эффективным менеджментом, и лет через пять, когда она обретет новое лицо, снова выставить ее на продажу. Если верить Дику Байлду, они с Эбби смогут заработать по 1,4 миллиарда каждая — что не так уж и много с учетом того, с какими сложностями им сейчас пришлось столкнуться, — но они же делают только то, что представляется вполне здравым с точки зрения бизнеса, и лучше пусть этим занимаются люди, которые искренне любят компанию, а не какие-то алчные чужаки. Нет, правда, беспокоиться не о чем. «Игл-Рок» выдвинул предельно ясное и финансово выгодное, юридически безукоризненное предложение о дружественном поглощении, и больше никто не заинтересуется покупкой «Данбар-Траста» по такой цене, коль скоро он профукал контракт на космическое вещание в Китае, который достался «Юникому».

— Боже, как же хорошо, — простонала она.

Ее пугало, как быстро она уставала от своих лю-

бовников. Еще вчера Хес казался ей таким обалденным, ее восхищало его молодое, блестящее от испарины тело, лихорадочно сосредоточенный взгляд, придававший ему сходство с сапером, торопящимся обезвредить ядерный заряд, — а на самом деле парень просто старался доставить ей наслаждение, которое волна за волной захлестывало ее тело. Но почему теперь он вызывал у нее чувство досады и разочарования? Не потому же, что в соседней комнате больше не было доктора Боба, и оттого ее уже не забавляло, как раньше, закатывать припадки с оглушительными воплями. Она же не была такой уж откровенной притворщицей, хотя ей доставляло некое мстительное удовольствие знать, что он находится за стеной, мучаясь ревностью или, по крайней мере, бессонницей. В мире, лучшем чем этот, Хес мог бы продержаться в ее любовниках несколько недель или просто находиться при ней в качестве запасного сексуального партнера, которым она бы пользовалась, когда ей это было удобно, но в нынешней напряженной ситуации придется попросить его об одолжении. У нее не было времени облечь свою просьбу в какую-то вычурную форму, кроме как представить ее в виде отчаянной необходимости. Ей придется пролить беззвучные,

но обильные слезы, под непритворным впечатлением от бремени необходимости попросить о чем-то столь противоестественном, но также интуитивно понимая, что Хес не сможет устоять перед ее слезами, так как в детстве часто видел, как отец распускал руки, и утешал избитую мать, горько плакавшую в углу их хибары. Хес согласится с приличествующей серьезностью, да еще и начнет разглагольствовать о том, что, на его взгляд, от нее требуется немалая отвага, чтобы принять такое жесткое решение. А она в ответ бросится ему на шею и крепко прижмется, отчего сумеет выжать из своих глаз еще пару слезинок прямо на его безволосую грудь. И в это мгновение полного покоя небольшая лужица влаги сформируется в ложбинке между его неотразимых грудных мышц. Меган невольно восхитилась своей педантичной режиссурой.

Но возможно, в этом-то и беда: теперь, когда она вообразила, как направит Хеса к цели, как самонаводящуюся ракету, ей казалось нелогичным, если не сказать опасным, продолжать общаться с ним. И все же она понимала, что этот взрыв эротического энтузиазма — лишь маленькая деталь в общей картине. Все ее любовники спали возле края берегового обрыва, который, казалось,

с каждым новым ее увлечением становился все ближе и ближе. Прекратится ли когда-нибудь процесс эрозии почвы? Или будет продолжаться до тех пор, пока утесистый берег не обвалится вместе с ней и она рухнет на груду исковерканных тел на каменистом пляже внизу?

Любовь — это, как ни крути, театр. И она была вечно недовольным режиссером спектакля, а одновременно и его примой, ради которой и была затеяна вся постановка. Если исполнителя главной мужской роли по какой бы то ни было причине увольняли, всегда под рукой имелся дублер, готовый занять его место. В сущности, никто больше в труппе и не имел значения. Не было никакой особой причины для их существования. Все они были ноли, помноженные на ноль. Она помнила единственный случай, ей тогда было лет десять, когда на уроке математики ее вдруг осенило: приставив нолик в конце любого числа, его можно удесятерить, а вот умножив любое, даже самое большое, число на ноль, его можно свести к нулю. Вот почему она привыкла считать того или иного человека «умноженным на ноль», а не «полным нулем», с учетом радикальной разницы в ролях, которые это гаденькое ничтожество играло в разных ситуациях.

В случае с Хесом их отношения обещали быть особенно пикантными, потому что после того, как он окажет ей эту маленькую услугу, отпадет необходимость его постоянного присутствия рядом с ней. Более того, к ее великому сожалению, Кевину, вероятно, придется устранить следы связи Хеса с ней. В просьбе об устранении следов есть одно неудобство: человек, устраняющий такие следы, сам становится следом. А кто же устранит устранителя? Было время — она никогда никому об этом не рассказывала, и даже наедине с собой всячески пыталась подавить это воспоминание, — когда она была способна взять инициативу на себя. Слава богу, то прегрешение было настолько гнусным, что пришлось уничтожить все улики. Она была тогда слишком молода и слишком безжалостна. Все дурные поступки, которые она совершила с тех пор, имели некий бытовой повод, но то деяние было актом ненависти — и ничем иным. Хотя ей потребовалось какое-то время все заранее подготовить, она действовала по сути импульсивно, в том смысле, что вспышка ее ненависти оказалась настолько мощной, что у нее не осталось ни секунды на обдумывание. Отчасти она до сих пор была немного шокирована тем, что совершила много лет назад,

и ей не хотелось об этом вспоминать. Ведь быть шокированной по поводу чего бы то ни было — это так наивно!

Рассудив, что, пожалуй, настала пора громко закричать, Меган начала задыхаться и напряглась всем телом. Ей было приятно ощущать голову Хеса, крепко зажатую между ее бедер, — она выгнула спину и крепче сдавила его голову. Она невольно подумала, что парень не лежал в такой позе со времен тренировочных поединков во время обучения в центре боевых искусств «зеленых беретов». Может, если она внезапно и достаточно сильно крутанет бедрами, ей удастся сломать ему шею и скинуть его обмякшее тело на пол. И она ощутила непреодолимое искушение так и поступить. Странно: она уже приготовилась симулировать бурный оргазм, но теперь по-настоящему сильно возбудилась от своей дурацкой фантазии.

— О боже! — воскликнула она, представив, с каким хрустом сломается его шея. — О боже…

Она крепче сжала бедра и привстала повыше. Достаточно будет одного простого движения — так отверткой завинчивают шуруп…

— О боже! Я конча-аю… — Тут у нее и впрямь перехватило дыхание, чему она искренне изу-

милась.

Хес рывком вскочил, подполз к ее все еще трепещущему телу и улегся рядом, осторожно массируя себе шею.

— Ну и сильные же у тебя бедра! — произнес он с восхищением.

— О Хес, да ты художник! — вымолвила Меган. — Не могу тебе передать, как ты меня вдохновил!

— Это потому что я вдохновлен тобой, querida[36], — с глупой улыбкой ответил Хес.

Его телячьи нежности и высокопарное признание тотчас вызвали у Меган раздражение.

— И знаешь, Хес, я так бурно не кончала…мм… со вчерашней ночи. — Она улыбнулась и поскребла ногтями его грудную клетку.

— Querida, я хочу держать тебя в своих объятиях всю ночь! — признался влюбленный воин.

— Так обними же меня, обними! — позволила Меган.

— Уж не знаю, может, это обычно для тебя, — продолжал Хес, — но я еще никогда не был влюблен!

— Это так мило с твоей стороны, — прошептала

---

[36] Примечания: 36
Querida — любимая (*исп.*).

Меган. — Конечно, для меня это необычно! Я просто голову теряю от этих сильных ощущений!

Она поцеловала его в грудь, ухитрилась выжать из глаза одинокую слезинку, которая после долгого путешествия по ее носу наконец достигла пункта назначения.

— Querida! — вскричал сверхчувствительный Хес, обезумев от вида женщины, которую он держал в объятиях, *его* женщины в слезах.

— Que passa?[37]

— О, ничего, — отважно ответила Меган.

Услышав свои мужественные слова, Меган преисполнилась жалости к себе и уронила еще одну драгоценную слезинку. Она изобразила эмоции с полным знанием «метода» — не зря же она два семестра отучилась в Институте Ли Страсберга[38], хотя так и не закончила. Она закрыла глаза и попыталась представить обуревавшие ее горести. Ну вот, стоило нащупать подходящую сексуальную фантазию, как она ее тут же лишилась. Меган понимала, что эту фантазию

---

[37] Примечания: 37

Que passa — зд.: Что с тобой? (*искаж. исп.*)

[38] Примечания: 38

Страсберг Ли (1901–1982) — знаменитый американский режиссер и педагог, разработавший «метод сценического мастерства» (или просто «метод») на основе системы Станиславского. Его Театральный институт был открыт в 1969 г. в Нью-Йорке.

нельзя так просто перенести на любого мужчину, потому что эта фантазия была накрепко связана с армейским прошлым Хеса, и с ее ощущением полного подчинения профессионального убийцы своей власти, и с восторгом от своей способности роковым образом обессилить мужчину, гордящегося собственной физической силой. Тем более важно быть с ним начеку и не попасться в ловушку Далилы, подумала Меган, забыв на время о цели своих ухищрений и обратившись к более простым расчетам: пускай наш Самсон остается прикованным к колоннам шантажа и будет готов обрушить здание ее жизни ей же на голову. Совершив свое дело, Хес должен будет уйти. И может быть, им еще удастся повторить сегодняшний подвиг. В конце концов, сегодня только вторник. Да, так и будет: разок сегодня вечером в городе и, может быть, еще разок перед завтраком. А потом она его отпустит. Ракета — идеальный пример умноженного нуля: она перестает существовать, как только поразит цель. Спасибо Марку — они на шаг опережают соперников. Оказавшись с ними на борту лайнера «Глобал-один», он сообщил немало полезных сведений, сэкономив им многие часы поисков. Его объяснения, что он делал в Манчестере, звучали совершенно неубе-

дительно, но после краткого флирта с врагами Марк явно понял, что его подлинные интересы связаны с действиями его жены. Он подслушал, что Флоренс планировала лишить обеих сестер имущества, не связанного с «Данбар-Трастом». Ненасытная стерва!

Все неудачи последних дней: и триумф Флоренс, нашедшей беглого отца и вознамерившейся отхватить всю его личную собственность; и вынужденное заклание пылкого любовника на алтаре высокой цели — полной победы над ненавистной сводной сестрой, и, главное, невыносимое бремя вечно быть сильной, и умной, и главной и всегда играть на опережение, — все это вдруг вызвало тот самый нервный срыв, который она силилась разыграть. Из ее глаз хлынули слезы, а содрогающееся от рыданий тело с новой силой прильнуло к своему заступнику. Однажды она попала на прием к психотерапевту, который вызвал у нее такое сильное раздражение, что она чуть не встала и не ушла. Он то и дело перебивал ее рассказы о, как ей казалось, забавных случаях из ее жизни, желая приоткрыть для него щелочку в тот мир, куда сам он никогда не будет допущен, употребляя при этом идиотские выражения вроде: «И как нам найти малышку Меган среди

гламурной толпы? Куда же она спряталась?» И вот неожиданно его голос и его глупейшие вопросы всплыли в ее памяти, заставив издать вопль неподдельного страдания.

Застигнутый врасплох, как то и планировала Меган, Хес беспомощно обнимал тело плачущей возлюбленной.

— Querida, прошу, — умолял он. — Я сделаю все, что захочешь, только перестань плакать. Расскажи, в чем дело.

Меган еще поплакала некоторое время, а потом села, достала бумажную салфетку из коробочки на тумбочке и высморкалась. Она положила голову Хесу на плечо и продолжала тихо плакать. Наконец она нашла малютку Меган, спрятавшуюся в кухонном шкафу, и когда заговорила, ее голос странным образом зазвучал как у испуганного недоверчивого ребенка.

— Все, что захочу? — шепотом переспросила она.

— Все, что захочешь, — подтвердил Хес. — Клянусь! Все, что угодно.

15

Когда самолет Флоренс приземлился в Нью-Йорке, все пассажиры пребывали в состоянии нервного напряжения и неуверенности — за исключением Данбара, который мирно спал: впервые за многие дни он мог наконец отдохнуть и впервые за многие недели почувствовать себя в безопасности. В Лондоне они встретились с Брэггсом и надлежащим образом подписали все необходимые бумаги, так что других дел у них пока не было. Флоренс решила дождаться, когда отец сам проснется, и отправила Криса и Уилсона в отель. Они уговорились встретиться в среду утром, чтобы обсудить стратегию совместных действий в последующие дни и действий Данбара по восстановлению Уилсона в должности личного поверенного. Если Крис и Уилсон мечтали вернуть контроль над компанией, то Флоренс разрывалась меж двух искушений: то ли отправиться с ними и помочь одержать заслуженную, хотя и сомнительную победу, то ли забрать отца к себе в Вайоминг и посвятить себя заботам о нем. Она не сомневалась, что сейчас ему лучше

не вернуть себе власть, а полностью отказаться от власти. Почему бы им просто не сесть на самолет, предоставив Крису и Уилсону возможность самим сражаться за справедливость? Зачем заставлять измученного отца пройти сквозь горнило новой корпоративной битвы?

Флоренс терпеливо ждала, сидя в салоне самолета. Она знала, что чартерная компания с радостью предоставит ей новую команду и, возможно, она успеет доставить отца к завтраку, а в своем доме она сумеет окружить его атмосферой любви и покоя. Она разместит его в гостевой комнате с большим камином, в котором будут уютно потрескивать поленья, и с широкими окнами, выходящими на безмолвные поля и заснеженные леса в объятиях далекой горной гряды — этот умиротворяющий пейзаж скорее исцелит его душу, нежели груды папок с графиками, юридическими справками и финансовыми отчетами. Но не ей решать. При том, что ее намерения диаметрально отличались от намерений ее сестер, она не могла действовать их методами. Она не могла просто похитить отца — даже ради его исцеления. Когда он окончательно проснется, нужно будет спросить его, что он намерен делать.

* * *

Полицейское расследование самоубийства Питера обеспокоило Эбби куда больше, чем она готова была признать на словах. Больше того, с нетерпением дожидаясь взлета «Глобал-один», она была на грани паники. Во время мучительной задержки она даже начала мысленно обвинять себя за несдержанность, заставившую ее щелкнуть той дурацкой зажигалкой и вызвать лавину всех этих международных сложностей, но когда лайнер набрал крейсерскую высоту где-то в небе над Ирландией, она с негодованием пришла к выводу, что трусоватый Уокер своим поведением сам напросился на наказание. И с ее стороны это был почти акт милосердия — поджечь его, дабы показать ему, что его страх сгореть в огне куда хуже, чем в реальности оказаться на несколько секунд объятым голубоватым пламенем, подобно запеченной Аляске[39] или рождественскому пудингу. Нормальный человек просто сбил бы с себя пламя или не дал бы себя поджечь, но Уокер был неврастеником, который зарабатывал на

[39] Примечания: 39

«Запеченная Аляска» — торт-безе с мороженым, который фламбируют перед подачей на стол.

жизнь отказом от собственного «я». И что можно ожидать от такого дегенерата?

Хотя выдвинутые против нее обвинения были смехотворны, сейчас важно выработать какую-то линию защиты. Самое главное — согласовать некую версию событий и упрямо ей придерживаться. Несмотря на то что ее младшая сестренка не скрывала своего увлечения новым наемником Кевина, было ясно, что Хесус обречен. Меган не могла пожертвовать доктором Бобом, который был без пяти минут очередной директор «Траста», и ей было проще пощадить Кевина, который был при ней уже много лет.

Итак, вот что произошло: вопреки их единодушным возражениям, Хесус поджег несчастного комика, правда, не причинил тому особого вреда, но да, проявил излишнюю ретивость, желая установить, правду ли говорил Питер. Его оправдывает то, что все они страшно переживали за своего престарелого отца, которому грозила неминуемая смерть в снежной глуши Камбрии, а его туда занесло по печальному стечению ряда обстоятельств: это и помутнение рассудка, и вопиющая некомпетентность персонала клиники Медоумид, и пагубное пристрастие Уокера к алкоголю. Если Хес — тут доктор Боб мог бы дать

показания, что Хесус страдал от посттравматического стресса после героической службы в Ираке и ошибочно принял Уокера за саддамовского боевика, неожиданно вспомнив о варварских пытках, которым он подвергся в багдадском подвале, — согласится исполнить свой общественный долг и провести пару лет за решеткой, то после освобождения его будут ждать несколько миллионов долларов в банке. Чем больше Эбби думала об этом, тем спокойней ей становилось на душе. Такого рода кризисные ситуации она обычно разруливала во сне, но сейчас все вышло из-под контроля из-за сложностей, связанных с приватизацией «Траста».

Ее всегда ободряли размышления о могуществе денег. Если уж уничтожение природы можно монетизировать в виде налога на эмиссию углерода и активной торговли эмиссионными квотами, то с чего она решила, будто нельзя найти финансового решения проблемы с самоубийством какого-то старого болвана? Просто она сейчас сильно стрессует. Когда все это закончится, ей непременно надо подарить себе месячишко на ранчо в каньоне, даже если для этого придется отложить приход весны.

* * *

— Ты все еще влюблен в нее? — спросил Уилсон.

— Угу, — кивнул Крис. — И конца этому не видно.

Машина свернула на Мэдисон-авеню и помчалась на север мимо вереницы магазинов, сиявших роскошными витринами в зимних сумерках. Крис уже скучал по Флоренс. Она всегда будет той женщиной, которую он любил безоговорочно: он любил ее, и она ему нравилась, он бы гордился ею, выходя с ней в свет, и был бы счастлив оставаться с ней дома, она его восхищала и одновременно умиротворяла. Последние несколько дней они провели друг с другом неразлучно, и хотя они договорились встретиться завтра утром, эта часть их путешествия завершилась. Сегодняшний вечер она проведет в своей квартире и очень скоро вернется к семье. Во время трансатлантического полета из Лондона, когда им выпала последняя возможность поговорить по душам, они поблагодарили друг друга за взаимную сдержанность, причем сделали это со смехом и сожалением, показавшим, как близко они подошли к искушению выйти за рамки при-

личий. Но согласившись с ней, что они поступили мудро, он лишь возжелал ее еще сильнее, чем раньше. Крис счел, что они заслужили поцелуй в качестве награды за самоконтроль, выказанный ими хотя бы в том, что они до сих пор еще ни разу не поцеловались. Да если учесть их безупречно благопристойное поведение, они вообще могли бы уединиться в ее спальне и наделать кучу детей. Если желание поступать хорошо их так смущало и причиняло им столько страданий, отчего же тогда не поступить скверно? Как-то так получилось, что он ощущал лишь острую боль их разрыва, но не радость от их новой встречи.

— Я думаю, что отчасти эта новая волна любви связана с ее недоступностью, — объяснял Крис. — Когда мы жили вместе, мы ведь ссорились каждые несколько месяцев.

— А иногда казалось, что каждые несколько часов, — поправил Уилсон. — Помню, мы с Генри как-то уехали в Китай, а когда вернулись, с удивлением констатировали: ты смотри-ка, дети все еще вместе. А выяснилось, что, пока нас не было, вы таки успели разругаться и снова помириться.

— Верно, — согласился Крис. — Но теперь все по-другому.

Он замолчал и подумал о грустной иронии

и бессмысленности поддерживать хорошие отношения с бывшей возлюбленной — ныне счастливой женой и матерью двух детей, у которой добрый обаятельный муж. У него от сердца отлегло, когда машина свернула на Семьдесят шестую улицу и остановилась у дверей отеля. Ему захотелось побыстрее утопить свою меланхолию в суете и хлопотах заселения в номер.

— Хотя кто ж его знает? — задумчиво произнес Крис.

Уилсон молча похлопал его по руке в знак солидарности.

Доктор Боб вымолил себе дозволение уехать из аэропорта отдельно от всех. Ему нужно было срочно переговорить со Стивом Когниченти. Он тщательно спланировал заранее даже этот звонок. Они уговорились созвониться в 23:15. У Стива как раз появится возможность уделить доктору Бобу минут пятнадцать: он будет возвращаться домой с ужина (на котором он присутствовал без жены), сидя на заднем сиденье лимузина, отгородившись от водителя стеклянной перегородкой. Прилетая в Нью-Йорк на «Глобал-один», доктор Боб обыкновенно ехал из аэропорта на корпоративном лимузине или, на крайний случай, заранее бронировал себе место в обычном

микроавтобусе-шаттле, который скорее напоминал транспортное средство для перевозки отряда морских пехотинцев по разбомбленным улицам Могадишо, нежели размалеванный фургон из документального фильма по истории рок-музыки, — к счастью, его соседи были озабочены своими делами и не обращали на него внимания.

Хотя ему удалось пару часиков подремать в самолете, он за последнюю неделю так вымотался, что мечтал только об отдыхе. Если повезет, по приезде домой он просто рухнет на кровать, проспит часов десять кряду, а утром взбодрится таблеткой. Возможно, в разговоре с Когниченти его язык будет заплетаться, но ведь ему надо было сообщить тому только одну важную новость: Данбар снова в игре.

Часы показывали еще только 23:02, но Стив отличался фанатичной пунктуальностью, и доктор Боб позволил себе прикрыть глаза и дать мозгам покой. Он не мог думать ни о чем, о чем бы должен думать, что и хорошо, коль скоро он не в силах думать… За последнюю неделю он не переставая думал, думал… а теперь словно наткнулся на стену и оказался не в состоянии сформулировать ни одну мысль.

Черт! Наверное, он вырубился. Где это он? Он удивленно уставился на дешевенький пластиковый телефон, пищащий на черном кожаном сиденье рядом с ним. И тут вспомнил, что надо делать, и жадно схватил вибрирующую коробочку.

— Стив! — громко крикнул он в микрофон.

— Боб! Что с тобой? Ты заснул, что ли? Я уже собрался дать отбой.

— Нет, вовсе нет! — возразил доктор Боб. — Я только сел в машину, и мне пришлось доставать телефон из портфеля. Мы приземлились с небольшим опозданием.

И зачем я ему соврал, подумал доктор Боб. Врать так же виртуозно, как сестры Данбар, он не умел, полагая, что излишняя ложь только усиливает опасность ее разоблачения. В обычных обстоятельствах он бы признался, что заснул, но Когниченти сам создал вязкую атмосферу паранойи. Несмотря на все свое подчеркнутое дружелюбие, он производил впечатление человека, вечно выискивающего у собеседника слабые места, — так белый медведь простукивает лапой льдину в поисках притаившегося под ней детеныша котика.

— Как в Австрии? — поинтересовался Стив. — Вы поместили старика в надежную лечебницу,

которую охраняют доблестные эльзасцы?

— Ну, все вышло не так, как планировалось, — промямлил доктор Боб, сразу заняв круговую оборону и забеспокоившись, не потребует ли Когниченти назад свои деньги.

— Как это?

— Флоренс нашла отца раньше нас и привезла его сюда.

— Это же провал, Боб! — холодно произнес Стив. — Мы так не договаривались. Данбар — один из самых упрямых переговорщиков на свете, нам надо было от него избавиться. Он будет в состоянии присутствовать на собрании в четверг?

— Ни под каким видом! — поспешил заверить его доктор Боб. — Он заблудился в горах Озерного края во время бури, плутал там три дня, без еды и без сна. Удивительно, как он вообще остался жив. Марк Раш видел его сегодня утром, и он говорит, у старика полное расстройство психики, и физически он измотан. Жаль, что нам не удалось обеспечить его безопасность. Флоренс вызвала полицию…

— Меня не интересует, что там у вас случилось, — перебил Стив. — Я привык смотреть всегда в одном направлении: вперед! После на-

шего разговора уничтожь мобильный, который ты сейчас держишь в руке. Я сделаю то же самое со своим.

— Но как же я с тобой свяжусь?

— Никак. Поговорим после завершения сделки о переуступке «Траста». Вот тогда мы встретимся и отпразднуем!

— Ладно, — сказал доктор Боб, которому еще ни разу в жизни не приходилось слышать столь безрадостное обещание что-то с ним праздновать. Но прежде чем он придумал, как завершить разговор на дружественной ноте, связь оборвалась.

— Ну и черт с тобой! — буркнул он, опустил тонированное стекло справа и швырнул «юникомовский» мобильник через четыре полосы шоссе под колеса мчащихся автомобилей.

* * *

Подобно пловцу, выдувающему из трубки попавшую туда воду, чтобы восстановить спокойное ритмичное дыхание, Данбар стряхнул остатки неприятного сна: кабана преследовали псы и охотники, намереваясь загнать зверя до разрыва сердца. Он пришел в себя, когда смог услышать собственное тяжкое дыхание и догадаться, что это был только сон, но не вполне еще

пробудился и не понимал, где он находится. Его истерзанная душа ощущала лишь элементарные эмоции, а отключенное сознание еще не ориентировалось ни в пространстве, ни в цепочке событий. Каждый прилив страха, или желания, или надежды действовал на него словно сверхдоза снотворного, опрокидывающего его обратно в сон. Ему грезилось, что он пытается выбраться из бурного прибоя на каменистый берег, но неотвратимые волны раз за разом волокут его обратно, увлекая в открытое море. В какой-то момент сон отступил, сменившись полудремой. Острые прибрежные камни врезались в его голые ступни и ладони, пока он тщился увернуться из цепких объятий набегающих волн. Он ощущал уколы боли от порезов на коже, и когда он почти совсем вынырнул из глубин сна и нащупал твердую опору, вновь обретя способность рационального мышления, картина берегового прибоя потускнела и исчезла. Путаница в голове больше не принимала форму навязчивых видений. Он вспомнил, как недавно увидел Кэтрин, что, как он понимал, было галлюцинацией — если только он сам не умер, во что он, правда, не верил. Так что же, черт побери, с ним происходит?

Данбар открыл глаза. Он явно не умер, если

только смерть не идеальная копия жизни. Возможно, мертвецов удаляют с глаз долой, как скульптуры, погребенные в музеях, чтобы сохранить их там от любопытных толп и кислотных дождей, заменяя их копиями, которые потом возвышаются на площадях или обнаруживаются при раскопках древних городов. Все возможно на этих зыбких границах, но что эти границы разделяют: жизнь и смерть или здравомыслие и безумие? Он больше не понимал разницу между тайным и явным.

— Сюда! — позвал он тихо, не понимая, зовет ли он на помощь или приветствует боль. А потом крикнул погромче, потому что боль от незнания, что происходит, оказалась куда острее, чем ощущение того, что все пошло не так.

— Сюда!

Дверь отворилась, и в комнату вошла красивая молодая женщина. И недавнее прошлое Данбара, сокрытое сновиденьями и раздумьями, вдруг вернулось.

— Флоренс, — пробормотал он. — Это ты?

— Да, папа!

— Ты спасла меня, когда я заблудился.

Флоренс подошла и присела на край кровати рядом с отцом и, машинально протянув руку и

смахнув волосы с его лба, положила ладонь ему на щеку — так она всегда делала, когда кто-то из ее детей болел с высокой температурой. Данбар накрыл ее руку ладонью. Он так изголодался по нежности, что его глаза тотчас наполнились слезами.

— Мы прилетели на самолете в Лондон, — вспомнил он.

— Правильно. А теперь мы прилетели в Нью-Йорк.

— Нью-Йорк, — повторил Данбар, словно когда-то слышал об этом городе, но сам даже и не думал тут оказаться.

— Я ждала, пока ты проснешься, чтобы отвезти тебя в мою городскую квартиру, если хочешь, или… — Флоренс заколебалась, — мы можем поехать ко мне в Вайоминг. Ты же там еще не был, там очень уютно, и ландшафт очень красивый.

— Хватит с меня ландшафтов! — брюзгливо отрезал Данбар.

— Ты будешь им любоваться из безопасного места, — улыбнулась Флоренс, — ты там не заблудишься!

— Никаких ландшафтов! — твердо повторил Данбар. — Разве мне не надо ехать на собрание? Уилсон сказал, что будет собрание.

— Ты можешь поехать, только если захочешь. Теперь самое главное для тебя — отдых!

— Я уже отдохнул, — сказал Данбар, поднявшись с подушек. — Который час?

— Полтретьего ночи, сейчас среда, — ответила Флоренс, отчасти довольная, отчасти встревоженная тем, что к отцу вернулась привычная властность. — Все еще спят, кроме нас, так что нам ничего не остается, как отправиться домой.

Данбар бессильно рухнул на подушки, как будто ему скомандовали «вольно» после того, как он долго простоял по стойке «смирно».

— Делать нечего, — прошептал он, и слезы заструились по его морщинистым щекам. Эта фраза, казалось, на некоторое время высвободила его из мира страданий, но он не мог долго оставаться вне его.

— Ты сможешь меня простить? — спросил он. — Я пребывал в каком-то помутнении рассудка, не только в последнее время, но уже очень давно…

— Нечего прощать! — прервала она.

— Это очень важно! — Он сжал ее руку.

— Мы можем ехать прямо сейчас! Если это так важно, давай просто уедем и забудем о собрании.

— Но это тоже важно! — Данбар снова вернулся к себе прежнему. — Я не должен позволить твоим

сестрам завладеть «Трастом». Я хочу, чтобы он достался тебе и твоим детям.

— Нам и так хорошо, — возразила Флоренс. — У нас все есть.

— Все? — изумился Данбар. — Если у тебя есть все, тогда нам нечего делать.

Он словно любовался сиянием этих простых двух фраз, как человек, поднесший драгоценный камень к свету посмотреть, нет ли в нем скрытых изъянов, но потом, словно и не собирался вообще покупать этот камень, отрицательно помотал головой:

— Я не могу позволить, чтобы им все это сошло с рук!

— Их не переделаешь, — вздохнула Флоренс, — пусть они его заберут себе.

— Нет! — упрямо заявил Данбар. — Это мое наследие.

16

Было пять утра, когда Хесус пересек выложенный мраморными «шашками» холл особняка Меган, миновав презрительную мину полусонного ночного швейцара, мнящего, будто он все про всех знает, и не собиравшегося распахивать дверь перед нынешним «личным тренером» миссис Аллен.

Парк-авеню была объята сумерками и необычным для этого сезона теплом. Мимо проносились такси, но Хесу хотелось пройтись пешком, чтобы сосредоточиться на странном чувстве, как на дрожжах растущем в его душе. Он впервые в жизни был влюблен, по-настоящему влюблен. Ему хотелось полностью подчинить себя Меган, слиться с ней, стать продолжением ее воли. Он никогда не посвящал себя без остатка никому, с того самого времени, когда он был малым ребенком и, естественно, всем сердцем любил маму, но она вместо того, чтобы заботиться о нем, сама нуждалась в его защите и утешении. Разумеется, он сможет защитить Меган, будучи ее телохранителем, но по большому счету в его воображении

она рисовалась магической женщиной, о какой он всегда мечтал, женщиной, которая всегда будет заботиться о нем. Она пообещала, что они будут жить вместе, что ей нужно его постоянное присутствие рядом, потому что он давал ей чувство безопасности и в то же время радостного возбуждения — а об этом и мечтает всякая женщина! После того как он окажет ей «особую услугу», о которой она его попросила, она возьмет его с собой на Мауи, в «этот настоящий рай на Земле». Она показывала ему фотографии огромного белого дома на вершине гавайского холма с тропинкой, сбегающей к частному пляжу мимо манговых деревьев, с чьих веток можно срывать спелые плоды. И пока он разглядывал эти фотографии, в его голове прокручивался фильм, в котором он рисовал себе разные способы, как вызвать у нее безумное желание, но потом он выпрыгивал из своих порнографических фантазий, потому что их связь не сводилась только к сексу, их сковывала абсолютная связь, словно они двое были одним человеком. И теперь, когда он с ней был разлучен, у него возникло такое чувство, точно его дубасят, а он стоит со связанными руками. Они были созданы для того, чтобы быть вместе, постоянно. И он не мог позволить чему-либо

отвлечь его внимание от этого восхитительного ощущения. Все прочее можно передать в ведение сидящего у него внутри дисциплинированного сержанта, этого хладнокровного ублюдка, который выполняет приказы, не тратя время на размышления о том, что он делает. Если надо кому-то преподать жестокий урок, то он — самый подходящий учитель. Если надо какой-то стерве внушить страх божий, сержант сделает это как надо. Только прикажи! Нет проблем. Сказано — сделано.

* * *

Марк не особенно гордился своим поступком, но в целом его гордость, как солидный диверсифицированный портфель акций, могла с легкостью пережить обесценение частного пакета или позор частного инцидента. К тому же, что такого уж позорного в возвращении домой на борту семейного самолета? Да, ему было не по себе, когда из чартерного самолета Флоренс он прямехонько переметнулся во вражеский лагерь, но чем больше он об этом думал по дороге в Штаты, тем отчетливее осознавал, что он в сущности занимает положение нейтральной страны вроде Швейцарии, наблюдая со стороны, с неприязнью

и сожалением, но не желая никому победы, за битвой двух армий, которые так неумело сражаются друг с другом, в грязной низине, зажатой между неприступных гор его безразличия. И если что-то и вызывало у него большую неприязнь, чем обращение его жены с Данбаром, так это обращение Данбара с ним самим: он тыкал в него своим трясущимся пальцем и наградил целым букетом незаслуженных обвинений — причем на глазах у всех, на глазах у Уилсона и его жуткого неподкупного сыночка, который просто писает кипятком, мечтая заполучить Флоренс, которая на своем белокрылом самолетике торопится вернуться в семейный бизнес, спасая папулю и попутно прихватывая все его личные акции. Честно говоря, все это оскорбляло его вкус.

Марк сидел в обшитой деревянными панелями уютной столовой на втором этаже нью-йоркской квартиры, лакомясь салатом из тропических фруктов и запивая его кофе. Он попросил Мануэлу налить ему вторую чашку и обратился к свежим утренним газетам, аккуратно сложенным стопкой на столе. Как бы в конечном счете все ни повернулось, полный нейтралитет — вот лозунг дня! Может, он и заплатил за обратный авиабилет слишком высокую цену, дав жене

исчерпывающий отчет обо всем, что ему удалось выведать у Флоренс, но с этого дня, когда вот-вот грянет война не на жизнь, а на смерть, он перешвейцарит Швейцарию. Слава богу, он обедает сегодня с Минди. Она всегда внушала ему чувство уверенности в себе, в своих возможностях и своих принципах. Она не уставала напоминать ему, что род Рашей куда древнее Данбаров и останется на исторической сцене после того, как Данбары с нее сойдут.

Марк взял в руки «Уолл-стрит джорнэл», пролистал первые несколько страниц, пробежав по знакомым заголовкам о падении нефтяных цен и снижении котировок китайских акций, пока не остановился на статье, которая обещала привести новые аргументы в пользу разделяемого им взгляда, что правительство затягивает удавку на слабой шее американского бизнеса. Его страсть к материальному комфорту дополняла страсть к интеллектуальному комфорту, даже если она принимала форму негодования или, если до этого доходило, апокалипсического пессимизма по поводу вещей, до которых ему не было никакого дела, вроде все возрастающего давления на средний класс или сокращения площадей амазонских дождевых лесов со скоростью одной Бельгии в

год (или с такой скоростью таяли арктические льды?). Он усмехнулся, прочитав, что Бельгия стала мерилом экологической катастрофы, а в его детстве ее использовали как единицу площади отнятых сельскохозяйственных угодий (тогда это имело такой же пугающий эффект, как сегодня утрата ледяного покрова или джунглей) в Польше или Венгрии.

Сложив газету вдвое, чтобы ее было удобнее читать, Марк бросил взгляд на экран телевизора на стене столовой, настроенного на канал Блумберг, — звук он выключил, но включил бегущую строку телетекста. За спиной диктора появилось набранное аршинными буквами слово ДАНБАР. То, что он увидел, отвлекло его внимание от статьи про скандал вокруг избыточного государственного регулирования и вызвало эмоциональную бурю в душе, тотчас лишив его благодушия, на которое он настроился. «Юником» выдвинул агрессивное тендерное предложение о покупке пакета обыкновенных акций «Данбар-Траста», пообещав весьма внушительную премию, которая, как Марк быстро вычислил, могла составить около двадцати двух процентов, то есть существенно больше обычного предложения в районе двенадцати-пятнадцати процентов выше

текущей рыночной цены. Его стали обуревать противоречивые чувства. Еще несколько минут назад пятьсот тысяч акций Данбара, полученных им в качестве свадебного подарка от тестя, стоили двадцать три миллиона долларов, а теперь их потенциальная цена подскочила до двадцати восьми миллионов, но он смог бы заполучить эту пьянящую прибавку в пять миллионов, лишь беззастенчиво всадив нож в спину жены.

Сколько же денег достаточно для полного счастья? В его понимании этот вопрос был неразрешимой головоломкой, так как деньги, которыми он сейчас располагал, приятно щекотали нервы — и не более того. Он боялся потерять их, так и не испытав от них никакой радости. Одно было несомненно: если он планирует сбежать от Эбби без риска, что остаток его жизни будет либо очень недолгим, либо несчастным, то он не вправе требовать от семейки Данбаров большего. Если сложить его прочие активы и эти двадцать восемь «лимонов», он станет обладателем пятидесятимиллионного состояния. Он смутно помнил то время, когда такая сумма могла бы показаться ему очень и очень приличной, но пагубное влияние последних двадцати лет, прожитых бок о бок с миллиардерами, делало эту

сумму неестественно скромной.

А пошло оно все к черту! Лучше жить в хижине с любимой женщиной, чем во дворце с жуткой женой. Прощай, «Глобал-один»! Прощай, особняк на озере! Прощайте, угодья размером с Бельгию! Он убежит с Минди и будет вести с ней простую жизнь в Коннектикуте, или в Палм-Бич (вот где, имея каких-то пятьдесят «лимонов», и впрямь придется вести простую жизнь), или (одна безумная идея порождает другую) в Санта-Барбаре? Как же это будет здорово — жить с Минди на берегу океана, читать книги, которые он давно мечтал прочесть, путешествовать туда, куда он давно мечтал съездить, или возвращаться в любимые места, которые притягивают как магнит. Полежать у бассейна в отеле «Чиприани»[40] — тоже неплохо. «Один «Беллини» в руке стоит двух Беллини на стене!»[41] — как однажды сострил его отец, отказавшись покидать этот изумительный отель и тащиться по людным улицам Венеции то ли в музей, то ли в собор.

---

[40] Примечания: 40

«Чиприани» — фешенебельный пятизвездочный отель в Венеции с большим открытым бассейном.

[41] Примечания: 41

«Беллини» — знаменитый коктейль из игристого вина и персикового пюре, изобретенный в Венеции и названный в честь итальянского живописца венецианской школы Джованни Беллини (1430/1433–1516).

Но проблема в том, что тендерное предложение «Юникома» должно включать стандартные условия о необходимости приобрести контрольный пакет в кратчайшие сроки. Если он предложит свой пакет «Юникому», а те не смогут заключить сделку, Эбби все прознает и будет мстить ему всю оставшуюся жизнь. Так что мудрее было бы подождать и посмотреть, куда подует ветер. Он встречался с Когниченти раз или два — это был типичный человек-гриб [42] — и было бы очень рискованно вступать с ним в прямой контакт. Простейший способ узнать о том, как продвигаются дела у «Юникома», — подкатиться к Эбби в трудную для нее минуту и выразить возмущение по поводу вопиющего пиратства Когниченти, а главное, выведать, насколько тот близок к успеху. Да это же просто подарок судьбы — оказаться тем человеком, который бросил свой пакет акций на весы и склонил их чашу в нужную сторону, человеком, который уничтожил «Данбар-Траст»!

* * *

Шок, испытанный Уилсоном в связи с внезап-

---

[42] Примечания: 42

Персонаж популярных видеоигр — грибообразный чудак, ведущий жизнь затворника.

ным увольнением после сорока лет руководства юридическим отделом Данбара, можно сказать, был легким испугом по сравнению с тем ужасом, охватившим сейчас его, когда он уже не отвечал за юридическую защиту «Траста», против которого «Юником» развернул операцию по недружественному поглощению. Если раньше Уилсоном владели обида и неприязнь, то теперь их затмило искреннее сочувствие к старому другу, затянутому в водоворот битвы с враждебными силами, и это сочувствие лишь подкреплялось неотступным ощущением тревоги.

Чем он мог помочь Данбару? Он даже начал набрасывать список факторов, которые могли бы повлиять на исход битвы, но чем длиннее этот список становился, тем острее опытный юрист понимал, что не в силах ответить на основополагающий вопрос: для кого он составляет этот список? Флоренс и Генри не имели возможности применить его на практике, Эбигейл и Меган не должны были его получить, а юридическому отделу, который он возглавлял до недавних пор, было запрещено делиться с ним какой-либо информацией или посвящать его в текущие дела компании. В сущности, огромная компания утратила лидера: по сравнению с Данбаром все

топ-менеджеры были самозванцами, но и сам Данбар теперь был по сути самозванцем, которого пугали, казалось бы, знакомые ему вещи и который лишился всех рычагов, некогда позволивших ему выстроить свою империю. Данбар всегда воспринимал свои эмоции как дочернюю компанию «Траста»: для него это было нечто, чем можно было управлять с помощью переговоров и материальных стимулов или наказаний и отставок. А теперь все перевернулось с ног на голову: он мог предложить бизнесу только эмоциональный хаос в своей душе. Единственным человеком, способным спасти бизнес, был он, сам нуждающийся в спасении. И все же совет директоров мог его поддержать — если только на завтрашнем собрании старику удастся более-менее сохранить убедительность доводов и связность мыслей. Его отречение от власти, его странные приступы безумия в Лондоне, его заточение в лечебнице и его бегство, похоже, вызвали в его душе революцию, которая в конечном итоге могла бы оказать благотворное воздействие на его сознание, но в условиях нынешнего кризиса обернулась бы катастрофой.

Уилсон продолжал составлять свой список, чтобы и себя успокоить, и нащупать возможные

тактические ходы. Еще важную роль играло антимонопольное законодательство. Надо будет сразу же подать жалобу в Федеральную торговую комиссию[43] и в министерство юстиции с изложением потенциального ущерба для конкуренции на рынке, который возникнет, если крупная медиакомпания «Юником» поглотит такую же крупную медиакомпанию, как «Данбар». Он провел черту на желтой странице блокнота, обозначив очередной пункт, и написал одно слово: «Инсайдер». Это была маловероятная ошибка, но вряд ли стоит преуменьшать степень алчности и небрежности людей, торопящихся сорвать хороший куш. Может быть, есть кто-то в ближнем кругу Когниченти или какая-то нефтяная компания, которые могли приобрести пакет акций «Данбар-Траста» в надежде на резкий взлет их стоимости, который непременно последует после обнародования тендерного предложения? Этот вопрос естественным образом вел к двум следующим пунктам в списке, которые он записал: «Непреднамеренное публичное предло-

[43] Примечания: 43

Федеральная торговая комиссия — правительственная организация, надзирающая за соблюдением прав потребителей и антимонопольного законодательства США.

жение»[44] и «Заинтересованная сторона». Что, если «Юником» в течение длительного периода тайно скупал акции или делал это через третьих лиц, чтобы сегодня выступить с ними единым фронтом?

Но сколько бы он ни размышлял над всеми возможностями, его уверенность подрывало незнание точной цели его усилий. Если Данбар и Флоренс не смогут отстоять «Траст», тогда единственный успешный вариант — это поддержать попытки Эбигейл и Меган заполучить власть в компании и полномочия по защите интересов сотрудников и активов «Данбар-Траста» от враждебного поглощения, чего Уилсон всеми силами стремился избежать. Он вел сражение на двух фронтах сразу, вынужденный смириться с тем, что, возможно, придется вступить в альянс с одним из врагов. В других обстоятельствах Уилсон был бы рад сыграть партию в живые шахматы, но вместо радости от ощущения ясности мысли и своей способности опережать противника на несколько ходов его вдруг охватило чувство грусти и утраты.

---

[44] Примечания: 44

Непреднамеренное публичное предложение — фактический сговор между эмитентом акций и их держателем о выкупе эмитентом своих ценных бумаг.

Он бросил ручку на блокнот и, откинувшись на спинку кресла, уставился на пучок засохших цветов в камине гостиничного люкса. Он вспомнил, как в первый раз встретился с Генри Данбаром в Игл-Роке, его старом доме в Бридл-Пате, где тот жил с первой женой. Уилсону тогда было всего двадцать девять. Старший партнер юридической фирмы, которая вела все дела Данбара, был тогда в отъезде и, дабы спасти свои личные планы на уикенд — как выяснилось позднее, это было ошибочное для него решение, — попросил Уилсона заменить его на встрече с важным клиентом. Горничная, отворившая ему дверь, провела его через весь дом на террасу, выходившую на лужайку сада. Данбар пытался организовать семейный бейсбольный матч. Эбби и Меган, тогда еще совсем девчонки, явно скучали, но повиновались отцу, а их мать, уже сильно подшофе, в ярко-желтых брючках и с зажженной сигаретой в руке, стоя у кромки импровизированного поля, громко отпускала насмешливые комментарии. Данбар заметил Уилсона, и не клеившаяся игра сразу прервалась, когда он зашагал через лужайку поприветствовать гостя, и Уилсон с первого взгляда понял, что Данбар обожает что-то организовывать, состязаться, проявлять инициативу, даже

шутливо играя с дочками, вопреки их желанию, в выходной день. Он обладал феноменальной физической энергией, из-за чего любое общение с ним превращалось в неотложную и крайне рискованную авантюру. Данбара, которого в ту пору окружала аура нереализованных амбиций, больше впечатляло то, чего люди стремились добиться, нежели то, чего они уже достигли, и, проведя несколько часов с Уилсоном, он предложил тому бросить свою фирму и возглавить будущую команду юристов, которым предстояло вывести его компанию на биржу. Почему-то Данбар сразу же завоевал его полное доверие и вдохновил на ту степень преданности, которую он был готов проявлять потом даже в выходные дни. Уилсон рискнул уйти из фирмы и забрать их крупного клиента. Он понял, что с Данбаром его ожидают большие дела и он сможет добиться куда более внушительных успехов, чем медленно взбираясь по иерархической лестнице отделения «Стоун, Ракер и Уайт» в Торонто…

Уилсон взял ручку и взглянул на исписанную желтую страницу. Нельзя сдаваться! Если только Генри сможет собраться с силами для этой последней битвы, возможно, им удастся спасти дело всей его жизни от хищнического «Юникома».

* * *

Проведя страстную ночь с Хесусом, Меган в среду проспала до обеда. Изучая экран телефона, но еще не желая никому перезванивать, она поразилась числу пропущенных звонков от Эбби и буквально от всех высших руководителей компании. Были также звонки от банкиров, вовлеченных в операцию приобретения «Данбар-Траста» компанией «Игл-Рок». Что ж, им всем придется подождать. Перед каждым собранием совета директоров всегда было много суеты, но сейчас ей нужно мысленно сконцентрироваться и применить все свои актерские таланты для удачного исхода другого важного мероприятия — встречи с Кевином. Она хотела попросить Кевина избавить ее от Хеса. И чтобы не выглядеть чересчур капризной, ей придется изобрести для него убедительный повод для ликвидации его нового напарника. Она придумала, будто случайно выболтала Хесу важнейший корпоративный секрет, потенциально оцениваемый в сотни миллионов долларов, и теперь Хес якобы ее шантажирует угрозой продать эту информацию конкуренту — ясное дело, речь идет о «Юникоме».

А, вот и он! Она услышала гулкий звон дверного

колокола и, надев маску взволнованно-трагической озабоченности и печали, стала его ждать.

* * *

Данбар точно знал, где находится: в столовой квартиры Флоренс в Нью-Йорке, где он пил чашку кофе после обеда. Флоренс беседовала по телефону с Уилсоном, его старым другом Уилсоном, перед которым ему предстоит еще извиниться за несправедливое увольнение. Комната была вся залита светом, — что даже немного его пугало, — струившимся сквозь застекленные двери широкой террасы. Только что он находился на краю безумия и смерти, он был вне себя от ужаса, что может умереть, так и не увидев Флоренс, и вот он в ее квартире. Пусть он еще далек от обыденности возврата к нормальному состоянию, но все же лучше так, чем еще совсем недавно. Впервые за многие недели он почувствовал, что его тело — цельная конструкция, а не состоит из отдельных частей, точно деревянный клоун на шарнирах, в тряпичной одежде, с ногами и руками на веревочках. Он много спал и ел, а те ядовитые таблетки, которыми его пичкали доктор Боб и доктор Харрис, вроде бы вымылись из организма благодаря тяжким испытаниям

в горах Камбрии и уже не оказывали никакого действия на его сознание и настроение. Данбар всегда воспринимал свою крепкую физическую форму как данность и вспоминал о ней, лишь когда ее утрачивал. И только на мгновение он изумился, что она к нему вернулась — как удивился, лишившись ее. Ощущение было в равной мере знакомое и непривычное, как бывало в первый час после приезда в дом на озере в начале лета, когда он замечал тысячи знакомых мелочей, и начинало казаться, что они всегда оставались при нем.

Он силился определить, какое же по-настоящему чувство скрывается под мешаниной новизны и узнавания знакомого. Для этого были некие основания, нечто, что он едва ли когда-то знал, кроме, быть может, того момента, когда Кэтрин согласилась выйти за него, но тогда его охватило мощное чувство эйфории, а не, как сейчас, ощущение чего-то прочного, незыблемого. Вероятно, это была благодарность. Вероятно, именно так можно назвать ту опору, на которой он сейчас стоял. Да, он ощущал себя — его словарь впервые в жизни осваивал новые территории смыслов — благословенным. Его это никогда не заботило — определять свои ощущения, выходя

за обычные для него рамки, когда он различал лишь приятные ощущения и неприятные. Ему никогда не хватало ни слов для анализа собственных мотиваций, ни мотива для развития своего словарного запаса. Он вечно был захвачен действиями, влекомый тем, что казалось ему самоочевидной истиной — что нет и не может быть ничего более осмысленного, чем приумножение власти и денег. Ему уже поздно было пускаться в путешествие в глубь своего «я», но он понимал, что иного выбора у него нет. Последние несколько недель он не просто провел на грани безумия, он оказался вынут из мира фактов, статистики и закономерностей и вброшен в мир метафор, интуитивных озарений и тайных связей. И он не просто эвакуировался из зоны боевых действий, куда ему больше не надо возвращаться; он все еще был заточен в лабиринте, откуда мог выбраться не иначе, как пробравшись в самый его центр. Тем не менее он ощущал, что находится вблизи этого центра и что он найдет выход — дайте только время!

— Привет, пап! — Флоренс вошла в столовую.

— Дорогая, — просиял Данбар, — я вот тут думал, какой я счастливый и… да, благословенный!

Флоренс опустила обе руки ему на плечи и, склонившись над ним, поцеловала в макушку.

— По-моему, я еще никогда в жизни не слышала от тебя этого слова.

— Да, — согласился Данбар. — Это в первый раз. — Он улыбнулся, слегка смущенный.

Она ласково сжала его плечи в знак ободрения.

— Уилсон хочет подъехать к пяти часам, обсудить с тобой кое-какие вещи, если ты не против.

— Да, да, — ответил Данбар, стараясь побороть чувство вины. — Я должен вновь принести ему извинения. Утром я поблагодарил его и восстановил в должности.

— А он и не прекращал работать, — заметила Флоренс, — но я знаю, что он рад, что вернул твое доверие.

— И я рад, что вернул ему доверие, — проговорил Данбар.

— Здорово, что все возвращается на круги своя, — продолжила Флоренс. — Я вот подумала, может, нам сходить погулять в Парке, если не возражаешь. Сегодня чудесный день, и Уилсон приедет только через два часа.

— С удовольствием!

Пока они спускались вниз в лифте, Данбар заметил, что испытывает необъяснимую ра-

дость по любому поводу. Лифтер Дэнни, которого поприветствовала Флоренс, войдя в кабину, показался ему человеком почти ангельской доброты: треугольное кожаное сиденье в углу лифтовой кабины привлекло его внимание необычным изяществом и изысканностью старинной миниатюры; темно-серый с золотом холл поразил его зеркалами и цветами в горшках. Швейцар явно был тайно влюблен во Флоренс — кто же его будет за это осуждать? Да и вообще все напоминало Данбару события, описанные в «Одном дне в парке» — его любимой детской книжке, в которой рассказывалось, как мальчик Бобби, в шортиках и в желтом свитерке, вместе со своей элегантной мамой, в темных очках, в кремовом платье с гофрированной юбкой, идет в Центральный парк купить воздушный шарик. История была простенькая и почти бессмысленная, но она вызвала у него, четырехлетнего малыша, восторг, сродни этому чувству восхищения и благодарности, которое он испытывал сейчас, пересекая Пятую авеню и направляясь в сопровождении Флоренс к ближайшему входу в парк.

Когда она спросила, куда бы он хотел пойти, Данбар выбрал тропинку, ведущую к пруду, где посетители любили запускать модели парус-

ников.

— Я думал о нашем разговоре в самолете прошлой ночью, — сказал он. — Я чувствую себя вполне отдохнувшим и…

— Благословенным? — улыбнулась Флоренс.

— Так и знал, что ты будешь дразнить меня этим словом! — улыбнулся Данбар. — Я хотел сказать «окрепшим», но это прозвучало бы довольно странно. Суть в том, что я намерен принять твое предложение и поехать с тобой в Вайоминг.

— Это просто замечательно! — обрадовалась Флоренс.

— Пробуду там, по крайней мере, несколько недель, может быть, чуть дольше.

— Сколько захочешь!

— Твои сестры об этом еще не знают, и эта информация, строго говоря, должна быть доведена до директоров, но Уилсон убедил меня выкупить все имущественные активы «Траста», и я уже сделал щедрое предложение. Эти активы не имеют отношения к основному бизнесу, это просто хорошие инвестиции, земля в пригороде Ванкувера, Торонто и других крупных городов, на общую сумму около миллиарда долларов. Это все достанется тебе и твоим детям, вместе с произведениями искусства и домами…

— Мне кажется, у нас всего достаточно, — сказала Флоренс, немного поколебавшись, чтобы дать понять отцу, что ее тронуло его намерение. — Может быть, стоит создать специальный фонд? Купить землю, но ничего на ней не строить…

— О, ты знаешь, как спровоцировать старого капиталиста! — усмехнулся Данбар.

— Но это же честная сделка, — пояснила Флоренс, — в обмен на каждый акр, который ты будешь застраивать, купи сто акров и оставь их нетронутыми.

— Я подумаю об этом, — пообещал Данбар, уже зная, что согласится. — Земля просто будет бесполезной, — добавил он.

— Бесполезной для нас, — уточнила Флоренс.

— Да, ясно. — Голос Данбара угас. — У твоих сестер, — он решил переместиться на более твердую почву, — сильно развит инстинкт власти, и я не могу делать вид, будто не понимаю, откуда он у них, но сейчас я не вижу причин запретить им получить то, что они хотят. «Данбар-Траст» все равно останется одной из крупнейших в мире корпораций, кто бы ею ни владел. Это и будет мое наследие…

Данбар осекся. Лицо Флоренс исказила гримаса внезапной боли, и она рывком прижала ладонь

к шее.

— Что такое? — спросил он, беря ее за руку.

— Извини. Я вдруг почувствовала острый укол в шею. Как будто меня укусила пчела, но в это время года пчелы впадают в спячку.

— Дай-ка я взгляну. Сейчас не знаешь, чего ждать от природы.

Флоренс отдернула руку от шеи.

— Тут крошечная капелька крови, — заметил Данбар.

— Может быть, просто мальчишка стрельнул пулькой из духовушки? — предположила Флоренс. Она старалась казаться беззаботной, но побледнела и выглядела встревоженной.

— Тебе надо показаться врачу, — сказал Данбар. Его сердце бешено забилось в груди, а уши внезапно заложило от оглушающего звона в голове.

— Да нет, не нужен мне врач, — возразила она. — Просто продезинфицирую ранку и немного отдохну, пока вы с Уилсоном будете обсуждать дела.

— Давай-ка вернемся, — проговорил Данбар, уже без той уверенности, которую ощущал еще несколько минут назад.

* * *

Эбби, не имея времени тщательно проанализировать происходящее, решила, что это худший день в ее жизни. Она несколько часов провисела на телефоне, общаясь с топ-менеджерами «Траста» и директорами, которые должны были прибыть на собрание в десять утра завтра. В разгар кризиса Мег не отвечала на звонки, и только в три часа наконец соизволила подойти и очень удивилась сообщению, которое все сегодня наперебой обсуждали с момента, как оно появилось на новостных лентах перед открытием рынка ценных бумаг. Наконец дозвонившись до Мег, Эбби не могла поверить, что та ничего не слышала об инициативе «Юникома», и даже стала подозревать сестру в тайной продаже своего пакета акций Когниченти с той самой высокой премией, которую тот объявил. Это было бы чистым безумием, но Мег и не такое могла вытворить!

У них с Мег было по пятнадцати процентов акций «Траста» (изначально они получили по десять процентов, а потом разделили пополам пакет Флоренс, когда та отвернулась от компании), и им надо было только еще заполучить чуть больше двадцати процентов, чтобы блокировать

решение большинства голосов, необходимое для принудительного слияния компании с внешним инвестором. Ее сводила с ума мысль о необходимости разрабатывать теперь стратегию защиты, когда они планировали тихо приватизировать компанию на следующий день, заплатив за нее существенно меньше, чем «Юником» предлагал акционерам. Она уже начала думать, что было бы разумнее выдать приватизацию «Игл-Роком» за подвиг белого рыцаря, который, по счастью, оказался поблизости, в полной боевой готовности и с намерением купить компанию ради ее же спасения, но любая попытка представить предложение «Игл-Рока» как «план Б», который был загодя выработан как раз для такой вот экстренной ситуации, была невозможна, учитывая вторую ужасную новость, которую она сегодня услышала: Данбар восстановил Уилсона в должности личного юрисконсульта, и они оба собираются завтра присутствовать на совете директоров.

Самой животрепещущей проблемой, однако, оставались деньги. Точнее, их отсутствие. Ей и Байлду придется влезть в еще большие долги. У «Игл-Рока» уже были открыты крупные кредитные линии в трех банках: «Дж. П. Морган», «Ситибанке» и «Морган Стэнли», но, возможно,

им придется начать продавать некоторые второстепенные активы, чтобы приобрести средства для покупки остальных акций компании. Ситуация стремительно усложнялась. Почему не перезванивает Байлд, которому она уже обзвонилась… Он был единственный, кто мог выработать план действий и реализовать его.

* * *

Когда в холле квартиры Флоренс закрылись двери лифта, Данбар еще раз поблагодарил Уилсона. Его извинения были такими же естественными и ненатужными, как и нежелание Уилсона вспоминать старые обиды. В ходе их беседы, продолжавшейся три часа, Уилсону удалось уговорить старика снова ввязаться в битву. Новость о тендерном предложении «Юникома» и слухи — их принесли на хвосте директора, чья преданность Данбару и Уилсону явно превосходила их умение держать язык за зубами, — о том, что Эбби и Меган пытаются приватизировать компанию, убедили Данбара отложить объявление о своей окончательной отставке. Он рвался увидеть Флоренс, которая ушла к себе отдыхать после их прогулки в парке. Он чувствовал, что в его отношении к завтрашнему заседанию насту-

пила резкая перемена, и он пока не мог понять новое состояние своей души. Мысль о том, что корпорацию, носившую его имя, сожрет «Юником», теоретически была ему отвратительна, как и перспектива того, что обе его старшие дочери приватизируют компанию ценой образования гигантской задолженности, увольнения тысяч сотрудников и роспуска ряда пусть и не самых прибыльных, но весьма авторитетных холдингов. Тем не менее в его реакции на эти ужасающие новости явно отсутствовало нечто привычное. Он задумался над происходящим и вдруг осознал, что не чувствует привычной для себя ярости. Подобно знакомой картине, которую замечаешь только потому, что ее вдруг сняли со стены и от нее остался голый крючок и прямоугольник застарелой пыли на обоях — отсутствие всплеска ярости заставило его осознать, как клокотание его хваленой «энергии», которую он привык черпать из вечного протеста против неблагоприятного порядка вещей в мире, ненадолго усмирялось одержанными им большими победами, а потом его вновь пробуждало бездонное чувство разочарования. После примирения с Флоренс он, похоже, обрел умиротворение слишком глубокое, чтобы какая-то корпоративная война, пускай и

имевшая для него глубоко личный смысл, могла бы его пошатнуть. Завтра они с Уилсоном отправятся на собрание и постараются вырвать власть из рук его алчных эгоистичных дочерей, чтобы передать ее двум его доверенным управленцам; они скажут свое веское слово и в последний раз объединят усилия, чтобы спасти компанию, но право решать ее будущее он предоставит директорам и судьбе, и, что бы ни случилось, с завтрашнего дня он уйдет с Флоренс и полностью посвятит себя семье и благотворительности.

Его словно переплавили в тигле, причем он не желал и не планировал этой переплавки, и теперь в нем, казалось, не осталось ни ярости, ни амбиций — только любовь. Данбар вытянул руку и оперся о стену, и у него перехватило дыхание при мысли, какая же глубокая перемена в нем произошла и как он мог умереть, так и не изведав этой перемены.

17

Несмотря на смертельную усталость, охватившая доктора Боба тревога лишила его сна. Со стоном и проклятьями он отбросил одеяло и спустил ноги на пол. Было только пять утра, но придется вставать. Сегодня его ждет самый напряженный и судьбоносный день в жизни. Надо просто его пережить. Спасибо Когниченти и девчонкам Данбар, у него теперь довольно денег, чтобы уволиться и стать собственным лечащим врачом, единственным получателем своих экстравагантных предписаний и объектом своего профессионального внимания, но ему нужно уйти так, чтобы Эбби и Меган не узнали о его предательстве и чтобы разочарование Когниченти его неудачной попыткой избавиться от Данбара не имело опасных последствий. В целях предосторожности он заранее купил себе авиабилет до Цюриха на девять вечера. Но сейчас для него самое главное — сохранить полную ясность ума. Он положил на ладонь две тридцатимиллиграммовые «энергетические» таблетки и запил их водой из стакана, стоявшего на тумбочке около

кровати. Потом, вспомнив, что в последнее время лекарство перестало на него действовать, проглотил и третью таблетку.

* * *

— Какого хрена, Дик?! Вчера ты целый день не подходил к телефону, а сегодня будишь меня в полседьмого утра!

— Эбби, я искренне извиняюсь! — проговорил Дик Байлд. — Но вчера у меня была полная засада. И новость о «Юникоме» — как гром среди ясного неба. Людей пачками выносили на носилках. Я своими глазами видел, как самые толстокожие трейдеры рыдали в три ручья. Я же весь свой офис посадил отслеживать возможности приобретения тех двадцати процентов акций, которые дали бы «Игл-Рок» дополнительные козыри в игре и позволили бы нам, по меньшей мере, блокировать слияние с «Юникомом». Мы должны были сегодня пройти в дамки. Но выяснилось, что мы только создали вторую гору долга рядом с первой горой, созданной ранее.

— Тебе надо было раньше позаботиться об этих акциях, — ядовито заметила Эбби.

— Не надо учить меня вести бизнес, — угрожающим тоном парировал Дик. — Если начать

выкуп раньше времени, это только приведет к скачку цены, и дело кончится тем, что все акулы арбитража от Лондона до Нью-Йорка вцепятся в тебя с намерением отгрызть прибыль. Но для беспокойства нет причин: пять лучших брокерских фирм сейчас целенаправленно скупают для нас эти акции. Планировалось, что мы соберем нужный пакет как раз к середине вашего заседания, но вчера мои брокеры, мать их, один за другим стали вякать, что покупка еще не закончена или что им не удалось собрать необходимый пакет. Подозреваю, эти засранцы продали их Когниченти. Наверное, какая-то сволочь шепнула ему, где найти хороших продавцов.

— Кто-то из твоей компании?

— Эбби, я же сказал, в офисе было полно взрослых людей, плачущих как дети: они оплакивали свои рождественские бонусы. Мы три месяца работали, не поднимая головы, на эту сделку «Игл-Рока». Я могу гарантировать стопроцентную преданность каждого моего сотрудника.

— Это грандиозный облом, — жестко заключила Эбби.

— Остынь, — успокоил ее Дик. — У нас есть варианты. Мы постараемся подобрать оставшиеся крохи и выдвинем контрпредложение с при-

зывом к старым верным акционерам Данбара проявить солидарность. У наших брокеров накоплены большие пакеты акций, но еще больше остается у мелких акционеров — а это миллионы простых граждан. Плохо то, что нам придется взять новый кредит, чтобы перебить предложение «Юникома».

— Вот и займись этим! — хмуро процедила Эбби.

— Уже занимаюсь!

* * *

Данбару не хотелось стучаться к Флоренс: она могла спать. Попрощавшись с Уилсоном, он заглянул к ней, но она извинилась и, сославшись на недомогание, осталась лежать. Положив руки на низ живота, она пожаловалась на спазмы в кишечнике, а он решил, что так она тактично намекает на начавшиеся месячные, и не стал больше задавать вопросов. А она призналась, что хочет хорошенько выспаться перед трудным завтрашним днем. Так что у нее еще было время поспать. Правда, она не собиралась ехать на собрание, а Уилсон должен за ним заехать через час с лишним. Так что он пока подготовится к собранию. Он разложил на кровати белую ру-

башку и темно-серый костюм, темно-бордовый галстук с чуть заметным узором из светлых многогранников и достал золотые запонки — этот привычный наряд, который он носил много десятилетий, теперь казался ему странным и даже слегка комичным.

Через несколько минут он уже стоял под душем и отрешенно смотрел, как струи воды, точно дождевые потоки на горном склоне, стекают вниз по его телу. Можно ничего не делать — просто стоять и смотреть. Его охватило до сих пор не испытываемое чувство покоя. Пусть «Юником» сожрет его компанию, пусть его дочери ее приватизируют, или пусть она останется такой, как есть, и управляется лояльными ему топ-менеджерами; в этот момент ему было все равно, какой вариант окажется возможным. Он чувствовал, что его смирение с судьбой было одновременно явным и тайным, как слезы, которые щипали уголки глаз, оставаясь незаметными среди водяных струй, бежавших по щекам. Он плакал от переполнявшего его чувства благодарности и был благодарен этим слезам. Ему даже было наплевать, что он превратился в глупого старика, плачущего по любому поводу; какое это облегчение — перестать контролировать себя во всем! Он-то воображал, что

дело его жизни — создать одну из самых могущественных в мире корпораций, но теперь понял, что на самом деле все свелось к обретению вновь своей невинности. И жизнь, как оказалось, была движением по кругу, вынудившим его вторично пройти на карачках через стадию детства, а потом неожиданно отправиться вспять и благодаря камбрийской ордалии пережить нечто сродни второму рождению. И его, по-видимому, круговой маршрут в последний момент разорвался и открыл перед ним новую область жизни, где все казалось идеальным именно в том виде, в каком оно предстало перед его взором. Наконец остатки практичности вынудили Данбара выключить воду, выйти из кабинки и завернуться в простыню. Вернувшись в спальню, он бросил взгляд на одежду, разложенную на диване, и с юмором отнесся к мысли, что все это придется надеть на себя. Вместо того он опустился в кресло в углу комнаты, между окном и платяным шкафом, и с удивлением поймал себя на ощущении, что ему — в его-то возрасте! — придется что-то делать впервые в жизни.

Раздался стук в дверь, и прежде чем он успел ответить, вошла Флоренс в халате. Она нетвердо подошла к кровати и бессильно опустилась на

нее. Ее лицо было удивительно бледным, и она с явным трудом пыталась держаться.

— Извини, папа, — еле ворочая языком, произнесла она. — Я бы не стала вот так врываться к тебе, но мне что-то ужасно плохо. Сама не пойму, что со мной. Меня вырвало. Я вообще-то хочу на время переселиться в детскую — а у меня там надо прибрать… Не смогла сдержаться. Это не очень честно…

Флоренс осеклась на полуслове и, обхватив себя обеими руками, согнулась от нестерпимой боли.

— Боже мой! — воскликнул Данбар, присев рядом с ней и положив руку ей на спину. — Надо вызвать врача! — Он похлопал ее по плечу, ободряя и себя, и дочь.

— Я уже вызвала, — задыхаясь, сообщила Флоренс. — Не откроешь ему дверь?

— Конечно, открою!

— О боже! — прохрипела она, подавшись вперед. Ее снова вырвало.

— Милая моя! Да что с тобой?

— Не знаю…

— Ляг! Я сейчас принесу тазик…

Данбар вскочил — его сердце бешено колотилось в груди. Взглянув на пол, он перепугался, заметив на ковре кровавую лужицу. Он выбежал

из комнаты, охваченный паникой и яростным протестом: если бог есть и он позволил Флоренс серьезно заболеть, тогда он не лучше какого-нибудь безумца-преступника…

Но где же врач? Где этот чертов врач?

* * *

Кевин напросился на завтрак, чтобы «обсудить кое-какие вопросы безопасности», и было логично предположить, что это именно он сейчас и звонит в дверь, но Хес в данный момент готовил свой фирменный витаминно-протеиновый энергетический коктейль, и потребовалось бы четыре здоровяка, чтобы оторвать его от блендера. Мало того, он еще и не спеша включил чайник и только потом направился к входной двери. Перекрывая вой блендера и шум закипающей воды, он поприветствовал Кевина и впустил его в свою скромную квартирку-студию. Единственным украшением пустых белых стен был слегка изогнутый черный самурайский меч, висящий на невидимых гвоздях над плоским тюфяком в дальнем углу.

— Здоров, дружище! — осклабился Кевин, и его показное добродушие сразу показалось Хесу подозрительным. Гость явно собирался попро-

сить его о чем-то малоприятном или сообщить плохую новость.

— Как дела? — спросил Хес и, вернувшись к кухонной стойке, выключил блендер как раз в тот момент, когда вода бурно закипела и термостат электрического чайника отключил его. Хес всегда ценил выверенную эффективность и безупречную синергию всех своих действий и никогда не терял бдительности. С тех пор как завязались отношения с Меган, все у него получалось ловко и гладко. Это было как идеальный секс или как идеальная интуиция, когда можно было вслепую выстрелить сквозь простенок, не промахнувшись, — и услышать с той стороны глухой стук упавшего тела.

Ему было наплевать, с какой бедой к нему пришел этот урод Кевин: завтра они с Меган улетят на борту частного лайнера на Мауи и будут там ловить на лету падающие с деревьев спелые манго. Когда он упивался чувством собственного превосходства, а также не менее сладостной перспективой испытать взрыв энергии, произведенный пинтой свежесваренного черного кофе, смешанной с пинтой зеленого протеинового коктейля, его внимание привлекло чуть заметное затемнение на блестящей стальной поверхности

пузатого чайника. Он увидел там увеличенное отражение руки Кевина, которую тот сунул внутрь кожаного коричневого пальто, и только благодаря своей неусыпной бдительности, о которой он размышлял минуту назад, Хес сразу догадался, что Кевин полез за оружием.

Развернувшись на месте, Хес подкинул горячий чайник вверх — так что обжигающая лента кипятка хлестнула Кевина по рукам и лицу, — одновременно нанеся ему мощный удар ногой в промежность. Когда Кевин, согнувшись, метнулся вперед, Хес обрушил чайник ему на голову, схватил его правую руку и резко вывернул ее, заставив пистолет вывалиться из разжатых пальцев. Он оттолкнул ногой пистолет в дальний угол комнаты и, нанеся Кевину апперкот в левый висок, подскочил к своему тюфяку и вырвал из ножен на стене искривленный черный меч.

Кевин, надо отдать ему должное, был бойцом умелым и, несмотря на полученные ожоги, почти ослепившие его, и два сокрушительных удара ногой и кулаком, устоял и даже ухитрился сорвать кухонный нож с магнитного держателя над плитой. Хес отшвырнул нож и ринулся на своего врага, отведя лезвие в сторону и изготовившись для удара.

— Мужик, я знал, что ты ревнуешь, — прохрипел Хес, — но я не думал, что ты совсем спятил!

— Ревную? — переспросил Кевин, морщась от боли. — Да меня к тебе подослала эта сука!

— Забери назад свои лживые слова, ублюдок, — гневно вскричал Хес.

— Это правда, дружище! Она сказала, что ты ее шантажируешь и что тебя надо убить!

— Нет! — выкрикнул Хес. — Нет!

Но даже не веря своим ушам, он понял, что Кевин не врет. И единственное, чему он мог безоговорочно доверять в этом дерьмовом мире, так это оружию в своих руках.

— Нет! — снова крикнул Хес и полоснул Кевина по шее.

Потом взял с края мойки аккуратно сложенную льняную салфетку и обтер лезвие. Сунув меч обратно в ножны, он думал только об одном — об отмщении.

* * *

— Тебе надо поехать на совет! — тихо произнесла Флоренс.

— Я тебя не оставлю, — возразил Данбар. — Уилсон может поехать вместо меня.

— Я не уеду, пока мы не поймем, в чем дело, —

вмешался Уилсон.

— Карета «Скорой помощи» приедет минут через шесть, — сообщил врач.

— О, перестаньте соревноваться в преданности мне! — улыбнулась Флоренс, но хотя она старалась выглядеть беззаботной и деловитой, ей пришлось вновь отвернуться и извергнуть в таз порцию крови и слизи. — Помимо всего прочего, — добавила она, — я не хочу, чтобы вы видели меня в таком состоянии.

— Могу, по крайней мере, я остаться? — спросил Крис. Он сидел на краю кровати, нежно сжимая ногу Флоренс под одеялом. — Ты забываешь, — с улыбкой добавил он, — что мы вместе дважды плавали вдоль берегов Мексики и я тебя такую уже видел…

— Это совсем другое, — возразила Флоренс. Впервые в ее глазах отразился затаенный страх. — Меня просто выворачивает наизнанку. Мне никогда не было так плохо.

Но заметив выражение лица отца, она сразу пожалела, что так разоткровенничалась с Крисом.

— Ради бога! — закричал Данбар, обращаясь к врачу, словно тот мог уступить его напору и поделиться наконец своими соображениями. — Что вы намерены предпринять?

— На дому это вылечить нельзя, — сухо отчеканил врач. — Когда приедет «Скорая», мы введем ей сильное противорвотное, начнем прочищать желудочно-кишечный тракт активированным углем, возьмем анализ крови и кожи из ранки на шее и направим его в лабораторию экстренной патологии. А через полчаса она будет находиться в отделении реанимации Пресвитерианской больницы, где ей окажут самую квалифицированную в мире медицинскую помощь. И если мы все будем сохранять спокойствие, пациентке это пойдет на пользу!

Данбар испуганно уставился на врача.

— Отделение реанимации? — повторил он хриплым шепотом.

* * *

Меган развалилась на заднем сиденье своей машины, притворяясь, будто ждет, когда же наконец выйдет Эбби, а на самом деле она с нетерпением ждала эсэмэску от Кевина. Они уговорились о двух вариантах кодового сообщения. Спустя час после его утренней встречи с Хесом она отправила ему невинную эсэмэску с просьбой встретиться с ней у Данбар-билдинга сразу по окончании совета директоров. В случае успешной расправы с

Хесом он должен был ответить: «Понял». В случае же возникновения непредвиденных сложностей ответ был бы таким: «Подъеду туда». Но ответа вообще не было никакого. Она приказала себе не волноваться, приказала строго-настрого, но ее тревога, в отличие от многих угодливых членов ее свиты, отвергла ее приказ и полностью подчинила себе все ее мысли. А вдруг Кевин и Хес каким-то образом сговорились о сотрудничестве? Они же, в конце концов, были братьями по оружию. Кто знает, какие странные узы могут связывать мужчин, которым официально позволено калечить, пытать и убивать? А что, если Хес его одолел? Сможет ли она тогда убедить его в том, что Кевин действовал по причине безумной ревности и что она готова зажечь тысячу свечей в церкви и возблагодарить бога за спасение драгоценной жизни Хеса?

— Привет! — Услышав голос Эбби, Меган вздрогнула и отвлеклась от своих невеселых раздумий. — Ну и жуткий же сегодня денек…

— А, привет! Я тоже рада тебя видеть! — буркнула Меган, ухватившись за сарказм, как за спасательный круг, чтобы не утонуть в лавине вопросов, роившихся у нее в голове.

— Мне неприятно признаться, — продолжа-

ла Эбби, — но сегодня у меня состоялся крайне неприятный разговор с Диком Байлдом. Он полностью облажался. Ему не удалось обеспечить выкуп пакетов акций, которые мы наметили. Нам придется занять еще больше денег, и эта задолженность съест значительную часть нашей прибыли.

— Может, мы просто не пойдем на этот сраный совет? — предложила Меган, и ее встревожило внезапное равнодушие к деньгам, возникшее из-за страха оказаться за решеткой.

— Ради бога, Мег! — начала Эбби, но, взглянув на перекошенное лицо сестры, осеклась. Она никогда еще не видела Меган такой испуганной и уж точно никогда не видела ее в отчаянье; и теперь оба эти несвойственные Меган чувства, соединившись, отразились в ее застывшем взгляде. Она излила свое раздражение на водителя.

— Ну и чего ты ждешь? Едем!

* * *

— Будет весело, — усмехнулся Когниченти, включив компьютер. — Я наладил контакт с новым членом совета директоров, чью анонимность я сохраню, называя его просто «доктором Бобом».

— Ах, этот осел! — воскликнул Дик Байлд. — А он-то что делает в совете?

— Девочки сделали его членом совета в награду за некоторые благодеяния.

— Благодеяния, связанные с экстрасильным перкосетом или оказанные им «Данбар-Трасту»?

— Полагаю, он выписывал рецепты пачками, и кроме того, еще и сыграл ключевую роль в отстранении Данбара.

— Недостаточно ключевую! — сварливо заметил Байлд. — Я слышал, старик вчера вечером вернулся в Нью-Йорк. Даже Виктор не осмеливался перечить Генри Данбару. Вот почему ты решил их подслушивать. Хочешь понять, остался ли у него еще порох в пороховницах.

— Порох? — переспросил Когниченти. — Да старик еще два дня назад был клиническим безумцем. Без тебя заявка «Игл-Рока», считай, накрылась медным тазом. И что он сможет сделать? Обратится с прочувствованной речью к членам совета директоров и объяснит им, что, коли они отвергнут его предложение двадцатидвухпроцентной премии, ответственность целиком ляжет на них и им придется до конца своих дней судиться с разгневанными акционерами?

Стив поставил на стол пару ледяных бутылок

японского пива — словно оба собирались посмотреть футбольный матч.

— Это дело решенное, Дик, — сказал Стив и, нагнувшись к компьютеру, усилил звук. — Смотри и получай удовольствие!

18

— Нет! — горестно произнес Данбар. — Только не Флоренс!

— Мне жаль, — произнес врач, изумившись неуместности своих слов.

— Ей надо пересадить новые органы, — рассуждал вслух Данбар, — подключить ее к какому-то аппарату, пока производится замена. Возьмите у меня, если невозможно быстро найти донора. Я понимаю, что я старик, но мои органы все еще работают.

Данбар скинул пиджак и сорвал галстук с шеи.

— Мистер Данбар… — начал врач.

— Это же противоестественно, если она умрет раньше меня! — Данбар расстегнул пуговку на воротнике. — Все должно быть наоборот. Возьмите то, что ей нужно: сердце, легкие, печень, почки, глаза, все, что спасет ей жизнь!

— Мистер Данбар, мы ничего не можем сделать. — Врач взял старика за локоть. — Мне очень жаль, у нее весь организм поражен, даже если мы пересадим ей новые органы, они быстро начнут отказывать. Флоренс отравили абрином — ток-

сином, для которого не существует антидота, и к тому же соединенным с другими ядами, чтобы гарантировать ее смерть, причем сделав ее максимально болезненной. Мы чистим весь ее организм, мы сделали ей переливание крови, что немного оттянет конец, но процесс умирания ее организма уже не остановить.

Данбар медленно расстегивал пуговки на рубашке, пока не дошел до самого низа.

— Что ты делаешь? — пробормотала Флоренс, очнувшись от забытья, в которое ее погрузили сильные седативы.

— Я хочу стать донором…

— О папа! — Глаза Флоренс наполнились слезами.

Данбар сжал ее руку. С облегчением и ужасом он понял, что чувствует онемение, охватившее все его тело — точно такое же он ощутил, услышав, что Кэтрин «уже не оправится», — и что у него уже не осталось больше душевных сил, дабы оттянуть момент капитуляции перед горем и одиночеством. Был ли это триумф самопознания: сделать свое страдание более осязаемым? А ведь только лишь вчера он впервые в жизни ощущал себя благословенным! Было нечто непристойное во всеядной ясности его новообретенного

сознания. Ах, если бы он смог уехать с Флоренс в Вайоминг, если бы он отказался от власти чуть раньше. А теперь он был словно слепец, вновь обретший зрение перед тем, как его выкатили в инвалидном кресле к «Наказанию Марсия»[45] — и теперь он был не в силах ни шевельнуться, ни сдвинуться с места, и он точно знал, что больше уже никогда не увидит других картин.

— Мы будем за дверью, — обратился врач к Флоренс. — Если вам что-то понадобится — нажмите вот на эту красную кнопку.

Та кивнула, но ничего не сказала, точно у нее остался ограниченный запас слов, и ей следовало пользоваться ими с величайшей осторожностью. Но как только врач и медсестры вышли, она заговорила вновь:

— Я не боюсь смерти, скорее мне грустно, что моя смерть заставит других страдать… и что моя любовь оказалась бесплодной.

Она бросила взгляд на Криса, словно моля его о прощении от имени всех людей, кого могла заставить страдать ее смерть.

---

[45] Примечания: 45

«Наказание Марсия» — полотно итальянского живописца Тициана (после 1570 г.). В древнегреческой мифологии Марсий — пастух-сатир, выигравший у Аполлона состязание в игре на флейте. Аполлон наказал Марсия, подвесив его на высокой сосне и содрав с него кожу.

— Бесплодная любовь, — повторил Данбар, потрясенный вердиктом дочери и видом ландшафта, возникшего у него перед мысленным взором.

— О, папа! — горячо прошептала Флоренс. — Я так рада, что мы успели помириться, пока не стало поздно…

— Но уже поздно! — Данбар не смог сдержать выкрика.

— Знаю… Дети — мне невыносимо думать, что я бросаю их, когда они еще так малы!

Старик пытался найти слова утешения для своей горюющей дочери, но речь далась ей слишком тяжело, и прежде чем он успел снять с души Флоренс бремя незаслуженного чувства вины, она закрыла глаза и, едва дыша, осталась лежать без движения.

— Она отдыхает, — произнес Уилсон. — Давайте присядем ненадолго.

Данбар буквально рухнул на кресло в углу. Он нелепо смотрелся: начищенные до блеска черные туфли, строгие черные брюки и — нагота под распахнутой белой рубашкой. Он глядел на поросль седых волос у себя на груди, вздымающихся и опускающихся в такт дыханию, так, словно искал признаки жизни в чужом теле.

— Милосердия нет, — проговорил Данбар, обхватив ладонями виски, — ни на земле, ни выше.

Он ощутил, как боль стальным обручем сковала его лоб. А потом второй обруч боли опоясал ему грудь. Он скрестил руки на груди и вцепился в бока, точно сжал себя в объятиях после долгой разлуки, а затем откинулся на спинку кресла, с трудом дыша. Он почувствовал прилив того бездонного ужаса, который ведом астронавту, оторвавшемуся от страховочного фала и падающему в безжизненную пустоту космоса. Затем голову затопил тяжелый поток — такое же ощущение он испытал при падении навзничь тогда на льду, в Давосе: казалось, он замер, как бы балансируя между сознанием и забытьем, с удивительным равнодушием отметив про себя момент, когда его голову захлестнуло предвкушение забытья.

Прежде чем он осознал, что с ним происходит, врач уже подскочил к нему, деловито отдавая распоряжения медсестрам. Данбар расслышал слова «дефибриллятор» и «кислород» и ощутил, как его поглотила аура суетливой тревоги, схожая с болью, впившейся в голову и сердце.

— Не беспокойтесь, мистер Данбар, — успокоил

его врач. Он уже держал шприц наготове. — Сейчас мы избавим вас от боли.

— Прошу, не надо! — задыхаясь, взмолился старик. — С меня довольно! Я пожил довольно!

— Я понимаю, вы перенервничали и переутомились…

— И чего, по-вашему, я рискую не увидеть? — спросил Данбар. — То, как умирает моя дочь?

— А что, по-вашему, она должна увидеть в последние часы своей жизни? — парировал врач. — Как умираете вы?

Данбар узрел истину в словах врача и покорно протянул ему руку для инъекции. Он должен находиться у смертного одра Флоренс и отдать ей остатки своей жизненной силы и доброты, оттягивая собственную кончину.

— Больше жизни! — пробормотал он, когда прозрачная жидкость из шприца влилась в его кровоток и тотчас сняла напряжение в голове и груди. — Вы не возражаете, если я поговорю с Уилсоном и Крисом наедине?

— Разумеется, — учтиво произнес врач, словно до этого между ними возникла ссора.

— Чарли. — Данбар подался вперед и приблизил губы к уху старого друга. — Я не хочу говорить о… Я не могу говорить о…

— Я понимаю, — кивнул Уилсон.

— …но когда все это закончится, прошу, не позволяй этим ублюдкам спасать мою жизнь!

— Мы можем оформить твое завещание о сроках поддержания жизнеспособности.

— Сделай это, — сказал Данбар, словно пытаясь вспомнить какую-то цитату. — Не дай девкам завладеть моей компанией. Окажи содействие Когниченти — это единственный способ устранить их. И узнай, не замешана ли одна из них в отравлении Флоренс, и если так, то приложи все силы, чтобы отправить ее в тюрьму до конца жизни!

— Я так и поступлю! — пообещал Уилсон. — Эбби и так уже разыскивается британской полицией в связи с самоубийством Питера Уокера.

Данбар снова откинулся на спинку кресла.

— Он покончил с собой?

— Мне жаль. Я думал, Флоренс тебе сообщила.

— Нет. — Данбар устремил невидящий взгляд в сторону, временно вырвавшись из тисков ужаса, словно в его душе не осталось больше места ни для слов, ни для мыслей, ни для нового горя. Он видел лежащую в кровати Флоренс — неподвижную, с закрытыми глазами. Крис сидел рядом и наблюдал, как она прерывисто дышит.

— Нет, она мне не сообщила, — после долгой паузы произнес Данбар. — Бедняга Питер. Он был мне друг. Без него я бы не смог там…

Он растерянно взглянул на Уилсона.

— Как же это случилось, Чарли? Почему твой сын смотрит, как умирает моя дочь? Почему все в моей жизни разрушается, как только я впервые начал понимать ее смысл?

— Все мы обратимся в прах, — тихо ответил Уилсон. — Но понимание смысла жизни не будет разрушено, да этого и не может произойти, пока на Земле остается кто-то живой, желающий поведать правду.

Благодарности

Я хочу поблагодарить моего друга Доминика Армстронга за профессиональное содействие в моей работе над сюжетными линиями, имеющими отношение к бизнесу и финансам.

Я также благодарен Джону Роджерсону за помощь в прояснении ряда юридических вопросов, возникших по ходу романа.

Также выражаю благодарность Монике Кармоне за то, что она обратила мое внимание на серию «Хогарт Шекспир», и Джульетте Брук за блестящую редактуру моей рукописи, которую я написал, приняв приглашение внести свою лепту в эту серию.

И еще хочу поблагодарить Джейн Лонгман и Френсиса Уиндэма за то, что они, как всегда, остаются моими первыми и неизменно вдохновляющими читателями.